

Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

№ 4(1)

Киров
2012

ББК 74.58я5
В38

Главный редактор
В. Т. Юнгблуд,
доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия:
Ю. А. Балыбердин,
доктор исторических наук, доцент (зам. главного редактора);
М. С. Судовиков,
кандидат исторических наук, доцент (отв. секретарь);
Т. Я. Ашихмина,
доктор технических наук, профессор;
Е. М. Вечтомов,
доктор физико-математических наук, профессор;
В. С. Данюшенков,
доктор педагогических наук, профессор, чл.-кор. РАО;
П. И. Кононов,
доктор юридических наук, профессор;
А. А. Мосунова,
доктор психологических наук, доцент;
М. И. Ненашев,
доктор философских наук, профессор;
С. М. Окулов,
доктор педагогических наук, профессор;
В. А. Поздеев,
доктор филологических наук, доцент;
Г. И. Симонова,
доктор педагогических наук, доцент;
С. В. Чернова,
доктор филологических наук, профессор

Ответственные за выпуск:
К. С. Лицарева,
кандидат филологических наук, доцент;
В. Н. Оношко,
кандидат филологических наук, профессор;
Н. И. Поспелова,
кандидат искусствоведения, доцент;
А. А. Харунжев,
кандидат педагогических наук, доцент

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26,
тел. (8332) 673-674 (Издательство ВятГГУ)

Редактор Ю. Болдырева
Компьютерная верстка: Ю. Холмова

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

© Вятский государственный гуманитарный университет (ВятГГУ), 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

<i>Капитон В. П.</i> Размышление об объективных законах природы	6
<i>Окулов С. М.</i> Должна ли наука информатика опираться на понятие информации?	10
<i>Калашникова Е. М.</i> Идентичность человека в обществе риска	14
<i>Суворов Г. В.</i> Научное познание и мировоззренческая культура	17
<i>Трапезников М. В.</i> Прикладные разработки как форма современной взаимосвязи науки и практики	22

ИСТОРИЯ

Отечественная история

<i>Лавров В. М.</i> Отечественная война 1812 г. как свидетельство непобедимости земли Русской	25
<i>Еремин А. В.</i> Взаимодействие Русской православной церкви и государства в контексте глобализации	30
<i>Соловьёва И. А.</i> Становление казначейства в Вятско-Камском регионе в конце XVIII – начале XX в.	37

Всеобщая история

<i>Воробьёва Т. А.</i> Восприятие Вьетнама американским обществом в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы	41
<i>Зорин А. В.</i> Развитие кризиса вокруг Чехословакии в 1933–1937 гг. в сообщениях американских дипломатов	50
<i>Калинин А. А.</i> «Красная угроза» Греции в оценках американских дипломатов в 1946–1949 гг.	55
<i>Костин А. А.</i> Восприятие Соединёнными Штатами советско-югославских отношений в 1944–1948 гг.	65
<i>Ильин Д. В.</i> Восприятие Советского Союза американскими парламентариями и пролонгация акта о ленд-лизе (1943–1945 гг.)	72

ПРАВО

<i>Артемьев Н. С., Розуван А. М.</i> Обеспечение законности в деятельности исправительных учреждений и их должностных лиц	80
<i>Домрачев Д. Г.</i> О неотложных мерах по повышению конкурентоспособности российского предпринимательства в условиях интеграции во Всемирную торговую организацию	85
<i>Семенов А. В.</i> Становление системы народных судов РСФСР в 1917–1922 гг.	87
<i>Ярославцева Д. К.</i> Метод толкования Конституции США: понятие, сущность, общая классификация	92

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

<i>Владыкина Т. Г.</i> Символика березы в свадебной обрядности удмуртов	96
<i>Мощанская О. А.</i> Истоки поэтической традиции («Беовульф» и «Слово о полку Игореве»)	99

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

<i>Бажин К. С., Симонова Г. И., Ходырева Е. А.</i> Исследование представлений молодых ученых о психолого-педагогических механизмах и средствах формирования общекультурных, профессиональных и личностных компетентностей обучающихся	103
<i>Калинин С. И.</i> Реализация положений фундаментализации образования в практике обучения будущих учителей математики	108
<i>Бакиштова Е. В.</i> Скрытая семантика социальных функций в аутодискурсе интеллигенции	116
<i>Саутина Е. В.</i> Коммуникативная и информационная компетенции: к проблеме компонентного анализа	122

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Коршунова О. В.</i> О реализации научно-исследовательского проекта «Педагогические династии Вятского края»	127
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Поздеев В. А., Маслова А. Г.</i> Удачная рефлексия «творческих неудач»	133
<i>Низовских Н. А.</i> Психология русской интеллигенции	134
<i>Сведения об авторах</i>	136
<i>Information about authors</i>	139

CONTENTS

- Kapiton V. P.* Reflection of the objective laws of nature
- Okulov S. M.* Should the science of informatics based on the concept of information?
- Kalashnikova E. M.* The identity of the person in society at risk
- Suvorov G. V.* Science and world out-look culture
- Trapeznikov M. V.* Application development as a form of the relationship of modern science and practice
- Lavrov V. M.* War of 1812 as evidence of the invincible Russian Land
- Eryomin A. V.* The interaction of the Russian Orthodox Church and the State in the context of globalization
- Solovyova I. A.* The Formation of the Treasury in the Vyatka-Kama Region of the End of XVIII – the Beginning of XX Century
- Vorobyova T. A.* The Perception of Vietnam in the American Society during the Second World War and the first postwar years
- Zorin A. V.* The development of the crisis over Czechoslovakia in 1933–1937 in U.S. diplomatic reports
- Kalinin A. A.* «Red Menace» to Greece in assessments of American diplomats in 1946–1949
- Kostin A. A.* The U.S. perception of the Soviet-Yugoslav relations in 1944–1948
- Ilyin D. V.* The perception of the Soviet Union by the American Parliamentarians and prolongation of lend-lease act (1943–1945)
- Artemyev N. S., Rozuvan A. M.* The rule of law in the activities of correctional officers and their officials
- Domrachev D. G.* On urgent measures to improve the competitiveness of Russian enterprises in terms of integration into the World Trade Organization
- Semeno A. V.* The formation of the people's courts in the Russian Federation 1917–1922
- Yaroslavceva D. K.* Method of interpretation of the United States Constitution: notion, essence, general classification
- Vladykina T. G.* The image of the birch in the Udmurt wedding tradition
- Moshanskaya O. L.* The Poetic Tradition's beginning ("Beowulf" and "Slovo o polku Igoreve")
- Bazhin K. S., Simonova G. I., Kbodyreva E. A.* The research of young scientist's representations on psychological and educational mechanisms and means of forming the cultural, professional and personal competencies of students
- Kalinin S. I.* The implementation of the fundamental nature of education in the practice of teaching future math teachers
- Bakshutova E. V.* Latent semantics social function in autodiskurse intelligentsia
- Sautina E. V.* Communicative competence and information: the problem of component analysis
- Korshunova O. V.* On the realization of research project "Pedagogical dynasty of Vyatka Region"
- Pozdeev V. A., Maslova A. G.* Successful reflection "creative failures"
- Nizovskikh N. A.* Russian intelligentsia psychology

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 113

В. П. Капитон

РАЗМЫШЛЕНИЕ ОБ ОБЪЕКТИВНЫХ ЗАКОНАХ ПРИРОДЫ

В статье утверждается необходимость холистического мировоззрения и анализируется онтологический и гносеологический статус общих законов природы.

The paper argues the need for a holistic world view and analyze the ontological and epistemological status of the general laws of nature.

Ключевые слова: законы природы, космология, бытие, эволюция.

Keywords: laws of nature, cosmology, existence, evolution.

Человеческое сознание мгновенно заполняет «пустоты» если не научными образами, понятиями, идеями, то религиозными, художественными, мистическими и оккультными, наконец, мифологическими и обыденными. В связи с этим сделаем два замечания. Во-первых, современная космология исходит из неявной предпосылки, что Вселенной свойственна внутренняя упорядоченность, в противном случае мир было бы невозможно рационально познать и описать. Эта предпосылка не относится к числу строго доказанных истин, чаще имеет апофатическое обоснование, но мало кто из крупнейших философов и естествоиспытателей проявлял желание ее опровергать. Русский философ И. А. Ильин, изучавший религиозные основания науки, пришел к выводу, что мыслить научно – значит стремиться думать в соответствии с той формой абсолютной разумности, которой подчинена Вселенная.

Осмысливание мира в терминах объективных законов требует риска веры в высшую разумность космоса. А. Пуанкаре, один из основателей релятивистской физики, писал, что наполненность мира гармонией есть «вечное чудо», исключения из законов крайне редки и эстетическое в науке в первую очередь связано с созерцанием этого бесценного чуда. «Тот, кто его вкусил, кто увидел хотя бы издали роскошную гармонию законов природы, будет более расположен пренеб-

регать своими маленькими эгоистическими интересами, чем любой другой. Он получит идеал, который будет любить больше самого себя, и это единственная почва, на которой можно строить мораль» [1].

Вместе с тем концептуальное построение современной картины мира на основе признания общих законов Вселенной периодически подвергается жесткой критике со стороны скептически настроенных философов и ученых, которые ставят под вопрос холистическое мировоззрение (холизм (от греч. ὅλος – целый, весь) – философская позиция, предполагающая качественное своеобразие целого по отношению к его частям. В гносеологии означает, что познание целого должно предшествовать познанию его частей). Нынешняя «постмодернистская деконструкция» холистического мироотношения имеет целью десакрализовать религиозные основания естествознания, подорвать веру ученых в объективную реальность законов природы и свести фундаментальные науки к технологии “know how”. В то же время усиливается тенденция возродить холизм – создать новую картину целостности мира и человека, восстановить в рамках неохоллизма веру в объективную реальность законов Вселенной.

Современная космология напоминает скорее хаотическое нагромождение гипотез, совокупность спекулятивных предположений, чем стройную картину. Пишут о замкнутой Вселенной, которая в момент Большого взрыва была на 20 порядков меньше атомного ядра, т. е. имела размер порядка 10^{-33} см. При этом ссылаются на закон сохранения энергии, не запрещающий возникновение элементарных частиц «из ничего», или вакуума, который рассматривается как особое состояние физической формы материи.

Дж. Серль в своей книге «Открывая сознание заново» пишет: «Итак, общая теория относительности устраняет последнее препятствие на пути рождения Вселенной “из ничего”. Энергия “ничего” равна нулю. Но и энергия замкнутой Вселенной равна нулю. Значит, закон сохранения энергии не противоречит образованию “из ничего” замкнутой Вселенной» [2]. Российский космолог Г. М. Идлис высказывает идею о том, что масса нашей Метагалактики относительно внешнего наблюдателя будет очень малой, а поэтому элементарные частицы и такие объекты, как метагалактики, оказываются вполне совместимыми.

Кстати, подобная идея была сформулирована еще в античной Греции в виде положения о взаимосвязи самого большого и самого малого.

«Пикантность» гносеологической ситуации относительно понимания «природы» космологических и квантово-физических объектов состоит в том, что не замечается фантастичность выводов. Вот любопытное размышление современных киевских философов о природе физической реальности: «Методология нарративистики отвергает подобную интерпретацию природы физической реальности. Согласно этой методологии, физическая реальность не существует сама по себе, а производится. И производит ее тот, кто осуществляет диалог с бытием. Этот участник диалога создает ее примерно так, как создавал рассказчик живыми, волевыми, наделенными творческим воображением “Повесть временных лет”, “Книга бытия”, “Текст”. Физическая реальность оказывается социальным продуктом, она – продукт не только физических действий экспериментатора, но и его фантазии» [3].

Авторы рассуждают о физической реальности как о некоем аморфном образовании, лишенном каких-либо законов. Указание на то, что физическая реальность не существует сама по себе, а «изготавливается», «конструируется» субъектом познания, наводит на мысль о том, что авторы солидаризируются с известным замечанием И. Канта о конструировании законов природы, о котором немецкий философ заявил в «Предисловии» ко второму изданию «Критики чистого разума». Однако авторы на протяжении всего раздела книги не обмолвились ни словом о том, что же такое естественнонаучные законы и каково их отношение к объективным законам природы, если таковые существуют, в то время как И. Кант свою работу «Критика чистого разума» посвятил именно проблеме закона, прекрасно понимая, что рассудок и разум по-разному «воспринимают» эту реальность, которая имеет социокультурный характер.

Между тем признание существования физической и космологической реальности немислимо без понимания особенностей объективных космологических законов, или, как обычно говорят, естественнонаучных законов. С. Д. Хайтун в статье «Эволюция Вселенной», комментируя основное содержание работ И. Д. Новикова (известного космолога!), пишет: «Как можно утверждать что-либо о других Вселенных, если нельзя выйти за пределы собственной?! Концепция “кипающего вакуума”, несомненно, проходит по ведомству научных спекуляций, которые, играя в науке позитивную роль, прокладывают новые пути. Вот только не следует преподносить их как “последние достижения физики”, проверяемые “точнейшими наблюдениями»» [4]. Сам же

И. Д. Новиков пишет следующее о законах: «...Наша Вселенная вечна. Она – один из пузырей в Сверхвселенной... Согласно теории, другие вселенные существуют, однако физические законы в них могут кардинально отличаться от законов нашего мира... Можем ли мы... выйти за границы нашего пузыря... и исследовать другие Вселенные? К сожалению, непосредственно это сделать нельзя. Дело в том, что границы каждого пузыря расширяются со скоростью, большей скорости света. Границы нашей Вселенной удаляются быстрее любого сигнала, который мы можем послать к границе. Следовательно, выйти за его границы мы не можем» [5]. Выскажем следующие замечания.

Категория «закон» = «объективный закон природы» – философская категория. Сказать, что «объективные законы Вселенной есть, т. е. существуют», – значит в философском плане сформулировать тривиальную мысль. Тем не менее в данном суждении скрыта сложнейшая философская проблема: неотрефлексированность понятия о том, что такое «есть». На эту проблему обратил внимание М. Хайдеггер в своей нашумевшей книге «Бытие и время». Но если всегда «закон *есть* закон», т. е. всеобщее, то в таком случае мы движемся к кантовским антиномиям.

Оперируя категорией «закон», следует иметь в виду, что это – предельная абстракция. Категория «закон» (в данном случае «объективные законы Вселенной») не может определяться через род или видовое отличие, но только через свое место во всеобщей атрибутивной структуре, какой является наблюдаемая Вселенная. Однако каковы эти всеобщие атрибутивные свойства наблюдаемой части Вселенной, мы можем лишь догадываться и высказывать лишь различные предположения [6]. Что касается атрибутивных характеристик наблюдаемой части Вселенной – это требует особого анализа.

Что является основанием для выводов, которые делают С. Д. Хайтун и И. Д. Новиков? Если только соображения удобства авторов, то в таком случае отсутствуют критерии отличия адекватных и произвольных абстракций. Однако каждая научная модель (описание и объяснение явлений природы) включает в себя набор исходных, предельных понятий, так сказать, базовых категорий, от понимания которых зависит стратегия деятельности человека. К числу таких относится и категория «закон». И. Д. Новиков в своей статье «Инфляционная модель ранней Вселенной» понятие «закон» оставил без внимания. Но и С. Д. Хайтун – оппонент И. Д. Новикова – тоже не проясняет свое понимание понятия «закон», хотя утверждает следующее: «Подчиняясь общим законам эволюции, наша Метагалактика также эволюционирует с нарастанием

степени фрактальности (т. е. уменьшением фрактальной размерности) в сторону наращивания метаболизмов и связанности “всего со всем”, с образованием новых структурных “этажей”, ростом сложности и разнообразия возникающих форм» [7]. Ну и как можно понять подобного рода высказывание? Оказывается, даже Метагалактика подчиняется закону эволюции, о которых человек совершенно ничего не знает, но существование которых постулируется или предполагается.

Интерес к космологическим проблемам, как признает Кант в одном из своих писем, привел его к пересмотру оснований познавательного процесса и к иному толкованию законов природы, которые не существуют как таковые сами по себе. Кант прекрасно понимал, что человеческий разум способен объединять антиномические суждения друг с другом. Поэтому он и наделял человеческий разум трансцендентальной способностью. Это побудило Канта приступить к критике чистого разума как такового, чтобы устранить скандал мнимого противоречия разума с самим собой. Когда в литературе подчеркивается, что для получения физического знания, вскрывающего природу явлений, необходимо уже иметь некоторое априорное знание в качестве метода исследования явлений, то, как правило, не проводится строгое разграничение функций рассудка и функций разума. Например, А. Ю. Грязнов в статье «Методология физики и априоризм Канта» говорит о всеобщих априорных принципах физики, которыми, по его мнению, выступают основоположения чистого рассудка [8].

Между тем Кант проводит четкое различие между функциями рассудка и функциями разума. Поэтому его и волнует вопрос: «содержит ли разум а priori сам по себе, т. е. чистый разум, синтетические основоположения и правила и каковы могут быть эти принципы?» [9] Кант настаивает на том, что трансцендентальная диалектика глубоко скрыта в человеческом разуме и логическое применение разума вполне определено. «Если рассудок есть способность создавать единство явлений посредством правил, то разум есть способность создавать единство правил рассудка по принципам. Следовательно, разум никогда не направлен прямо на опыт или какой-нибудь предмет, а всегда направлен на рассудок, чтобы с помощью понятий а priori придать многообразным его знаниям единство, которое можно назвать единством разума и которое совершенно иного рода, чем то единство, которое может быть осуществлено рассудком» [10].

Отсюда следует, что человеческое познание имеет дело не с независимой от субъекта реальностью и не с вещами в себе, а с теми объектами, которые произведены самим субъектом. Потому

субъект должен знать те предметы, которые существуют в опыте. В метафизике Канта понятие «опыт» играет особую роль. Кант постоянно обращается к данной категории. Но в данном случае опыт – это конструирование, соответствующая организация субъектом эмпирического материала (в том числе и ощущений, чувственных впечатлений) с помощью априорных форм чувственного созерцания и априорных категорий рассудка. Именно эта конструктивная деятельность субъекта и есть источник появления различных законов природы. Как это происходит конкретно, требует особого анализа. Мы лишь отметим, что конструктивная деятельность субъекта, в которой свойства реальности непосредственно оформляются в виде некоторых протокольных предложений или правил (в конечном итоге формулировке законов), не является просто «объективным взаимодействием тел», а протекает в культурно-исторических формах, и только таким образом осмысленная фиксируется также и в знании. Поэтому и возникает крайне сложный и запутанный вопрос о том, как фундаментальные (объективные) законы космологии предстают перед субъектом со стороны их всеобщих черт, и одновременно характеризует эти всеобщие черты как необходимый атрибут материального мира. Представляет особый интерес категориальный анализ такого объекта, каким мы считаем «объективные законы Вселенной».

Когда речь заходит о категориальном анализе объективных законов, то следует принять во внимание отношение между сознанием и окружающим миром (в данном случае с объективной реальностью); процесс познания – это та культурно-историческая рамка, на основе которой строится система категорий, используемая для понимания «природы» объективных законов. Или, иначе говоря, необходимо ответить на вопросы: что такое объективные законы Вселенной? Как существуют объективные законы Вселенной?

Однако в современной космологии, как, впрочем, и в других областях науки, исследователи крайне редко обращаются к категориальному анализу суждения «объективные законы существуют». Казалось бы, что суждение о существовании объективных законов является начальным этапом их познания. Дело в том, что познание законов природы отличается от познания чувственно воспринимаемых вещей (в данном случае не суть важно, воспринимаем мы вещи непосредственно или с помощью приборов). Чувственно воспринимаемые вещи существуют не абсолютно, поскольку изменчивы, и наряду с суждением о существовании вещей (например, электронов, молекул, живых организмов, популяций и т. д.) можно высказать суждение о не существовании и изменении их. Каждая вещь суще-

ствуется как что-то определенное и не существует как нечто другое, поскольку всякое определение есть отрицание.

Однако такая логика не срабатывает, когда речь заходит о существовании объективных законов. Познание не может основываться на том, что наряду с суждением о существовании закона одновременно может высказываться суждение о не существовании и изменении их. Когда мы говорим о существовании закона Ома для определенной области электрических явлений, мы не можем одновременно утверждать, что данный закон в этой области явлений изменяется. В том-то и заключается парадокс, что в познавательном отношении признание факта изменчивости вещей, свойств и отношений основывается на признании абсолютного существования законов. Нельзя сделать ни одного шага в познании, не признав абсолютного существования объективных законов.

С другой стороны, вопрос об изменчивости объективных законов в современной философии не обсуждается – не модно, крайне сложно, чересчур завязано на метафизике. Но если принять во внимание модель расширения Вселенной, то проблема изменчивости всеобщих законов Вселенной приобретает особую остроту и даже пикантность. Например, в рамках марксистской философии (в диалектическом материализме) указанная проблема обсуждалась (см. работы И. Б. Новика). Что касается естествоиспытателей, то на эту проблему обращал внимание Р. Фейнман в своих лекциях по физике, хотя еще в тридцатые годы XX столетия английский физик П. Дирак высказал гипотезу о медленном изменении гравитационной постоянной. Данная гипотеза связана в первую очередь с проблемами измерительных процедур в современной экспериментальной физике, что опять-таки для современной философии не является актуальным.

Между тем идея изменчивости, или эволюции, объективных законов порождает ряд проблем онтологического и гносеологического характера. Необходимо принять во внимание, о каких всеобщих законах может идти речь, и как существуют эти законы, и являются ли они детерминантами происходящих процессов во Вселенной. Как соотносится, например, закон сохранения энергии с наблюдаемыми процессами? Можно ли закон сохранения энергии рассматривать как некий атрибут наблюдаемой части Вселенной? Что представляет собою пространство всеобщих объективных законов? [11]

Гегель был прав, когда писал, что «между вещью и ее существованием проводится различие подобно тому, как можно проводить различие между нечем и его бытием» [12]. По Гегелю, существующее и существование не тождественны.

Но это значит, что относительно существования объективных законов неприменима самая абстрактная характеристика существования: существовать – значит быть элементом такого множества, которое не является элементом самого себя. Другими словами, к проблеме существования объективных законов неприменимо основное правило расселовской теории типов: «Все, что включает все множество, не должно быть одним из элементов множества».

Объясним наше понимание существования объективных законов примером. Подходя строго формально, когда мы говорим вообще о существовании объективных законов, то формулируем некоторую метафизическую бессмыслицу. Допустим, что мы ставим эксперимент Кэвэндиша по измерению гравитационной постоянной на Солнце. До определенного «порога» эксперимент Кэвэндиша не существует на Солнце. Ведь известно, что самый быстрый способ связи – это луч света, пробегающий 300 тыс. км/сек. Луч света проходит путь от Солнца до Земли за 8 мин. Следовательно, события, произошедшие на Солнце менее 8 мин назад, никак не связаны с событиями на Земле. Они существуют во множестве солнечных событий и не существуют во множестве событий земных. И этими событиями мы можем пренебречь произвольно, не потому, что нам так захотелось, а по вполне объективным основаниям.

То же самое относится и к проблеме не существования объективных законов. Что имеется, например, в виду, когда отрицают существование законов Ома или Бойля – Мариотта? Известно, что данный закон выполняется для некоторого множества идеальных газов, являющихся лишь приближенным аналогом реальных газов. Отрицая существование идеальных газов, мы отрицаем существование соответствия законов идеальных газов свойствам реальных газов. Без учета конкретного множества процессов, событий, явлений, которым соответствует или не соответствует данный закон (конкретное суждение), нельзя пойти дальше положения, сформулированного еще Гераклитом: «В одни и те же воды мы погружаемся и не погружаемся, мы существуем и не существуем».

Но и, приняв данный принцип, можно двигаться в разных направлениях, в частности к релятивизму: все только относительно, ничего нельзя утверждать определенно и абсолютно. Пытаясь уйти от такой бесперспективной точки зрения, некоторые философы приходили к выводу, что относительность наших утверждений зависит только от несовершенства человеческого познания. С критикой такой точки зрения выступил Гегель, настаивая на том, что объективные законы как особые вещи-в-себе облада-

ют свойствами, и поэтому имеется множество объективных законов, которые отличны друг от друга через самих себя. Но является ли Вселенная абсолютно определенной сама по себе – вопрос достаточно сложный и совершенно далекий от решения.

Итак, можно признать, что объективные законы есть, но не во всех отношениях. Понятно, что принцип конкретности существования объективных законов сам по себе весьма абстрактен, в силу этого кажется даже тривиальным (впрочем, как и все исходные положения достаточно абстрактных концептуальных схем). Однако мы полагаем, что это не так, и анализ должен быть продолжен.

Примечания

1. Пуанкаре А. О науке. М., 1990. С. 658.
2. Серль Дж. Открывая сознание заново. М., 2002. С. 21.
3. Світоглядні імплікації науки. Київ, 2004. С. 200.
4. Хайтун С. Д. Эволюция Вселенной // Вопросы философии. 2004. № 10. С. 76.
5. Новиков И. Д. Инфляционная модель ранней Вселенной // Вестник РАН. 2001. Т. 71, № 10. С. 893–894.
6. См.: Ненашев М. И. Антропный принцип и проблема наблюдателя // Вопросы философии. 2012. № 4. С. 64–74; Цехмистро И. З. Импликативно-логическая природа корреляций // Вопросы философии. 2012. № 5. С. 77–89.
7. Хайтун С. Д. Указ. соч. С. 89.
8. Грязнов А. Ю. Методология физики и априоризм Канта // Вопросы философии. 2000. № 8. С. 101–103.
9. Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 3. М., 1964. С. 345.
10. Там же. С. 342.
11. См.: Грин Брайн. Ткань космоса. Пространство, время и текстура реальности. М., 2009. С. 232.
12. Гегель Г. В. Соч. Т. V. М., 1937. С. 577.

УДК 004

С. М. Окулов

ДОЛЖНА ЛИ НАУКА ИНФОРМАТИКА ОПИРАТЬСЯ НА ПОНЯТИЕ ИНФОРМАЦИИ?*

Обосновывается тезис, что исключение многозначного и в этом смысле неопределенного понятия «информация» из научной дисциплины информатики не приведет к каким-либо содержательным потерям, сам курс, соответственно, можно переопределить как деятельность человека по обработке данных с использованием компьютера и вернуться к прежнему названию данной науки – компьютерная наука (Computer science).

The author proves that eliminating ambiguity, and in this sense a vague notion of “information” from the discipline of computer science does not lead to any substantial losses, respectively, the course itself can be redefined as the activity to process data using the computer and go back to the old name of the science – Computer Science.

Ключевые слова: информация, философия, анализ, информатика.

Keywords: information, philosophy, analysis, informatics.

Закономерно ли многообразие трактовок предмета и основных задач такой дисциплины, как информатика? Существует положение системного анализа, согласно которому сверхоткрытость некой данности (системы) приводит к исчезновению ее определенности. Она как бы «растворяется» в окружающей среде, лишается «присущего ей лица», своего содержания.

Названное многообразие во многом является следствием неопределенности понятия «информация». Чтобы показать эту неопределенность, сравним две фрагмента одной и той же работы К. К. Колина.

«Фундаментальность понятия информации и ключевая роль информационных процессов в развитии живой и неживой природы и являются теми основными факторами, которые выдвигают информатику на уровень фундаментальных наук и ставят ее в один ряд с такими науками, как общая теория систем, синергетика, физика, биология, социология, психология» [1].

Обратим внимание, что, хотя здесь информация рассматривается в качестве категории, одинаково характеризующей живую и неживую природу, информатика как наука об информации ставится в один ряд с дисциплинами биология, психология, социология, которые имеют отношение только к живой природе.

* Работа выполнена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы» (Соглашение 14.B37.21.1014)

Рассматривая точку зрения данного автора, мы обнаруживаем другой фрагмент, который нам представляется действительно важным: «В различных сегментах предметной области информатики (техническом, биологическом, социальном, физическом) анализируются лишь вполне определенные аспекты проявления феномена информации и информационных процессов, которые обусловлены тем или иным видом информационной среды» [2].

Здесь говорится о том, что каждый раз различные науки выхватывают какой-то лишь один аспект феномена информации, который определяется спецификой соответствующей информационной среды. Таким образом, феномен информации не представляет собой что-то единое, но распадается на ряд не обязательно связанных между собой аспектов в отличие от феноменов, описываемых другими фундаментальными науками. Например, такое понятие фундаментальной науки, как энергия, едва ли рассматривается под разными углами зрения в зависимости от того, о какой науке идет речь. В живой и неживой природе имеется в виду все та же энергия, измеряемая, например, в джоулях или в эргах. Очевидно, что не имеет смысла как-то отличать энергию, присущую живым организмам, от энергии просто тел, перемещающихся в пространстве. И здесь, и там мы одинаково различаем кинетическую и потенциальную энергию, ту и другую измеряем в одинаковых единицах и т. д.

Но понятие информации, по-видимому, несводимо к тому, что одинаково проявляется в разных областях реальности, и это приводит к существованию отличных друг от друга определений этого феномена. Так, в «Философском энциклопедическом словаре» мы обнаруживаем целых четыре различных определения информации:

«1) сообщение, осведомление о положении дел, сведения о чем-либо, передаваемые людьми; 2) уменьшаемая, снимаемая неопределенность в результате получения сообщения; 3) сообщение, неразрывно связанное с управлением, сигналы в единстве синтаксических, семантических и прагматических характеристик; 4) передача, отражение разнообразия в любых объектах и процессах (неживой и живой природы)» [3].

Очевидно, что первое и четвертое определения невозможно представить в качестве продолжения друг друга. Либо информация отражает разнообразие в объектах и процессах неживой и живой природы, либо это лишь сообщение, передаваемое людьми, в силу чего не имеет отношения к тому, что происходит в неживой природе, да и к живой природе, взятой в целом, тоже не имеет отношения, так как речь идет лишь об уровне межчеловеческих отношений.

Сравнивая второе и третье определения, мы видим, что во втором определении идет речь о

чисто количественной характеристике – *уменьшении* неопределенности сообщения, в третьем – привлекаются содержательные смысловые характеристики – синтаксические, семантические и прагматические.

Второе понимание информации восходит к работам К. Шеннона [4] по абстрактной теории информации, дающей основы количественного подхода к исследованию информации. Суть трактовки заключается в том, что все многообразие сообщений, имеющих различное содержание по различным вопросам, описывается неким общим языком, а информация, передающаяся этими сообщениями, может быть количественно оценена. При этом форма, в которой распространяется сообщение, значения не имеет, мы абстрагируемся от сигнала и т. д. Формула подсчета количества информации К. Шеннона приводится практически во всех учебниках по информатике. Прочитав классическое определение: «Информация должна рассматриваться как отрицательное слагаемое энтропии системы: информация есть негэнтропия (отрицательная энтропия). Энтропия есть мера недостатка информации, она выражает общее количество отсутствующей информации» [5]. Данное понятие энтропии идет из термодинамики и означает для всякой материальной системы меру её близости к состоянию равновесия. В состоянии равновесия (можно так сказать – покоя) система имеет максимальное значение энтропии, и многие процессы в природе направлены в сторону достижения равновесия. Информация, уменьшая энтропию, как бы выталкивает систему из состояния равновесия, не давая ей остановиться, зафиксироваться, заставляя действовать. В математической теории информации по аналогии энтропией называют меру неопределенности какого-либо опыта, который может иметь разные исходы. Информация как бы снижает неопределенность и позволяет делать некий выбор из нескольких возможных, уменьшая тем самым энтропию (смотрите учебники по информатике, например [6]).

Третье понимание информации связано с развитием кибернетики как науки о процессах управления. Распространение этого подхода на биологическую жизнь ведет к признанию, что информация есть главная составляющая адаптации и развития живой природы. Н. Винер писал о том, что информация – «это обозначение содержания (сигналов), полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему наших чувств» [7]. Информация классифицируется по формам существования, восприятия и её использования. Первичная природная информация воспринимается с помощью органов чувств. Регистрация связи явлений фиксируется признаковой информацией, уже хранящейся в памяти живых существ.

Социально-коммуникационная информация возникает в социумах. Информация, выражаемая на естественном языке, является основной в человеческом обществе. Эта информация может анализироваться по трем аспектам: техническому, семантическому и прагматическому. В первом случае вопросы точности, надежности, скорости передачи сообщений, техническая реализация каналов связи и т. д. являются предметом изучения. Во втором – насколько точно и качественно передается смысл, содержание при кодировке и передаче сообщений. В третьем случае анализируется ценность сообщений с точки зрения последующего поведения потребителя. Фактически идея о том, что информация есть нечто самостоятельное, возникла в недрах кибернетики. При этом между ролью информации в функционировании (управлении) систем и процессами познания вполне возможны аналогии, которые и проводятся часто философами, прямо приравнивающими процесс познания окружающего мира к процессам извлечения живыми существами информации из этого мира. Но в таком случае человеческого познающего субъекта можно поставить в один ряд, хотя и не совершенно рядом, с амебой, выдвигающей ложноножки в разных направлениях в поиске информации о присутствии пищи.

Во второй половине XX в. возникают как минимум две концепции информации – атрибутивная и функциональная. Сторонники первой утверждают, что информация есть атрибут материи. На основе анализа и сопоставления более 300 работ различных авторов А. Д. Урсул определяет информацию как количественную меру отражения [8]. «Информация в самом общем ее понимании представляет собой меру неоднородности распределения материи и энергии в пространстве и времени, меру изменений, которыми сопровождаются все протекающие в мире процессы» [9]. Напомним, что категория меры в философии определяется как такой интервал количественных изменений, в пределах которого сохраняется качественная определенность предметов. Очевидно, что определение Урсула есть расширение определения информации Шенноном, правда, такое расширение приравнивает информацию вообще ко всему, что происходит во Вселенной, так Вселенная и есть совокупность различных неоднородностей в распределении материи и энергии в пространстве и времени.

В функциональной концепции понятие информации связывается с работой сложных, самоорганизующихся систем. Фактически речь идет о понимании информации как характеристике передачи сигналов в управляющих системах. Поэтому совершенно закономерно Н. Н. Моисеев подчеркивает, что понятие информации и обратной связи «совершенно излишне на уровне орга-

низации неживой материи» [10], а следовательно, добавим, уже не может быть применимо к объяснению всего, что происходит во Вселенной, которая включает в себя и процессы, происходящие в неживой материи.

Определенная интеграция понимания осуществляется в трактовке, данной Р. Ф. Абдеевым [11]. Информация подразделяется на структурную и оперативную (рабочую). Первая присуща объектам живой и неживой природы (естественного и искусственного происхождения). Она возникает в результате отбора, фиксации, закрепления в системе в форме определенных структурных изменений её положительного опыта взаимодействия с внешней средой. Вторая действует, распространяется между объектами материального мира и используется в процессах управления в живой природе, технических объектах и человеческом обществе. Фактически кибернетическая трактовка систем с двумя контурами обратной связи распространяется на живую природу и человеческое общество. В первом контуре имеет место оперативная информация как простая фиксация отклонений системы от заданных параметров. Во втором контуре технических систем происходит некая фильтрация информации первого контура (говорят о семантическом анализе) с точки зрения некой целевой функции. Накопление такой информации создает предпосылки для превращения её в структурную. И уже на основе этой информации происходит саморазвитие системы на структурном уровне. В данном случае распространение, если так можно выразиться, кибернетической идеологии происходит и на живую природу, и на человеческое общество, ибо говорят о трех формах информации: биологической (внутри живых организмов и между ними), машинной и социальной. Но не только. Эта же идеология распространяется и на процессы познания человека, утверждается некая их похожесть на процессы управления.

Этими позициями не исчерпывается понимание и рассмотрение понятия «информация». Огромный пласт осмысления идет в связке «информация – знание». Понятие информации в данном соотношении интерпретируется как совокупность знаний о фактических данных и зависимостях между ними. Знание – это структурированная информация [12]. В последнее время появилась новая связка: «информация – товар, ресурс, продукт труда» [13]. Вводится понятие «информационный ресурс», говорят о становлении так называемого информационного общества и т. д. Обращение к семиотике, к концепции семиотического треугольника Г. Фреге [14] – тема отдельного анализа.

Теперь позволим себе в качестве отступления задать несколько простых вопросов. Где в атоме

хранится информация? А что будет, если она действительно есть и вдруг исчезнет? Если информация действительно атрибут материи, то где информационная составляющая в основных уравнениях математической физики? Масса, сила, энергия, время есть, а величины, описывающей информацию, нет. Обычно, обосновывая атрибутивный характер информации, очень подробно ссылаются на генетический код и в целом биологическую проблематику. Но возникает вопрос: можно ли эти явления описать без понятия «информация»? Может быть, в данном случае это понятие просто является удобной метафорой?

Согласно федеральному закону [15] информационные технологии определяются как «процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, представления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов». Это означает, что при всем качественном различии в содержании и формах представления информационных процессов в живой природе, технике, обществе между ними должна быть некая похожесть (говорят об изоморфности), и эту похожесть мы обязаны выявить, прежде чем говорить об искусственных информационных системах. Ссылки на моделирование (даже если мы назовем его информационным моделированием) объектов, явлений, процессов природы, техники и общества не спасают положение. В этом случае просто будут решаться конкретные задачи с помощью конкретных научных методов, и в частности методов информатики.

По логике вещей контуры курса информатики должны быть примерно такими.

1. Изучение процессов представления, передачи, обработки информации в объектах неживой и живой природы.

2. Информация и информационные процессы в технических системах.

3. Информация и информационные процессы в человеческих сообществах.

Каждый из данных разделов разбивается на несколько тем, и главное не только выявление неких общих закономерностей в методах обработки информации, но и показ того, что, несмотря на явное различие, есть то сходство, родство, которое позволяет говорить о факте атрибутивности информации.

Но в таком случае где же в этой схеме появляется компьютер? По какому праву мы называем его универсальным устройством обработки информации? От того, что мы, при условии формализации, сможем смоделировать на компьютере обработку информации в любой из названных систем, у нас не появляется это право, если следовать логике. Действительно, мы можем включить компьютер (со всеми его «причиндалами») в курс как инструмент моделирования названных процессов

обработки информации. Но в этом случае и все содержание этого раздела курса должно быть связано с предыдущими разделами и направлено на решение задач по моделированию.

Построение курса информатики может быть несколько иным, если принять, что это есть множество различных дисциплин, объединенных общим предметом изучения – информацией (в том числе теория информации, кибернетика, программирование, математическая лингвистика, теория алгоритмов и др.), но и в этом случае названные проблемы остаются. Не улучшает ситуацию и добавка возможности автоматизации информационных процессов в системах различной природы.

Как решается эта проблема в существующем курсе и в учебниках по информатике? Проблему представления темы «информация» авторы учебников решают практически одинаково, с разной степенью изящества, но так или иначе (за редким исключением) они идут от атрибутивной концепции. В ряде случаев понятие просто не определяется, а говорится, что оно фундаментальное, такое, как и вещество, и энергия и т. д. После этого говорят, что предметом информатики является собственно информация, способы ее представления, передачи и обработки, а компьютер – это универсальное автоматическое устройство для работы с информацией. И затем идет описание устройства компьютера; представление данных в памяти компьютера; элементы логики; алгоритмы и начала программирования; программное обеспечение (системное) и мощнейший раздел пользовательского уровня компьютера. Тема «информация» выглядит как нечто обособленное, не связанное с последующим изложением. Согласовано ли данное построение курса с декларируемыми целями?

Рассматривая понятие «информация», нельзя не затронуть концепцию А. Я. Фридланда, наиболее близкую точке зрения автора. «Сущность информации заключается в том, что это свойство только живой материи, и, даже еще уже, свойство интеллекта. Ее сущность проявляется во взаимодействии человека с человеком, и появилась эта сущность вместе с “человеком разумным”, но ее не называли информацией» [16]. И еще: «Информация – это смысл (понимание, представление, интерпретация), возникающий у человека в результате получения им данных, взаимоотношений с предшествующими знаниями и понятиями» [17].

И далее. Если мысленно представить все, что сделано в информатике с момента ее возникновения (точкой отсчета берется время разработки первого компьютера), то так или иначе это связано с обработкой, хранением и передачей данных. Возьмите любого известного специалиста и оцените его работы (математическую теорию

информации и кибернетику мы исключаем как отдельные разделы науки и практики). Вы не найдете понятийного многообразия информации и т. д., но есть конкретные результаты по проблематике обработки данных. Осмысливая эту ситуацию, А. Я. Фридланд идет к этому же результату, но несколько иным путем, вводя другое понятие «информатическое» и обозначая им все, что связано с обработкой данных [18]. Безусловно, решение логично и верно, но, как нам представляется, проблему можно решить простым исключением понятия «информация», причем не меняя существенно уже имеющийся понятийный аппарат.

Введем следующее определение информатики как особой науки. *Информатика – область деятельности человека, связанная с обработкой данных с использованием компьютера.*

А как быть с понятием «информация»? Нам представляется, что это понятие вполне возможно исключить, так же как и понятия «информационные процессы», «информационные основы процессов управления», «информационное моделирование». В содержательном плане курс информатики ничего не потеряет, если говорить о технологии обработки текстовых данных, а не об информационной технологии обработки текста, хотя второй вариант выглядит удобнее. Практически все темы остаются, появляется простота и ясность, ибо все понятийное многообразие становится ненужным. И самое, вероятно, главное – получаем целостность курса.

Примечания

1. Колин К. К. Философские проблемы информатики. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2010.
2. Там же.
3. Философский энциклопедический словарь. М., 1989.
4. Shannon C. E. Mathematical Theory Of Communication // Bell System Technical Journal. 1948. Т. 27.
5. Бриллюэн Л. Наука и теория информации. М.: Гос. изд-во физ.-мат. лит-ры, 1960.
6. Андреева Е. В., Босова Л. А., Фалина И. Н. Математические основы информатики. Элективный курс. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2005.
7. Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. М.: Сов. радио, 1958.
8. Урсул А. Д. Информация. М.: Наука, 1971.
9. Глушков В. М. О кибернетике как науке // Кибернетика, мышление, жизнь. М.: Наука, 1964.
10. Моисеев Н. Н. Человек, среда, общество. М.: Наука, 1982.
11. Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации. М.: Владос, 1994.
12. Колин К. К. Указ. соч.
13. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: Гос. ун-т «Высшая школа экономики», 2000.
14. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. 1977. № 5.

15. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон РФ от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ.

16. Фридланд А. Я. Информатика, информатизация, информация: уточнение понятий // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. «Информатика и информатизация образования». 2006. № 7. С. 171–176.

17. Там же.

18. Там же.

УДК 316.613

Е. М. Калашикова

ИДЕНТИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В ОБЩЕСТВЕ РИСКА*

В статье для продуктивного изучения идентичности вводится понятие «риск». Это обусловлено тем, что идентичность современного человека – продукт саморефлексии человека, встроенного в систему рискогенной действительности. Выделены типы идентичности: индивидуальная, коллективная, надситуационная, культурная. Особая роль отводится избирательной идентичности и ее месту в современном обществе.

For the productive research of identity, the concept “risk” is introduced into the given paper, which is conditioned by the fact that nowadays identity of a person results from self-reflection of the person involved into the risk-provoking reality system. The following types of identity are singled out: individual, collective, suprasituational, cultural. The paper highlights selective identity and emphasizes its role in the modern society.

Ключевые слова: идентичность, идентификация, ментальный риск, организационный риск, надситуационная идентичность, культурная идентичность.

Keywords: identity, identification, mental risk, organizational risk, suprasituational identity, cultural identity.

В последние десятилетия философы все больше обращаются к методологическим и гносеологическим проблемам для осмысления стремительно меняющегося социума и самоидентификации человека в нем. Сложность решения такой задачи обусловлена ускоренностью развития социальных систем разного уровня и их вариативностью. Это определяет направленность изучения социальных феноменов. В зависимости от предмета и поставленных целей методологические основания одних и тех же социальных объектов описываются, объясняются и интерпретируются по-разному, а потому структурируются в неоднозначные теоретические модели.

* Материал подготовлен в рамках проекта № ПСР/НИР-23 Программы стратегического развития ПГПУ

В результате современное общество исследуется в зависимости от значимых для ученого предпочтений. В одних случаях оно характеризуется как постиндустриальное, в других – как информационное, в третьих – как потребительское, а поскольку в постсовременном обществе люди больше, чем прежде, подвергаются разного рода опасностям: канцерогенным, экологическим, социальным, имеющим как объективную, так и субъективную природу, его определяют как общество риска. Некоторые авторы, например У. Бек в работе «Общество риска», полагают, что человечество не живет еще в постиндустриальном обществе, такой этап еще не наступил, а находится в переходном периоде, называемом «обществом риска».

В настоящей статье исследуется идентичность современного человека в нестабильных, экстремальных общественных условиях (обществе риска).

Риск включается в категориальную «сетку» для эффективного и продуктивного изучения идентичности в трех значениях: 1) для обозначения практически-деятельностного «поля» современного человека; 2) как сознательно-деятельностная доминанта в самореализации; 3) как функциональная черта воспроизводства современного общества, осуществляемая при помощи индустриальных (организационных) и ментальных (личностных) рисков. Все три значения риска имеют непосредственное отношение к идентичности человека, «присутствуя» во всех ипостасях рискующего человека в обществе риска.

Начнем с деятельностного «поля». Деятельность общественно-исторического типа человека всегда проявляется в зависимости от исторического времени и пространства, это двуединство с легкой руки М. Бахтина получило название «хронотоп». Хронотоп включает в себя три существенных элемента: время, место и человека. В нашем исследовании время – современность, место – общество, непрозрачное, неопределенное, и человек, ищущий новые формы идентичности. Известно, что идентичность с самим собой, с другими людьми – атрибутивная сторона в самосознании человека, она обеспечивается социально-психологическим механизмом идентификации. Идентификация есть процесс интеграции в общность на базе общего социального содержания, совершаемый через интериоризацию ценностного отношения к миру [1]. Благодаря идентификации индивид включается в процесс обобществления совокупной способности людей (общественное производство), совокупного разума (общественное сознание); участвует в созидательном процессе аккумуляции опыта (культура).

Это значит, что идентификация является необходимым условием творческого отношения человека к действительности, а творческое отно-

шение к миру является деятельностным. Риск есть одна из форм творческого деятельностного отношения, поскольку он выступает как акт принятия решений с попыткой минимизации ущерба в результате намеченного действия. Бессмысленно говорить о принятии решений вне человека, риск – понятие глубоко антропологическое по содержанию, хотя иногда понимается узкопредметно, как экономический, юридический и т. д. Но в целом он совершается для обеспечения самосохранения и жизнедеятельности человека и человечества, и поэтому человеку необходимо научиться управлять реальными и прогнозировать возможные природные и социальные опасности, несмотря на высокую степень их неопределенности.

Б. Бехман считает, что «современное общество осовременивает свое будущее при помощи риска и тем самым находит специфический опыт обращения с неопределенностью, что отличает его от всех предшествующих обществ» [2].

Преобразовательный характер человеческого действия в современных условиях осуществляется не прямым воздействием на предмет преобразования, то есть не только при помощи умений, знаний, орудий труда, но и сложно-опосредованно, благодаря предварительному «означиванию» в принятии решений, т. е. «установочной идентичности».

Неопределенность в обществе требует определенных решений от человека. Человек, живущий в обществе риска, где научная и обыденная рациональность пребывает на стадии эволюционной неопределенности, должен обладать высокой степенью профессионализма и компетентности. Риск выступает как форма самоутверждения и самоусовершенствования человека, интересы которого направлены на неординарные решения, творческий поиск, самобытность развивающего свои способности человека. Неопределенность побуждает преодолеть прежнюю планку своих возможностей, превозмочь себя, нерискующий человек в современном обществе «выпадает» из современного ритма отношений. Более того, в обществе риска в социальных процессах нарушается мера в системах разного уровня, а потому возрастает значение организационных решений практически во всех областях общественной жизни: глобальных, этнических, нравственных, а для этого требуется консолидация усилий разобщенных автономных индивидов. Поскольку направленность интересов не только у разных слоев, но и внутри одного слоя резко дифференцирована, противоположные интересы требуют нормативно-ценностных регуляторов, которые социальной и научной парадигмальностью приводят к групповой идентичности, позволяющей принимать креативные решения, с определенной степенью ограничивающие и нейтрализу-

ющие рискогенность окружающей природы и социальной среды. О том, что риск включен в систему общественно-теоретических и общественно-политических проблем, имеющих большое значение для будущего в жизни общества, пишет У. Бек. «Риск предполагает индустриальные, т. е. техноэкономические, решения и оценки полезности. От “военного ущерба” он отличается своим нормативным рождением, или, точнее, мирным происхождением в мировых центрах рациональности и процветанием под сенью закона и порядка. От доиндустриальных природных бедствий риск отличается тем, что его истоки надо искать в решениях, которые принимаются не индивидами, но целыми организациями и политическими группами» [3]. А это значит, что в невероятных сложных обстоятельствах развивающегося мира потеря государственной и национальной идентичности минимизируется благодаря законам, принимающимся «организациями» и «политическими группами».

Общая идентичность современного человека формируется под влиянием сужения личностных и расширения функциональных связей. По этому поводу Э. Тоффлер пишет: «...с большинством окружающих нас людей мы вступаем в отношения ограниченного участия сознательно или неосознанно, но мы строим свои отношения с другими людьми по функциональному принципу» [4]. Такой функциональный принцип «созрел» в условиях современного общества, в котором деятельность человека специализирована и операциональна. «Мы не воспринимаем человека в целом, – пишет Э. Тоффлер, – а включаемся, как вилка в розетку, в один из модулей его личности. Каждая личность может быть представлена как некая уникальная конфигурация из тысяч таких модулей. Таким образом, никакой индивид не может быть заменен каким-либо другим, если рассматривать личность в целом, а не ее отдельные модули» [5]. Но сбалансированность различных форм идентичности у каждого индивида своя, хотя встроена в исторически действующую социальную форму (общество, общность, группу).

В исследуемом ракурсе общекультурная идентичность модульного человека, хотя и лежит в основе ситуационных решений, является не поверхностной, а «функционирует» как надситуационная идентичность. Надситуационная идентичность синтезирует различные формы и типы идентичности, накладываясь друг на друга. Чередуясь складывается в надситуационную форму, способствующую разрешению насущных проблем. Средством, формирующим надситуационную идентичность, являются «остранения» (термин «остранения» применяли в XX в. В. Б. Шкловский и Б. Брехт), в новых условиях

XXI в. «остранения» можно применить в отношении человека к частным идентичностям. В культуре современной общей идентичности есть содержательная и операциональная стороны. Содержательная – это «конгломерат» целей, ценностей и убеждений, с которыми идентифицирует себя субъект, а операциональная сторона связана с деятельностным аспектом объективации наличествующего «конгломерата».

Общество риска – это общество, требующее для решения сложных проблем включенности содержательной и операциональной сторон идентичности, независимо от социального, национального, этнического, политического положения людей, а это определяет общекультурную идентичность как «участную». Общество риска как внешняя рискогенная среда формирует людей с разной степенью социальной активности и восприятием постоянно меняющегося мира. От скорости принятия решений, профессионализма, компетентности, решительности, потребности в самореализации зависят успех, карьера, благополучие, самодостаточность и самодостоинство, что указывает на социальное качество идентичности.

Можно также различать общекультурную идентичность (как целостную идентичность современного человека) и коллективную, опосредованную различными общностными интересами – национальными, этническими и т. д., причем и общекультурная, и коллективная идентичности, безусловно, «участные», но «участность» общекультурная – интегральная, указывающая на причастность к целостному макрокультурному уровню, а национальная, политическая «участная» идентичность относится к приобщению индивида к отдельным интересам определенных общностей.

Однако для формирования нового типа идентичности нужен человек, отстраненный от прежней стереотипизации в области рациональных и нравственных отношений. И формирование высокой культуры идентичности не просто сложная, а бесконечно усложняющаяся задача, решение которой – в реконструировании и конструировании отношения к себе и к другим, способности к саморефлексии по отношению к разным уровням идентичности (онтологической, онтической, виртуальной). Только в этом случае идентичность станет регулятором выбора решений. В современных условиях критерии моральной ответственности для людей, принимающих решения, качественно изменились. Эти изменения касаются применения нормативов отличных от этических императивов. Так, «в обществе, – пишет У. Бек, – существует феномен “технической морализации», которая больше не нуждается в непосредственном применении моральных и этических императивов. Например, при определенном уровне загрязнения воздуха место категоричес-

кого императива занимает показатель смертности. Применительно к таким случаям можно сказать, что исчисление рисков – это своеобразный пример этики без морали, математической этики технологического века» [6].

Процесс адаптированности к новым условиям является «схватыванием» полифонической реальности избирательной идентичностью. Для избирательной идентичности, во-первых, необходимо, как говорил Эйнштейн, убеждение в том, что «мир представляет собой упорядоченную сущность» [7]. И, во-вторых, как отмечал Ю. Хабермас, «это признание различий – взаимное признание другого в его инаковости... что может стать отличительной чертой общей идентичности» [8]. Современный человек осознает, что он не может управлять далекими событиями, что вероятность рисков будет умножаться, и потому доверие к организационным групповым решениям как вера в их результативность есть необходимое условие дальнейшего социального развития. Но вера в результативность организационных решений – это не «слепая вера», а основанная на растущих вычислительных возможностях предсказательности и научных расчетах. Развитое самосознание, включающее самоидентичность, учитывает неопределенность будущего и старается выбрать наиболее вероятную возможность, чтобы реализовать ее в действительности. Такой выбор принятия решений предстает как профилактика против опасностей и не приводит к порогу катастроф.

В заключение следует сказать, что, если наша новая форма общекультурной идентичности будет руководствоваться понятием риска как способом рефлексивного отношения к миру с ориентацией на минимизацию ущербов и даже максимального эффекта в результате осуществления этих решений, мы даже в условиях неопределенности сможем построить общественные отношения, соответствующие потребностям и интересам людей на современном этапе общественного развития. Общекультурная идентичность современного человека включает в себя и эмоциональные аспекты, но определяется в большей степени когнитивными, творческими, конструктивными актами, указывающими на ее созидательный характер.

Примечания

1. См.: Калашикова Е. М. Личность и общность (Проблема идентификации). Пермь, 1997.
2. Бехман Б. Современное общество как общество риска // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 27.
3. Бек У. От индустриального общества к обществу риска // Тезис. 1999. Вып. 5. С. 162.
4. Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2002. С. 112.
5. Там же. С. 113.
6. Бек У. Указ. соч. С. 163.
7. Эйнштейн А. Собр. науч. тр. М., 1967. С. 142.
8. Хабермас Ю. Расколотый Запад. М., 2008. С. 44.

УДК 165.1

Г. В. Суворов

НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Статья посвящена проблематике взаимодействия мировоззрения и науки. Выявляются положительные факторы взаимопроникновения методологических установок науки и мировоззренческих форм познания.

The article is devoted to the problem of interrelations the word out-looks and sciences. The positive factors of integrating methodological approaches of sciences and world out-looks.

Ключевые слова: сознание, мировоззрение, наука, ценности, практика, философия.

Keywords: consciousness, word out-look, science, values, practice, philosophy.

Нет ничего более важного для человека, чем осознание того, что происходит в глубинах его разума. Ибо только разум человека отличает и возвышает его над уровнем природной жизни, он порождает его целевые установки и стремления, определяет моральное назначение, поэтому знание можно рассматривать как важнейший источник человеческих ценностей. Это заставляет человека беспокоиться, прежде всего, о подлинном понимании того, что есть знание, какова его внутренняя природа. Здесь мы сталкиваемся с проблемой многообразия структуры человеческого знания. Речь идёт о соотношении различных познавательных слоёв: научного, философского, поэтического и др. В более широком смысле этот вопрос имеет отношение к проблеме взаимодействия мировоззрения и науки. Сложности заключаются, прежде всего, в несогласованности терминологии. На наш взгляд, уточнение понятия «мировоззрение» может значительно способствовать прояснению противоречий в вопросе демаркации между наукой и не наукой.

Мировоззрение традиционно определяют как систему взглядов или совокупность знаний об окружающем мире. Если придерживаться данной точки зрения, то и видов мировоззрения может быть так же много, как много видов выражения знаний о мире: мифологическое, религиозное, философское, практическое, научное, а также их смешанные типы. Означает ли это, что мировоззрение не может поддаваться каким-либо точным определениям?

Отличительной чертой мировоззрения является направленность на понимание и освоение отношений человека к окружающему миру через

производство духовных ценностей, что стало возможным благодаря многим факторам, среди которых особо выделяется сознание. Таким образом, мировоззрение можно определить как центральный элемент человеческого сознания, как выражение человеческого духа. Но и эта характеристика нуждается в уточнениях, которые могли бы указать на его границы, так как по-прежнему проблема современной мысли начинается с традиционной проблемы онтологического статуса сознания. На наш взгляд, именно отталкиваясь от трактовки сознания, можно провести демаркационную линию в определении понятия мировоззрения.

Как известно, положительный или отрицательный ответ на вопрос о существовании или не существовании объективного мира вещей и явлений независимо от нашего или ещё чьего-нибудь сознания определяет два подхода в понимании сознания – материалистическую и идеалистическую. Таким образом, соответственно бинарному определению характера сознания оказываются возможными два вида мировоззрения. Первый вид – мировоззрение материалистическое, или научное, которое зарождается вместе с европейской наукой XVII в. Второй вид мировоззрения – идеалистическое (ненаучное), которое пронизывает всю историю человечества как комплекс неявных знаний (практика, магия, мифология, религия, философия, искусство).

Для этих противоположных видов мировоззрения характерны различные формы знания. Для ненаучного мировоззрения характерна направленность мышления на его неартикулированную составляющую, способность высказать невысказываемое. Научное же мировоззрение ориентировано на точное и наглядное знание, то есть оно возможно в отношении тех объектов, которые фиксированы в чувственном опыте и могут быть исследованы экспериментально или с помощью рационально-математических методов. В. И. Вернадский даёт следующее определение научному мировоззрению: «представление о явлениях, доступных научному изучению... определённое отношение к окружающему нас миру явлений, при котором каждое явление входит в рамки научного изучения и находит объяснение, не противоречащее основным принципам научного искания» [1]. Для того чтобы представить взаимодействие науки и мировоззрения, следует охарактеризовать науку как специфический феномен, включающий ряд сущностно-содержательных признаков: объективность, верифицируемость, доказательность, простоту, эвристичность и другие. Наука – это система знаний о явлениях конкретной предметной области, сформированная с помощью определённой методологии и выраженная с помощью теоретических форм (ка-

тегорий, законов, принципов), служащая познанию и преобразованию окружающей действительности. Таким образом, основная функция науки как познавательного феномена направлена на определение места человека в мире, следовательно, все науки в той или иной степени участвуют в формировании мировоззрения человека.

История науки показывает, что содержание научного мировоззрения определяется не только чисто научной деятельностью, но и влиянием философских, религиозных и эстетических идей. Однако позиция противопоставления науки и мировоззрения по-прежнему характерна для выявления критериев научной рациональности.

Наиболее полная попытка дифференциации научного и ненаучного знания была предпринята лингвоцентризмом и логическим позитивизмом, представители которого продемонстрировали, что суждения, которые имеют значение для учёного, связаны не с природой вещей или сущностью того, что есть, а со связями, которые язык или система знаков позволяют нам установить. По словам Л. Витгенштейна, «всё то, что должно быть мыслимо, должно быть ясно мыслимо. Всё то, что может быть сказано, должно быть ясно сказано...» [2]. В этом смысле наука имеет дело лишь с областью чувственно постигаемого, то есть с тем, что можно наблюдать или измерить, а иллюзия субъективности феноменов действительности является не более чем философским заблуждением. Отсюда следует, что любые мировоззренческие высказывания, например «я люблю жизнь», «Кант – великий философ», «в мире существует свобода» и т. п., не имеют никакого смысла для учёного, так как они не сводятся к опыту чувственного восприятия. Поскольку знание является знанием лишь в силу его формы, то и научный статус могут иметь те высказывания, которые соответствуют правилам логического синтаксиса.

Представители логического позитивизма пытались очистить науку от различных форм псевдознания – религиозных фикций и метафизических абстракций, которые длительное время претендовали на то, чтобы быть частью научного познания. С другой стороны, логическое очищение образа науки означало полное устранение из её структуры рассмотрения бытия и сущностей вещей, то есть того, что, в общем, является её конечной целью. Ведь внутреннее бытие вещи, находящееся в стороне от сферы научного знания, всегда остаётся для науки плодотворным неизвестным, из которых она извлекает наблюдения и измерения, ставя перед собой конечную цель – покорение и преобразование природы.

Такой подход совершенно правомерен при анализе логических структур самой науки. Однако существенной ошибкой логических позити-

вистов стало провозглашение тезиса: что не имеет смысла для учёного, не имеет смысла вообще. Действительно, язык науки должен соответствовать принципам нормативности, предметности и конкретности. Однако приведение языка в соответствие этим нормативам не гарантирует научности знаний и мировоззрения. И можно ли вообще утверждать, что существуют какие-то определённые правила порождения смысла или единственно правильный, точный смысл? Немецкий философ Ф. Маутнер считал, что до тех пор, пока мышление остаётся тождественно языку, оно обречено крутиться вокруг описаний и никогда не доходит до объяснения и понимания. При таких обстоятельствах человеческий разум может научно господствовать над находящимися в становлении чувственно воспринимаемыми феноменами, но в то же время должен отказаться от попытки постичь внутреннее бытие вещи. «Истинное познание мира осуществляется в непередаваемом в словах и мыслях опыте, оно – немое переживание» [3]. Таким образом, сознание человека представляет собой субъективные ментальные состояния, не просто мысли и образы, но и комплекс ощущений, чувств и эмоций.

Таким образом, сложная структура сознания требует рассмотрения его рационального и иррационального уровней. Традиционной формой рационального и иррационального выступает контрапозиция логического и интуитивного. В науке области интуитивного и логического чётко разграничены. Более того, можно утверждать, что именно интуиция является основанием науки. Это видно из её роли в установлении исходных аксиоматических положений и в самом процессе построения научной системы. «Существует определённая активность ума, который извлекает из чувственного опыта и доводит до высшей стадии нематериальной явленности объекты, которые чувства не могут открыть и которые воспринимает ум: бытие и его качества, бытийственные структуры и интеллигибельные принципы, постигаемые при восприятии бытия. Это таинство абстрагирующей интуиции» [4].

Это интуитивное, «молчаливое» знание есть важнейший источник не только ненаучного мировоззрения (религиозного откровения, философского смыслопорождения, поэтического творчества), но и научного творчества. Логико-языковые формы играют при этом важную, но всё же вспомогательную роль. Означает ли это, что не существует разницы между наукой и искусством, учёным и поэтом? М. Полани в своей работе «Личностное знание. На пути к посткритической философии» формулирует следующий тезис: «научное знание создаётся искусством учёного» [5]. Открытия, новые научные идеи рождаются в непроговариваемом мыслительном слое – в «мол-

чаливом знании», артикуляция которого лишает его полноценности. Речь идёт о безоценочном, непосредственном знании, без каких-либо чётких дифференциаций. Полани считает, что логико-вербальные формы играют в продвижении учёного к результату лишь вспомогательную роль, вербализация вовсе не является необходимым условием формирования мысли. С этим утверждением были согласны многие учёные XX в. (А. Эйнштейн, А. Пуанкаре, Р. Фейман и др.).

Кроме того, в сознании учёного тесно переплетены научные и вненаучные образования: обыденно-практические, мировоззренческие, специально-научные. Сознание представляет собой выстраивание внутренней культуры в самом человеке: то, что приходит извне, в качестве образов отражения, перерабатывается сознанием как «ноогенной машиной» (М. К. Мамардашвили) в различные когнитивные единицы. Основой такого преобразования выступает воображение, суть которого заключается в том, что оно способно с разными степенями свободы оперировать наличными образами и в последующем вносить изменения в собственные же продукты. Следовательно, воображение, фантазия, т. е. творчество, – это способность личности целенаправленно и оригинально перестраивать элементы в поле сознания [6]. Всё это придаёт опыту причудливую архитектуру структурных зависимостей: ценностно-когнитивное, рациональное-иррациональное. В процесс познания любых явлений, связанных с человеком, неизбежно включается особая человеческая заинтересованность в результатах познания, поскольку познающий субъект имеет предметом познания в той или иной степени самого себя. Мыслящий субъект всегда имеет дело с допущениями, предваряющими акт познания, которые являются условиями возможности всякого смыслопорождения.

Ценностное отношение к проблемному знанию подчиняется широкой нормативности, включающей в себя вненаучные регулятивы культуры. В реальном научном исследовании уровни рационального-иррационального сложным образом взаимодействуют, и в отдельных актах цикла можно выделить лишь преимущественную роль какого-то одного фактора. Там, где идёт постановка новых фундаментальных проблем и вырабатываются оригинальные методы, доминируют нелогические и иррациональные процессы. Здесь участвуют элементы рациональной культуры, но они не вносят решающий вклад в научное творчество. На стадиях же применения метода и обособления результатов преобладают логические процедуры, хотя и здесь развёртываются ценностные и нелогические процедуры. Реальный стиль продуктивного мышления демонстрирует гибкие формы единства иррационального и логического [7].

Фактически научное мировоззрение как система взглядов всегда оказывается сформированным из различных положений. Каждое положение, перед тем как оно станет частью научного мировоззрения, обязательно должно пройти проверку «на научность». В качестве инструмента, позволяющего это осуществить, выступает научный метод, который В. И. Вернадский определяет как «отношение человека к подлежащему научному изучению явлению» [8]. Включение же научного знания в культуру предполагает его философское обоснование, которое осуществляется посредством философских идей и принципов.

Синтез рациональных процедур мышления с иррациональной культурой сознания позволяет глубже понять феномен исторического возникновения и развития науки и её взаимоотношений с различными формами мировоззрения. История человеческого знания показывает, что то одна, то другая форма знания стремилась к определённому господству. Так, эпоха Платона и Аристотеля была периодом мифологического и философского господства; Средневековье – периодом примата религиозной веры. Начиная с Декарта и позитивистов наступил период господства естественнонаучного знания, обеспечивавшего безраздельное господство материальной природы.

Ценностные механизмы науки были сформированы практически творчеством. Практическое познание предполагает социальную активность, предмет которой – природа, человек и общественные отношения. Через практику шёл основной поток влияний на зарождающееся специализированное познание. Древняя наука (преднаука) не могла не заимствовать стилиевые формы практического мышления. Так, математики Вавилона взяли на вооружение стиль практических процедур. Позднее античные учёные обнаружили их принципиальную ограниченность для теоретического развития, но через критическое переосмысление рецептурных правил они сумели выйти на стилиевые формы аксиоматизации. Таким образом, следует признать, что преднаучное познание сложилось в виде синтеза практики и мировоззренческой духовности. В дальнейшем шло постепенное усложнение ценностных действий учёных: выделение проблемных знаний, выбор методов, регуляция инструментальных действий. В ходе критической рефлексии ценностные образцы-стандарты входили в ткань теоретико-познавательных категорий и становились теоретическими идеалами. Иллюстрации использования методологических идеалов можно встретить в трудах Платона, где проводится философское обоснование математики.

Античный этап развития науки актуализировал тему соотношения рациональности с мифологией. Для древнего естествознания была ха-

рактерна последовательность рационализирующей демифологизации: миф – философская догадка – теоретическая идея. Миф в сознании натурфилософов предварительно выбирался из мифологического множества. Эта селекция шла через призму определённых научных соображений. Затем у выбранного мифа выделялся рациональный компонент, который переосмысливался в научных понятиях. Безусловно, что исходный продукт ценностно-инструментальных процедур разительно отличался от начальной предпосылки. Таким образом, вненаучный миф, мировоззренчески влияющий на формирование теоретической гипотезы, превращался в полноценную научную концепцию.

Мифологическому сознанию близка религия как форма превратного мировоззрения. Вопрос о влиянии религии на развитие научного мировоззрения оценивается неоднозначно. Для христианских мыслителей главным намерением было сохранить нетронутой природу знания, которое выступало как тайна, которую надо открывать с помощью интуиции и откровения, тем самым возвышая свой дух на более высокий уровень. Религия свободна от требования противоречить логике и научному знанию, более того, она обязана включать в себя явления и суждения, им противоречащие, то есть чудеса. «Всё верование основано на чудесах» – так утверждает Паскаль. Однако это не означает, что интуиция не господствует в религии безраздельно. Тот же Паскаль говорит, что если всё подчинить разуму, то наша религия не будет иметь ничего таинственного, а значит, она будет абсурдной.

Ориентацию на философию принято связывать с мировоззренческими основаниями специализированного аппарата мышления. Все философские системы и учения можно сгруппировать в зависимости от того, какое мировоззрение принимается данным философом или философским течением в качестве отправного. По мнению Б. Рассела, философское знание существенно не отличается от науки. Отличительной характеристикой философии, отличающей ее от науки и практики, по его мнению, является критика, т. е. способность находить противоречия, которые могут содержаться в научных принципах и в повседневной жизни [9]. Следовательно, научное мышление не отгорожено от общих творческих структур сознания. «Никакого особого “научного познания” (в отличие от ненаучного) не существует: при открытии наиболее достоверных научных положений интуиция, фантазия, эмоциональный тонус играют огромную роль наряду с интеллектом. Наука же есть рационализированное изложение познанного, логически оформленное описание той части мира, которую нам удалось осознать; наука – особая форма сообще-

ния (изложения), а не познания» [10]. Очевидно, что философия играет важную роль в формировании научного мировоззрения, тем не менее она не может устанавливать факты с той степенью достоверности, как это делает наука. Однако часто в её рамках выдвигаются идеи, которые превосходят развитие науки. Необходимо подчеркнуть, что в качестве наиболее характерной черты научного прогресса выделяется расширение границ научного мировоззрения, что естественным образом приводит к проверке религиозных и философских построений научными методами и в конечном итоге вызывает «расширение границ философского и религиозного сознания человеческого духа» [11]. Хотя философские убеждения весьма устойчивы, всё же основная линия в науке связана с их изменениями. Кризис доверия к одним мировоззренческим основаниям и вера в другие формируются в критическом контексте. Для исторически развивающейся науки характерна тенденция сокращения периодов переоценки фундаментальных убеждений. Если в прошлом такие смены протекали века, то сейчас за десятки лет. Это только подчеркивает правильность положения об изменчивости научного мировоззрения, которое нельзя воспринимать как нечто окончательно сформировавшееся и статическое.

Мировоззренческие формы познания и связанные с ними многочисленные идейные смыслы лежат в основании науки, более того, они являются не только полезными, но и сущностно необходимыми при проведении исследования. Наличие мировоззренческих ценностей ведёт к разделению мира человека на материальный и духовный. Подобное бинарное разделение существует и в научном исследовании. Мировоззрение человека, достигшее высокой степени объективности, органично связано с наукой, базируется на ней. Сознание человека невозможно демифологизировать, устранить значимые духовные категории – идеалы добра, красоты, справедливости, истины. Поэтому в научном исследовании сначала требуется обнаружение сферы идеального, ценностного содержания, которое определяет мотивы человеческой деятельности. На основе этого анализа можно рассматривать материальную сферу бытия человека и общества,

выявляя прагматические результаты (подобно социологии Э. Дюркгейма).

Таким образом, существует много общего и в функциях науки и мировоззрения человека. Коренное различие состоит лишь в том, что функциональность науки проявляется в жизнедеятельности многих людей, а функциональность мировоззрения человека – в его индивидуальных действиях. В виде «молчаливых» предпосылок мировоззренческие компоненты обеспечивают интуитивное получение информации, но для осознания такого знания требуется особая рефлексивная деятельность [12]. Поэтому сама граница между научными и вненаучными формами мышления является гибкой, скользящей и исторически изменчивой. С помощью мировоззренческой рефлексии происходит экспликация неявных образов в явные, а концептуализация духовных структур превращает их в научные виды рациональности, следовательно, ценностный характер является сущностным атрибутом не только мировоззренческой культуры, но и научного познания, как социально-гуманитарного, так и естественнонаучного.

Примечания

1. *Вернадский В. И.* Научная мысль как планетарное явление. М., 1991. С. 202.
2. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М., 1958. С. 7.
3. *Mauthner F.* Beitrage zu enier Kritik der Sprache. I Ffm. B.; Wien, 1982. S. 3–5.
4. *Маритен Ж.* О человеческом знании // Вопросы философии. 1997. № 5. С. 110.
5. *Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. С. 103.
6. *Юлов В. Ф.* История и философия науки: учеб. пособие. Киров, 2007. С. 108.
7. *Мольт А.* Социодинамика культуры. М., 1973. С. 85.
8. *Вернадский В. И.* Указ. соч.
9. *Рассел Б.* Избранные труды. Новосибирск, 2009. С. 114.
10. *Ярхо Б. И.* Методология точного литературоведения // Труды по знаковым системам. IV. Тарту, 1969. С. 517.
11. *Вернадский В. И.* Указ. соч. С. 214.
12. *Жоль К. К.* Мысль. Слово. Метафора. Проблемы семантики в философском освещении. Киев, 1984. С. 174.

М. В. Трапезников

ПРИКЛАДНЫЕ РАЗРАБОТКИ КАК ФОРМА СОВРЕМЕННОЙ ВЗАИМОСВЯЗИ НАУКИ И ПРАКТИКИ

В статье рассматривается переход от фундаментальной науки к некоторому техническому благу через промежуточные формы прикладного исследования, прикладной модели и технического проекта.

In article are discussed the transition from basic science to some technical goods through intermediate forms of applied research, application model and technical design.

Ключевые слова: наука, практика, практическое познание, прикладное исследование, прикладная модель, технический проект, нанонаука, нанотехнология.

Keywords: science, practice, practical knowledge, applied research, the application model, engineering design, nano-science and nanotechnology.

В интересах исследования определим различие между наукой и практикой относительно целей воздействия на познаваемые ими объекты. Наука едина с практикой структурой деятельности. Как научно-эмпирический опыт, так и научное мышление включают в себя: целевые и проблемные установки, методы исследования и познавательные результаты. Также наука имеет свою практику в виде исследовательского эксперимента. Но это единство с необходимостью сопряжено с существенными различиями, которые заключаются в основных целевых ценностях. Практическое познание ориентировано на то, чтобы содействовать получению некоторого жизненного блага, способного удовлетворить человеческую потребность. Здесь сопряженность материального продукта и знания относительно проста: если спроектированное благо актуализировалось, значит, мобилизованные представления оказались правильными и ими распорядились эффективно. Как отмечал Ф. Бэкон, здесь произошел «плодоносный опыт».

Алгоритм практического познания таков: практическая проблема → программа решения (средства изменения объекта + проект конечного продукта) → методика проведения эксперимента → реализация методики → оценка полученного результата.

Для научного познания справедлива следующая схема: научная проблема → научная гипотеза → предполагаемое следствие из теории в виде предсказанного факта → осуществление опыта по

выявлению предсказанного факта → соотнесение предполагаемых и полученных результатов.

Наука и проводимый по ее правилам научный эксперимент соответствуют установке «знания ради знания». Наука является наукой благодаря поиску «чистых» знаний, а практика исследует и создает реальность, исходя из утилитарных соображений.

В связи с тенденцией возрастания зависимости современных технологий от науки актуальным является вопрос о механизмах взаимодействия этих сфер исследовательской деятельности. Существовавшая долгое время и считавшаяся правильной «линейная» модель их взаимодействия, суть которой в том, что фундаментальная наука выступает источником технологических новаций, а технология является приложением науки, считается слишком простой. Есть убедительный пример в пользу такого утверждения. Его ввел американский исследователь в области философии техники Э. Лейтон в докладе, прочитанном в Москве в Институте философии РАН в 1989 г. Лейтон рассказал о так называемом проекте «Хиндсайт» («Прицел»), реализованном в США. Перед участниками этого проекта была поставлена задача проанализировать, насколько оправданными являются затраты на фундаментальные исследования в разработке новейших типов вооружения. Работа длилась 8 лет, в течение которых 13 групп ученых и инженеров проанализировали около семисот технологических новаций в системе производства вооружений. Результаты исследований поразили научный мир и общественность. Оказалось, что 91% новаций имели в качестве своего источника не науку, а предшествующую технологию и только 9% – достижения в сфере науки, причем из этих 9% лишь 0,3% можно было охарактеризовать как имеющие источник в области чистой, фундаментальной науки.

«Результаты проекта “Хиндсайт” ни в коей мере нельзя толковать в том духе, что фундаментальная наука не имеет отношения к приложениям и технологическим разработкам» – комментирует Е. Мамчур. Так же как они не означают, что прикладные разработки не связаны с индустрией и технологией. Важно одно, что далеко не всегда именно фундаментальная наука является источником технологических новаций [1].

В связи с этим вполне убедительно звучит высказывание тех исследователей, которые считают что «наука и технология вообще являются двумя относительно независимыми потоками исследовательской деятельности» [2]. Наука имеет своим источником предшествующую науку; технология – предшествующую технологию. И лишь в особых ситуациях, в частности при возникновении нового направления в науке, про-

исходит их интенсивное взаимодействие. В процессе этого взаимодействия они взаимно обогащаются; их традиционная причинная связь может переворачиваться: уже не наука воздействует на технологию, а она ставит перед наукой задачи и сама выступает источником развития науки. Затем, когда основные проблемы решены, потребность в их взаимодействии уменьшается, и они вновь начинают развиваться относительно самостоятельно. Предложенная модель, по крайней мере, на макроуровне представляется очень правдоподобной. Что касается линейной модели, то она действительно применима далеко не всегда.

В некоторых случаях, не будучи прямым источником, чистая наука выступает опосредованной основой технологических достижений. Такая роль обычно выявляется ретроспективно. Яркий пример – атомные реакторы и атомные бомбы. Объяснить выделение ядерной энергии можно только на основе специальной теории относительности (СТО). Получение атомной энергии основывается на делении атомных ядер тяжелых элементов. Рассчитать реакцию можно, основываясь на известном уравнении $E = mc^2$. Но основанное на СТО объяснение могло быть дано уже задним числом. Что касается источника рассматриваемой технологической новации, то им была не СТО, а предшествующие научные открытия и изобретения.

Таким образом, форма участия фундаментальной науки в получении технологических новаций может быть разной. Можно ли установить некую универсальную модель взаимоотношения науки и технологии? Нужно признать, что философия науки пока не знает ответа на этот вопрос. Она все еще не отреагировала должным образом на этот эпистемологический вызов современных технологий. Более того, этот вопрос и подниматься-то стал лишь в последние десятилетия. В отличие от социальных, политических и моральных проблем, связанных с современными технологиями, эпистемологическая проблематика оказалась разработанной явно недостаточно.

В настоящее время вопрос об адекватной теоретической реконструкции взаимодействия науки и технологии активно обсуждается. Предлагаются различные модели. Одна из них – «цепочечная». В отличие от линейной, она начинается не с законов фундаментальной науки, а с дизайна. Сам процесс инновации представляется как цепочка технологических усовершенствований, каждое звено которого связано с предыдущим петлей обратной связи. Наука не участвует в этой цепочке. Она привлекается как бы со стороны для решения возникающих в ходе технологических разработок проблем [3].

Несмотря на свое правдоподобие, вряд ли и такая модель окажется применимой ко всем случаям взаимодействия чистой и прикладной наук: ведь иногда верна и линейная модель. Возможно, единой теоретической реконструкции вообще не существует: разнообразие практик требует и определенного разнообразия моделей. В любом случае, какой бы ни была предложенная модель, неизбежен вопрос о механизмах применения фундаментальной науки в технологии. Роль посредника в данном процессе может взять на себя прикладная наука.

В прикладной науке результат ожидаем и предсказуем. Ценность знаний, добытых фундаментальными науками, – в их непредсказуемости и неожиданности. Приступая к решению практической (прикладной) задачи, мы считаем, что наших базовых, фундаментальных знаний достаточно для того, чтобы ее решить, и новых знаний для решения этой задачи не нужно. Если результат прикладной работы не достигается, это может говорить и о недостаточности усилий, и о низкой квалификации исполнителя. Но в том случае, когда подход к решению задачи был адекватным, а решения все равно нет, можно предположить, что не хватило каких-то базовых знаний и, значит, задача, объявленная прикладной, на деле содержала в себе нерешенную фундаментальную проблему.

В реальности ни фундаментальная, ни прикладная науки никогда не встречаются в чистом виде. На практике в любой проблеме присутствуют обе науки в различных пропорциях, и фундаментальной мы называем проблему, в которой велика доля нового, неизвестного знания, а прикладной – ту, в которой, как нам представляется, неизвестного значительно меньше. Из принципиального различия двух наук следует довольно много практических выводов, которые связаны с системой финансирования науки и получения практических результатов научной деятельности [4].

Результат прикладной работы всегда направлен на практическую цель, это всегда бизнес-проект, реализация которого зависит от ряда промежуточных актов. Первый шаг начинается с разработки прикладной модели. Здесь нужно найти должные теории среднего уровня и специфицировать их в соответствующие эмпирические обобщения. Такая дедукция позволяет спуститься с общих понятий на уровень особенного, она и составляет содержание прикладного исследования. Многие крупные проекты привлекают комплексы научных дисциплин – механику, электродинамику, химию и т. д. В этом случае прикладная дедукция от общего к особенному принимает междисциплинарный характер. Затем идеальные объекты и эмпирические обобщения пре-

образуются в технические объекты, параметрами которых выступают технологические свойства. Все параметры подвергаются математическому расчету. Инженерная разработка создает систему специфических технических объектов, что и дает искомую модель. Ее воплощение в материалах и конструкции рождает проектное устройство [5].

Следующий важный шаг – разработка технического проекта. Речь здесь идет о создании сложных устройств, удовлетворяющих новые социальные потребности. Это может быть самолет определенного типа, корабль, робот или что-то подобное. У проекта есть определенный заказчик – государство, частная фирма и т. п., который задает основные целевые характеристики изделия и осуществляет финансирование. Тут учитываются экономические, экологические и другие требования, существенные для будущего потребителя. Когда проект попадает исполнителю, то он разрабатывает техническое задание. В нем выделяется система целевых параметров чисто технического характера и контурно, в самом общем виде намечаются основные средства реализации.

Рассмотренная схема показательна для нанотехнологий. Некоторые авторы утверждают, что в современных наноразработках различия между фундаментальной наукой, прикладной наукой и практикой исчезают. Происходит это якобы благодаря тому, что в одних и тех же операциях, проводимых с помощью одного и того же оборудования, осуществляются и процессы изучения физических явлений, проявляющихся в новых технологических продуктах (фундаментальные исследования), и процесс их изменения (прикладные разработки). В качестве примера приводятся исследования на атомно-силовом микроскопе – АСМ, с его помощью можно не только увидеть отдельные атомы, но избирательно воздействовать на них, например, перемещая их по поверхностям. Обратимся к Стэнфордской эн-

циклопедии, в ней даются такие определения: «Нанонаука – это исследование феноменов на масштабе от 1 до 100 нанометров... Нанотехнология – создание и контролирование объектов на этой же шкале с целью получения новых материалов со специфическими свойствами и функциями» [6]. Как видно, авторы энциклопедии не сомневаются в том, что нанонаука и нанотехнология – различные типы исследовательской деятельности. Важно подчеркнуть, что там, где мы сталкиваемся с новым, неизвестным знанием – мы имеем дело с фундаментальной наукой. Если происходит адаптация этих знаний в практических целях и построение технической модели, то налицо прикладная наука. Когда эта модель реализуется в конкретном утилитарном проекте – можно говорить о технике, технологии, т. е. практическом познании. И это справедливо, в том числе и для таких наукоемких отраслей человеческой деятельности, как сфера нанопознания и нанотехнологии.

Итак, современные прикладные разработки демонстрируют общую схему трансформации: научная теория – прикладное исследование – прикладная модель – технический проект – новое изделие.

Примечания

1. Мамчур Е. А. Фундаментальная наука и современная технология. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=283
2. Там же.
3. Kline S. J. & Rosenderng N. An Overview of Innovation // The Positive Sum Strategy: Harnessing Technology for Economic Growth. URL: http://books.google.ru/books?id=8zErAAAAYAAJ&printsec=frontcover&hl=ru&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false
4. Бебуров М. И. Две науки: «настоящая» и «прикладная». URL: <http://www.courier-edu.ru/cour0989/8800.htm>
5. Юлов В. Ф. История и философия науки: учеб. пособие. URL: <http://www.srinest.com>
6. Стенфордская энциклопедия. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/technology/#IntTecSci>

ИСТОРИЯ

Отечественная история

УДК 94(470)"1812":2

В. М. Лавров

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 г. КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО НЕПОБЕДИМОСТИ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

В статье отражены основные события, связанные с Отечественной войной 1812 г., говорится о сохранении исторической памяти об этом событии в дореволюционный период, в частности о патриотическом празднике, посвященном «избавлению Русской Православной Церкви и Державы Российской от нашествия французов в 1812 году».

The article describes the main events related with the War of 1812, and mentions preservation of this historical memory in pre-revolutionary period, especially about patriotic holiday, devoted to "Russian Orthodox Church and Russian Power release from French invasion in 1812".

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., русская армия, Александр I, М. И. Кутузов, Наполеон, историческая память.

Keywords: the War of 1812, Russian army, Alexander I, M. I. Kutuzov, Napoleon, historical memory.

«Двенадцатого июня силы западной Европы перешли границы России, и началась война, то есть совершилось противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие», – писал Лев Толстой в «Войне и мире». Без объявления войны в 2 часа ночи 12 (24 по новому стилю) июня 1812 г. армия императора Франции Наполеона I Бонапарта начала переправу через реку Неман, по которой проходила российская граница.

Вторгнувшаяся так называемая Великая армия Наполеона насчитывала 450 тысяч солдат и офицеров. Половину из них составляли французы, остальные были итальянцы, поляки, немцы, голландцы и др. Позднее к ним добавились подкрепления численностью в 140 тысяч солдат и офицеров. В союзе с Наполеоном против России выступили Австрия и Пруссия с корпусами соответственно по 30 и 20 тысяч солдат и офицеров. Позднее к Франции и ее союзникам присо-

единилось более 10 тысяч литовцев. В целом у противников России имелось свыше 1300 орудий.

Наполеоновской армии противостояла 1-я Русская армия во главе с генералом и военным министром М. Б. Барклаем-де-Толли, которая насчитывала 120 тысяч человек при 550 орудиях, располагалась преимущественно в Литве и вместе со 2-й армией прикрывала направления на Петербург и Москву. 2-я армия во главе с генералом П. И. Багратионом насчитывала 40 тысяч человек при 170 орудиях и располагалась в Белоруссии. 3-я армия во главе с генералом А. П. Тормасовым, насчитывавшая до 45 тысяч человек при 160 орудиях, располагалась в Малороссии (Украине), прикрывала направление на Киев и сдерживала Австрию. Недалеко от Риги (направление на Петербург) был также корпус генерала П. К. Эссена, насчитывавший 18 тысяч человек. Кроме того, в Молдавии находилась Дунайская армия генерала П. В. Чичагова до 55 тысяч человек, сдерживавшая Турцию и Австрию, а в Финляндии, входившей в состав Российской империи, был 19-тысячный русский корпус, прикрывавший шведское направление на всякий случай.

13 июня император Александр I подписал Манифест о начале войны с Францией, в котором заявил: «Я не положу оружия, доколе ни одного неприятельского воина не останется в царстве моем». А еще за год до наполеоновской агрессии заявил французскому послу в России: «Если император Наполеон начнёт против меня войну, то возможно и даже вероятно, что он нас побьёт, если мы примем сражение, но это ещё не даст ему мира. Испанцы неоднократно были побиты, но они не были ни побеждены, ни покорены. А между тем они не так далеки от Парижа: у них нет ни нашего климата, ни наших ресурсов. Мы не пойдём на риск. За нас – необъятное пространство, и мы сохраним хорошо организованную армию». И далее: «Если жребий оружия решит дело против меня, то я скорее отступлю на Камчатку, чем уступлю свои губернии и подпишу в своей столице договоры, которые являются только передышкой. Француз храбр, но долгие лишения и плохой климат утомляют и обескураживают его. За нас будут воевать наш климат и наша зима».

Наполеон, как полководец, превосходил Александра I, и последний осознал это. Одновременно русский император превосходил выдающегося полководца в стратегическом мышлении, что окажется важнее. Александр I предвидел выигрышную и надежную стратегию ведения войны с Наполеоном. Стратегическое единомыслие императора и мудрых полководцев Барклая-де-Толли и Кутузова обеспечили победу над непобедимым. При этом Александр Павлович учел опыт партизанского сопротивления Наполеону в Испании, сковавшего почти 200-тысячное французское войско. Стремясь предотвратить войну, русский император предупредил Наполеона о том, что должно произойти, однако Бонапарт был настолько ослеплен прежними победами, настолько жаждал европейского и мирового господства, что в грехе гордыни ринулся в авантюрный поход на Россию.

Наполеон полагался на свой гений – на быструю победу в приграничном генеральном сражении. Разгромом русской армии он рассчитывал вынудить Александра I заключить позорный мир на французских условиях. Выбирая направление вторжения на Москву, Наполеон рассуждал: «Если я возьму Киев, я возьму Россию за ноги; если я овладею Петербургом, я возьму её за голову; заняв Москву, я поражу её в сердце». При этом Наполеон считал возможным, что война закончится уже в Смоленске и Минске.

И уже 12 июня Наполеон занял Ковно (ныне Каунас), 16 июня – Вильно (Вильнюс).

Поскольку корпуса 1-й Русской армии прикрывали большие пространства и были разделены и поскольку были разделены 1-я и 2-я армии, то возникла опасность быть разгромленными по частям, к чему и стремился быстро наступавший Наполеон. Поэтому военный министр генерал Барклай-де-Толли принял стратегически правильное решение о непринятии крупного сражения до соединения корпусов 1-й армии и ее соединения со 2-й армией, а реализация принятого решения требовала организованного отступления как стратегического маневра. В свою очередь Наполеон пытался недопустить соединения русских корпусов и армий. Однако в результате искусного маневрирования и арьергардных боев Барклаю-де-Толли и Багратиону удалось переиграть Наполеона и соединиться под Смоленском, что явилось первым русским стратегическим успехом. При этом император не назначал Барклая главнокомандующим, но Багратион признал его право принимать общие решения, поскольку последний командовал крупнейшей армией.

Так развивались события в выбранном Наполеоном направлении на Москву. Одновременно он направил на Ригу 32-тысячный корпус маршала Э. Макдональда, в который входило 20 ты-

сяч пруссаков. После взятия Риги ему надлежало вместе с 28-тысячным корпусом маршала Н. Удино двигаться на Петербург. Макдональду удалось захватить Динабург (ныне Даугавпилс), но не Ригу. Пруссаки не рвались в бой во славу Наполеона, а Эссен организовывал контратаки из Риги. Удино захватил Полоцк и пытался соединиться с Макдональдом, но был отброшен обратно к Полоцку 25-тысячным русским корпусом генерала П. Х. Витгенштейна. В результате Макдональд и Удино оказались втянутыми в позиционные бои и не смогли совершить бросок на русскую столицу.

Что касается 3-й армии, то она с переменным успехом, подчас переходя в наступление, воевала с французами и австрийцами, причем последних удалось сковать, да и они не рвались в бой во славу Наполеона. А в целом армия Наполеона потеряла до 150 тысяч человек убитыми и ранеными, больными и дезертировавшими, и это только в начале войны. Французские захватчики стали превращаться в мародеров и насильников, вызывая гнев и вооруженное сопротивление русских крепостных крестьян, вплоть до их ухода в партизанские отряды.

4–6 августа состоялось ожесточенное Смоленское сражение. Со стороны Наполеона участвовало около 180 тысяч солдат и офицеров, с русской – свыше 110 тысяч. Согласно нашим оценкам, противник потерял более 20 тысяч человек, мы – 10 тысяч. Наполеону удалось занять сгоревший город, однако русская армия не была разгромлена, она организованно отступила по приказу Барклая-де-Толли, который обеспечил сохранение армии. Смоленское сражение не стало тем генеральным и победоносным сражением, на которое надеялся Наполеон; в этом смысле оно оказалось прообразом Бородинской битвы.

После Смоленска Барклай-де-Толли решил дать генеральное сражение у деревни Царево-Займище. Однако его отступления вызывали резкое недовольство не только в русском образованном обществе, плохо разбиравшемся в военной стратегии, но и в самом генералитете, рвавшемся в бой. Багратион утверждал, что Барклай якобы ведет врага на Москву. Вспомнили даже то, что Михаил Богданович имеет не русские, а шотландские корни. Сыграл свою роль и его замкнутый характер.

8 августа главнокомандующим был назначен М. И. Кутузов, которому шел уже 67 год, однако именно к нему с огромным уважением, доверием и даже с любовью относились в русской армии. При этом следует сказать, что в 1905 г. Кутузов был против Аустерлицкого сражения с Наполеоном, но мечтавший о воинской славе Александр I настоял на сражении и потерпел сокрушительное поражение. И император не ис-

пытывал симпатий к смеющему свои суждения иметь Кутузову. На русской исторической сцене был поставлен удивительный эксперимент: в 1801 г. во главе самодержавного и православного государства оказался молодой человек, увлекавшийся республиканскими и материалистическими воззрениями. Но именно 1812 год стал переломным для Александра Павловича: на его плечи легла тяжелейшая ответственность за судьбу России, один неверный шаг и... И государь обратился ко Христу в молитвах за Россию, становился глубоко верующим христианином. Он превозмог себя и согласился с рекомендациями о назначении Михаила Илларионовича.

М. И. Кутузов разделял стратегические взгляды своего предшественника на войну с Наполеоном. Кутузов, как и Барклай, не мог по моральным и политическим причинам не дать генерального сражения, не попытаться в решительной битве остановить наступление Наполеона на Москву. Однако Кутузов избрал другие позиции – не Царево-Займище, а Бородино, которое было ближе к подходящим резервам.

26 августа (7 сентября по н. ст.) у села Бородино, что в 120 км от Москвы, состоялось генеральное сражение. Численность французской армии составляла 134 тысячи солдат и офицеров при 587 орудиях, численность русской армии – примерно 126 тысяч человек при 640 орудиях (кроме того, у русских было более 20 тысяч ополченцев, необученных, вооруженных в основном пиками и не введенных в бой). Перед сражением Наполеон в своем приказе обещал богатую добычу и отдых в Москве, а русские солдаты и офицеры одевали чистые одежды, исповедовались и причащались, был отслужен молебен и перед войсками пронесли чудотворную Смоленскую икону Божией Матери. Кутузов преклонил перед ней колени и молился.

Инициатива в сражении принадлежала Наполеону. Он потеснил левое крыло и центр русских. Впрочем, ни прорвать позиции, ни уничтожить противника Наполеону не удалось и пришлось отойти на исходные позиции. В этом смысле сражение закончилось вничью.

Измотав французскую армию, М. И. Кутузов собирался атаковать 27 августа и верил в победу. Уверенность в победе утверждалась у Бородино. Но к ночи пришли данные о потерях. Русские потеряли до 46 тысяч человек, включая 29 генералов, и был смертельно ранен героически сражавшийся князь Петр Иванович Багратион. Героически сражался и военный министр Михаил Богданович Барклай-де-Толли, под которым было убито и ранено пять лошадей. Французы потеряли, по их данным, более 28 тысяч человек, а по русским сведениям, до 58 тысяч человек, включая 49 генералов. И в ночь на 27 августа, учиты-

вая большие потери, Кутузов принял решение об отступлении к Москве, у которой собирался дать сражение для защиты первопрестольной.

М. И. Кутузов писал императору: «Сей день пребудет вечным памятником мужества и отличной храбрости российских воинов, где вся пехота, кавалерия и артиллерия дрались отчаянно. Желание всякого было умереть на месте и не уступить неприятелю». А Наполеон признал: «Из всех моих сражений самое ужасное то, которое я дал под Москвой. Французы в нём показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми». И глубокое осмысление свершившегося в «Войне и мире»: «Нравственная сила французской, атакующей армии была истощена. Не та победа, которая определяется подхваченными кусками материи на палках, называемых знаменами, и тем пространством, на котором стояли и стоят войска, – а победа нравственная, та, которая убеждает противника в нравственном превосходстве своего врага и в своём бессилии, была одержана русскими под Бородиным. Французское нашествие, как разъяренный зверь, получивший в своем разбеге смертельную рану, чувствовало свою гибель; но оно не могло остановиться, так же как и не могло отклониться вдвое слабейшее русское войско. После данного толчка французское войско еще могло докатиться до Москвы; но там, без новых усилий со стороны русского войска, оно должно было погибнуть, истекая кровью от смертельной, нанесённой при Бородине, раны. Прямым следствием Бородинского сражения было беспричинное бегство Наполеона из Москвы, возвращение по старой Смоленской дороге, погибель пятисоттысячного нашествия и погибель наполеоновской Франции, на которую в первый раз под Бородиным была наложена рука сильнейшего духом противника».

1 сентября Кутузов собрал военный совет в подмосковной деревне Филя и предложил вопрос: «Выгодно ли рисковать потерей армии и Москвы, приняв сражение, или отдать Москву без сражения?» Большинство генералов высказалось за сражение ради защиты Москвы, против выступил Барклай-де-Толли, а Кутузов слушал молча. Затем главнокомандующий произнес: «Доколе будет существовать армия и находиться в состоянии противиться неприятелю, до тех пор сохраним надежду благополучно довершить войну, но когда уничтожится армия, погибнут Москва и Россия. Приказываю отступить».

2 сентября русская армия прошла через древнюю столицу и оставила ее без боя. С ней ушли те, кто мог и хотел уйти. И такое могло произойти только в России. Тем временем Наполеон с Поклонной горы всматривался в Москву и восторженно воскликнул: «Так вот он наконец, этот

знаменитый город!» Завоеватель ждал делегацию с ключами от города, к чему привык в обывательской Европе.

К вечеру 2 сентября 1812 г. «герой» въехал в молчащую Москву. Уже в тот же день французы стали грабить магазины и мародерствовать, и в ночь на 3 сентября начали гореть ограбленные магазины, а внезапно налетевший штормовой ветер распространял огонь от одного деревянного дома к другому. Магазины грабили и люмпены, не ушедшие из города. Ряд магазинов был сожжен по приказу Кутузова.

Согласно воспоминаниям оставшихся русских, имели место как поджоги своих домов отдельными москвичами из патриотических соображений, так и поджоги домов озверевшими завоевателями. К тому же вражеские солдаты разжигали костры рядом с деревянными домами и пьянствовали, насильничали, стреляли из орудий по домам. При происходившем разбое, устроенном «цивилизованными французами», Москва не могла не сгореть на две трети. Сгорели провиантские склады и 6500 домов! Одновременно как русские, так и французы пытались тушить пожары. А Наполеон почти сразу покинул Кремль, окутанный едким дымом.

Между тем М. И. Кутузов предпринял стратегический Тарутинский маневр, красоту и смелость которого особенно способны оценить те, кто любит шахматы и получает удовольствие от виртуозной позиционной схватки. Когда я задаю студентам вопрос: где бы вы разместили русскую армию, – все отвечают – между Москвой и Петербургом, чтобы прикрыть столицу. Однако гений Кутузова разместил ее у села Тарутино, в 80 километрах к югу от Москвы! Путь на северо-запад открыт...

И Наполеон анализировал в своем штабе план похода на Петербург. Но до него свыше 700 километров по плохим дорогам. Уже наступила осень, начались дожди и надвигалась северная зима, а французское войско не получило обещанный отдых, не залечило раны в опустевшей, сгоревшей и разоренной Москве. К тому же французские коммуникации и так растянулись на тысячи километров и уязвимы, ведь с тыла угрожает армия Кутузова, солдаты и офицеры которой залечивали раны на родной земле и снабжались всем необходимым. В том числе к Кутузову подошли свежие пополнения. Армия восстановилась с 85 до 120 тысяч солдат и офицеров плюс 200 тысяч ополченцев.

При этом была усилена русская кавалерия, сыгравшая важную роль в борьбе партизанского типа. Профессиональные армейские и создававшиеся снизу партизанские отряды крепостных крестьян (вооружение последних одобрил император) атаковали французские гарнизоны и не-

большие отряды и с малыми потерями отходили к своим. Такой дубиной партизанской войны только за время оккупации Москвы было прибито до 30 тысяч захватчиков.

Среди командиров армейских партизанских отрядов прославился своей доблестью поэт Денис Давыдов, отпустивший бороду, подобную крестьянской. А характер действий и боевой дух партизан блистательно показаны в фильме режиссера Эльдара Рязанова «Гусарская баллада», снятом в 1962 г. Прообразом Шурочки Азаровой была Надежда Дурова, сражавшаяся с французами под Смоленском и на Бородино в мужском офицерском мундире и оставившая «Записки кавалерист-девицы» (1836 г.); кстати, ее тайну узнал и сохранил сам император. До этого фильма в СССР не восхищались доблестью каких-то царских гусар, но в эпоху хрущевской оттепели 150-летний юбилей победы над Наполеоном помог сказать правду о русских гусарах.

Первопрестольная оказалась западней для Наполеона. Его оккупационная армия разлагалась на глазах. Все острее не хватало фуража французской коннице, нарастал падеж лошадей. А впереди тяготы зимы на холодном и голодном пепелище. И Наполеон несколько раз предлагал мир императору Александру I. Наполеон был готов на любые условия при сохранении его «чести». Однако Александр I и Кутузов отклоняли все предложения.

Когда находившийся в Петербурге император Александр I узнал о сдаче Москвы, у него брызнули слезы, но он продолжал поддерживать Кутузова. Император говорил: «Пожар Москвы осветил мою душу, и суд Божий на ледяных полях наполнил мое сердце теплотою веры, какой я до сих пор не ощущал. Тогда я познал Бога. Во мне созрела твердая решимость посвятить себя и свое царствование Его имени и славе».

На Александра I оказывали давление влиятельные царедворцы, уговаривая заключить мир с самим Наполеоном, но Александр готовился к сражению за Петербург, если Бонапарт ринется в такой поход, причем русский император считал возможным, что проиграет сражение и придется оставить столицу. Тогда столицу планировалось перенести в Петрозаводск. А в случае, если не удастся отстоять и его, то столицу собирались перенести в Архангельск... Как с таким главой государства не одолеть Наполеона?!

Наконец 6 октября русская армия нанесла удар по авангарду маршала И. Мюрата в районе Тарутино. Потеряв до 4 тысяч человек, Мюрат отступил к Москве. Тарутинское сражение ускорило общее отступление захватчиков, подняло боевой дух русских и ознаменовало начало наступательных действий нашей армии.

7 октября 110-тысячная армия Наполеона с огромным обозом награбленного покинула перепрестольную с намерением перезимовать в междуречье Западной Двины, Днепра и Березины и продолжить войну в 1813 г. Однако, покинув Москву с ослабленной армией, Наполеон не решился атаковать укрепленные позиции Кутузова под Тарутино и двинулся на Калугу, где располагались продовольственные склады русской армии.

Тогда Кутузов перебросил свою армию и преградил путь французам под Малоярославцем, где 12 октября разыгралось яростное сражение. Малоярославец восемь раз переходил из рук в руки, и в конце концов Кутузов отошел на укрепленную позицию за городом, продолжая заслонять путь на Калугу. Кутузов был готов продолжить сражение, но Наполеон потерял 5 тысяч человек (против 3 тысяч русских) и не решился на очередной кровавый штурм, так как уже уступал в кавалерии, артиллерии и числе боеспособных солдат и офицеров (70 тысяч французам против более 100 тысяч русских). Захват Малоярославца, как и захват Москвы, оказался напрасным. Наполеон отступил на им же разоренную Смоленскую дорогу. С этого момента военная инициатива перешла к Кутузову.

Главнокомандующий стремился беречь своих солдат и офицеров и уничтожал противника по частям. Он организовал параллельное преследование Наполеона: со всех сторон растянувшиеся французские колонны подвергались непрерывным атакам казаков, партизан и авангарда русской армии. Так, 22 октября у Вязьмы был успешно атакован аррьергард маршала Л. Даву. А главные силы во главе с Кутузовым двигались южнее, угрожая перерезать путь для отступления, тем самым подгоняя и обессиливая Наполеона. А в ноябре ударили русские морозы. Не имея фуража на разграбленной дороге и теряя лошадей, французы бросали артиллерию.

3–6 ноября у села Красное под Смоленском был почти полностью уничтожен французский аррьергард маршала М. Нея, но французам удалось избежать окружения и продолжить отступление. 4 ноября подошедшая Дунайская армия генерала Чичагова освободила Минск, являвшийся тыловым опорным центром французов.

14–16 ноября Наполеону удалось перехитрить генералов Чичагова и Витгенштейна и переправиться через реку Березину, у которой Кутузов собирался разгромить французов. Наполеон опять избегал окружения, вырвался и продолжил отступление. Он сумел избежать совершенного поражения в сражении и попадания в плен, но понес огромные потери, и его армия перестала существовать как боеспособная организованная сила. 23 ноября в Сморгони Наполеон бро-

сил остатки своих войск на произвол судьбы и тайно ускорил в Париж.

А 29 ноября русская армия во главе с М. И. Кутузовым вошла в Вильно. К середине декабря завершилось освобождение России от французских захватчиков. И 25 декабря 1812 г. император Александр I подписал манифест «О принесении Господу Богу благодарения за освобождение России от нашествия неприятельского». В манифесте говорилось: «Зрелище погибели войск его [Наполеона] невероятно! Едва можно собственным глазам своим поверить. Кто мог сие сделать? Не отнимая достойной славы ни у Главнокомандующего над войсками Нашими знаменитого полководца, принесшего бессмертные Отечеству заслуги; ни у других искусных и мужественных вождей и военачальников, ознаменовавших себя рвением и усердием; ни вообще у сего храброго Нашего воинства, можем сказать, что содеянное ими есть превыше сил человеческих. Итак, да познаем в великом деле сем промысел Божий».

Именно 25 декабря, в Рождество Христово, по решению императора Александра I стали праздновать «избавление Русской Православной Церкви и Державы Российской от нашествия французов в 1812 году» (так назывался этот патриотический праздник). И его отмечали с 1814 по 1916 г. Однако Ленин перестал праздновать победу в войне 1812 г.

В России ранее непобедимый Наполеон потерял полумиллионную армию, а русские потери составили 200 тысяч человек. Не числом, а *героизмом русских солдат и офицеров*, сражавшихся не хуже французских, *героизмом москвичей*, не пожелавших жить под оккупантами, *героизмом крестьян*, ответивших партизанской войной на мародерство захватчиков, *стратегическим гением Александра I, Кутузова и Барклая-де-Толли*, превзошедшим полководческий гений Наполеона, обусловлена всенародная победа в Отечественной войне 1812 г. Россия совершила то, что могла совершить только Россия, – сокрушить несокрушимого, в чем проявилась ее мистическая, духовно-нравственная и историческая миссия во всемирной истории. Такая победа была богоугодной!

В память о беспримерном народном подвиге и в благодарность Промыслу Божию был в 1839–1883 гг. возведен замечательный Храм Христа Спасителя по проекту архитектора Константина Тона. На стенах храма запечатлены имена офицеров русской армии, павших в войне с Наполеоном; все они поминались при богослужениях. Но храм был взорван по решению Сталина в 1931 г. Он восстановлен в 1994–1997 гг., что символизировало возрождение России, преодолевшей богоборческое прошлое.

Александровская колонна (архитектор Огюст Монферран) возведена в 1834 г. в память о победе императора Александра I над Наполеоном. Колонну венчает ангел (скульптор Борис Орловский), ангел крестом попирает змия, то есть Наполеона, причем черты ангела напоминают миловидное лицо Александра I.

Колонна композиционно сочетается с Триумфальной аркой главного штаба (архитектор Карл Росси), возведенной в 1828 г. также в память о победе 1812 г. и связавшей два крыла генштаба. Так сложился замечательный архитектурный ансамбль Дворцовой площади перед царской резиденцией Зимним дворцом. А в парадной части самого Зимнего в 1826 г. по проекту Росси создана Военная галерея из свыше 300 портретов героев войны с Наполеоном.

Наконец, Л. Н. Толстой написал великий роман-эпопею «Война и мир» в 1863–1869 гг. Его талантливые экранизации осуществлены режиссерами Сергеем Бондарчуком в 1968 г. и американцем Кингом Видором в 1956-м. Роман «Война и мир» и его экранизации известны во всем мире, они доносят до образованных людей историческую правду о русской драме 1812 г., свидетельствуют об удивительной духовности и непобедимости земли Русской.

УДК 2-7(470)

А. В. Еремин

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье исследуются особенности взаимодействия государства и Русской православной церкви в контексте развития процесса глобализации. В исторической ретроспективе определяются степень влияния глобализации на особенности трансформации модели государственно-церковного взаимодействия. Анализируется церковная позиция по поводу участия РПЦ в официальных государственных программах, в частности в проекте модернизации страны.

The article investigates the features of the state and the Russian Orthodox Church cooperation in the context of globalization. In historical retrospective there is the determination of the effect of globalization on the particular model of state transformation of church interaction. The article analyzes the church position on the participation of the Russian Orthodox Church in official government programs, especially in the project of country modernization.

* Публикация подготовлена в рамках выполнения проекта РГНФ № 12-03-00137 «Культурфилософское обоснование трансформаций российского опыта в контексте взаимодействия глобального и локального»

Ключевые слова: Церковь, власть, государство, глобализация, патриарх, священнослужители, секуляризм, официальная позиция.

Keywords: Church, authority, the state, globalization, the patriarch, clergy, secularism, official position.

С распадом СССР Россия активно включилась в процессы глобализации. Однако курс на вестернизацию культуры и повседневности не мог удовлетворить ментальные потребности людей к осознанию цивилизационной идентичности. Осознание причастности к русской культуре и к «русскому миру» порождало стремление к поиску национальной идеи. Вновь стали актуальны и популярны философские споры о путях развития России, начался массовый «исход» в Церковь, в том числе и интеллигенции. Духовный вакуум создавал ощущение неопределенности, «потерянности». Несмотря на активную глобализацию сознания и жизни людей, существовало веками привитое чувство «других». В этих условиях возросла роль Русской православной церкви, которая многими воспринималась как та идентифицирующая сила, которая может объединить людей. И РПЦ «почувствовала» этот запрос общества. Патриарх Кирилл справедливо сравнивает современную ситуацию в России и в мире с эпохой распада и гибели Римской империи. По его мнению, как и тогда, христианство должно стать основой системы ценностей общества. Действительно, мы можем сказать о том, что христианство стало основой западной цивилизации и, более того, системой ценностей, которая была в основе иницируемой различными империями христианской глобализации. Возможно ли повторение истории? Историко-культурный процесс России позволяет сказать, что православные христианские ценности, дополненные политическими идеями сакральной миссии государства, стали цивилизационной основой России, а Русская православная церковь долгие годы была государственно образующей религией. В связи с этим РПЦ видит свою историческую миссию в сохранении православной культуры как основы российской цивилизации. Выполнение этой миссии невозможно без взаимодействия с государством, которое исторически было тесно связано с Церковью.

Глобализационные последствия: секуляризм, размывание традиционных ценностей, нивелирование критериев нравственности и морали, развитие массовой культуры, духовный релятивизм, ослабление христианской идентичности – волновали Церковь на протяжении всего постсоветского периода.

Анализируя выступления, заявления высших церковных иерархов в 90-х гг. XX в., можно кон-

статировать то, что четкого, логического и понятного осмысления задачи противодействия глобализационным процессом не было. Патриарх Алексий II ограничивался лишь оценкой влияния этих последствий, но программы действий, хотя бы в декларативной форме, не озвучивал. Впервые четко и ясно по этому поводу высказался патриарх Кирилл, будучи еще митрополитом. И это не случайно, так как именно он был не только правой рукой патриарха Алексия II, но и главным идеологом и разработчиком эпохального документа «Основы социальной концепции РПЦ». Постоянные заявления митрополита о значимости православия для всей Европы, о необходимости контактов с христианским миром, о свободе как о главном условии духовного развития, о противостоянии бездуховности современного мира позволяли считать его чуть ли не главным реформатором Церкви. Однако, став патриархом, Кирилл выбрал сдержанную в целом антиглобалистскую позицию и четко сформулировал суть миссии Церкви в глобальном мире. В своем первом интервью, данном программе «Национальный интерес» (телеканал «Россия»), на вопрос «Образ митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла прямо-таки заражал лучающейся внутренней свободой. Сейчас Вы в другом статусе, у Вас, очевидно, произошла определенная внутренняя эволюция – под грузом новой ответственности, новых возможностей. Стали ли Вы свободнее?» патриарх ответил: «Есть проблема. Она связана с осознанием высокой ответственности. Я столкнулся с реакцией на некоторые свои первые выступления в качестве патриарха и понял, что люди обращают внимание на такие детали, на которые, может, и не следовало бы обращать внимания, но люди обращают внимание на эти детали, поскольку они связаны с личностью патриарха. Иногда даже на выражение глаз и на внешнюю реакцию обращают внимание, а потом из этого делаются какие-то выводы. Служение патриарха – это очень ответственное служение и, конечно, оно ограничивает человека в его самовыражении. Но при всем этом нужно найти правильный баланс. Если патриарх будет говорить только гладкие слова, округлые фразы, высказывать общие идеи, по поводу которых полное согласие в обществе... – Что безопасно (ведущий)... – Абсолютно безопасно, величественно, комфортно для всех. Но будет ли тогда патриарх совершать то служение, в котором сегодня нуждается наш народ? Поэтому, несомненно, есть риск, но на этот риск нужно идти с полным смирением и с надеждой, что, может быть, некие ошибки патриарха будут поняты и прощены народом» [1].

После интронизации на патриарший престол заявления Кирилла приобрели характер взвешенной концептуально обоснованной позиции, для

которой характерна системность и целостность. Стройная логика в объяснении миссии Церкви привела к пониманию стратегии деятельности Церкви в современных условиях.

Важно отметить, что у патриарха Кирилла были все основания заявлять о том, что Церковь видит свою миссию в христианизации культуры. Выполнение такой задачи требовало соответствующих политико-правовых условий, благоприятных для Церкви. Эпоха патриарха Алексия II имела важнейшее значение. В этот период сформировались все условия для активизации деятельности РПЦ. Началось возрождение православия, которое стало, безусловно, главным идентификационным паттерном общества. В 90-е гг. Церковь не только сформировала свою социальную концепцию, но и вернула себе приоритетное положение в отношении с государством.

В 90-е гг. была возрождена «византийская модель» государственно-церковных отношений, суть которой сформулирована в социальной концепции Церкви: «византийская симфония государства и Церкви». Формально эта модель не предполагает вмешательства государства в дела Церкви и наоборот. Однако традиции государственно-церковных отношений практически не знают равноправного сосуществования двух институтов. Длительное время в России существовала модель государственной религии, Церковь оставалась под контролем государства и в советское время. В условиях свободы и демократического равноправия всех религий противостоять массовому распространению новых религиозных движений, потере обществом культурной идентичности, глобализационным последствиям без поддержки государства РПЦ не могла. Этап устранения государства из религиозной сферы продолжался до середины 90-х гг. В 1997 г. берет начало новый этап развития кооперационной модели взаимодействия государства и Церкви, главной особенностью которого стала поддержка государством РПЦ и приоритетное сотрудничество с ней. Церковь как главная легитимирующая сила была нужна государству, а поддержка власти была необходима Церкви. Таким образом, стала возможной «византийская модель» взаимодействия государства и Церкви, которая в концептуальном понимании призвана нести православную, христианскую парадигму.

Суть кооперационной модели государственно-церковных взаимоотношений состоит в регулировании государством религиозной сферы без нарушения принципа свободы совести. Признается особая роль традиционных конфессий, с которыми государство заключает обоюдные соглашения о сотрудничестве в культурной и духовно-нравственной сферах. К концу 90-х гг. росло количество законодательных актов, относя-

щихся к религиозной сфере (более 80 к 2000 г.). Более того, собственные законы и иные правовые акты по религиозным вопросам приняты в 33 субъектах РФ. Среди этих актов большинство повторяло содержание Федерального закона, однако во многих регионах они ограничивают деятельность иностранных миссионеров, деятельностью сект, что часто противоречило федеральному законодательству.

В конце 1990-х гг. одним из решений этой проблемы было укрепление властной вертикали через создание единого органа, обеспечивающего координацию и управление отношениями государства с религиозными объединениями. По мнению специалистов, территориальные структуры были бы менее зависимы от региональных, местных властей, чем ныне действующие органы и смогли бы координировать их деятельность с федеральной вероисповедной политикой.

Однако к концу 1990-х гг. взаимоотношения РПЦ и государства обрели вид тесного и плодотворного сотрудничества. Кооперационная модель развивалась быстрыми темпами. Между РПЦ и государственными подразделениями как на федеральном, так и на региональном уровне было подписано множество соглашений о сотрудничестве в различных сферах общественной и культурной жизни, в системе управления РПЦ появлялись новые отделы по различным общественным сферам, что свидетельствовало о росте масштабов социальной деятельности. Церковь активно работала над формулировкой своей социальной концепции. Все это позволит в начале XXI в. сказать патриарху Алексию II о том, что «государственно-церковные отношения близки к идеальным». Поэтому создание единого органа воспринималось Церковью как вероятность нарушения развивающихся тенденций, когда решение всех вопросов будет зависеть от конкретных чиновников. Ситуация, когда все соглашения заключаются напрямую между Церковью и государственными структурами (министерства, управления и т. д.), более устраивала РПЦ, так как де-факто признавался не прописанный в законодательстве приоритет Православной церкви, которая по праву являлась конфессией № 1.

Однако с ростом значения традиционных религий становилось очевидным, что требуются новые законы, детально прописывающие нормы отношений государства и традиционных конфессий. В конце 90-х гг. назрела необходимость формулировки новой концепции государственно-церковных взаимоотношений. Становилось очевидным, что в отношениях государства с ведущими конфессиями на территории РФ требуются совершенно иные подходы. Та религиозная организация, члены которой составляют наиболь-

шее количество прихожан, по праву могла претендовать на юридически оформленный статус традиционной религии с вытекающими отсюда преимуществами в сфере взаимоотношений с государством. Опыт западных стран показывал, что практически во всех государствах определяется та религия, которая является ведущей и которая внесла огромный вклад в историко-культурное развитие страны. Права таких конфессий были юридически закреплены.

Тенденция к выработке новой концепции государственно-церковного взаимодействия воплотилась в появлении в 2001 г. новых концепций взаимодействия государства и Церкви: например, проекта, разработанного кафедрой религиоведения РАГС, или концепции государственной политики в сфере отношений с религиозными объединениями РФ, представленная Институтом государственно-конфессиональных отношений и права в сотрудничестве с Главным управлением Министерства юстиции РФ по г. Москве. В обоих проектах закреплялись те базовые подходы к проблеме свободы совести, которые провозглашены Конституцией РФ, Законом 1997 г. и отражали точку зрения международного права. Это принципы отделения религиозных организаций от государства и принцип светского характера государства. В проектах впервые подробно говорилось о необходимости сохранения культурного наследия и традиций. В связи с этим отмечалось, что огромную негативную роль сыграло религиозное влияние из-за рубежа. Россия рассматривалась иностранными проповедниками «как миссионерская целина, и, пользуясь ослабленностью за годы тоталитарного режима традиционных конфессий, в нашу страну устремились многочисленные миссионеры и проповедники десятков зарубежных церквей, миссий и других религиозных организаций». В проектах высказывалась необходимость противодействия деструктивным религиозным организациям. Главное, что вызвало большой диссонанс в обществе, – предложение ввести в число правовых терминов понятие «традиционные религиозные организации РФ». Наиболее четко о традиционных религиозных организациях говорилось в концепции Института государственно-конфессиональных отношений, где давались критерии их определения. Более того, предполагалось, что государство с традиционными религиозными объединениями будет иметь «приоритетное сотрудничество». В концепции РАГСa содержалось также предложение о том, чтобы образовать государственный федеральный орган по делам религиозных объединений.

Таким образом, указанные проекты как бы подводили итог развитию государственно-церковных отношений в 90-х гг. В них оформлялась так

называемая кооперационная модель. Признавался приоритет традиционных религий, необходимость противодействия влиянию «тоталитарных сект» и чрезмерному давлению западного религиозно-миссионерства. Разработанные проекты соответствовали интересам и пожеланиям РПЦ.

В этот период Церковь активно разрабатывает свою социальную концепцию. В 2000 г. юбилейный архиерейский Собор принимает «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», а также ряд других важных документов. Тенденция к образованию специального органа, ведающего религиозной сферой, не исчезает, но, встречая нежелание религиозных организаций, она не находит свое практическое воплощение. Да и сама кооперационная модель вероисповедной политики мало соответствует этой идее. РПЦ занимает важнейшее место в социуме как духовный гарант общественной стабильности.

В начале XXI в. существует тенденция к выработке новой концепции государственно-церковных отношений, которая четко должна определить статус и права традиционных религий, а также устранить все противоречия, возникающие в процессе взаимодействия государства и Русской православной церкви.

Развитие кооперационной модели государственно-церковных отношений, которая соответствует «византийской модели», может восприниматься как показатель глобализации, ибо политико-правовая система способствует развитию православного дискурса культуры. Но здесь есть одно важное противоречие.

«Византийская симфония» имела место лишь в эпоху, когда государство не было светским. Ключевыми ценностями не объявлялись ценности секулярного гуманизма, не стояла задача уважения прав меньшинства, не объявлялось об идеологическом многообразии. Государство было христиански ориентированным. Оно само возглавило процесс христианской глобализации, как, например, в Византии. Современное же государство развивается в глобализационной парадигме. Поэтому-то церковное руководство вынуждено действовать по тем же правилам и принимать ценности глобальной эпохи с оговоркой о необходимости их духовной наполняемости.

Церковь явно или неявно, но легитимизирует действия государства. И эта особенность подтверждается тем, что люди часто ассоциируют РПЦ с государством, и, как следствие, это провоцирует антиклерикальные настроения. Нужно отметить, что Церковь заявляет о своей аполитичности, официально объявляет об этом. Есть соответствующие объяснения не предпочтительности какого-либо строя. Но в то же время «нет власти не от Бога». Церковь не может себя видеть в качестве оппонента государства, она ви-

дит себя только его союзником. Да, конечно, Церковь «может призвать народ к неповиновению», если возникнет ситуация антихристианской и безнравственной деятельности государства, но такая формулировка в социальной концепции воспринимается скорее как реверанс в сторону радикально настроенных священнослужителей и верующих.

Нужно отметить, что среди аналитиков существует мнение о том, что в России начался процесс очередной православной глобализации. Этот процесс возник как ответ на угрозы глобализации мировой. Такое мнение высказал А. Красиков [2].

Анализируя исторические аспекты православной глобализации, А. Красиков видит истоки современных тенденций в «византизме» как модели трансляции православных ценностей. Называя «византийство» «первым проектом православной имперской глобализации», автор говорит о том, что «византийские императоры претендовали на установление – в союзе с церковью – господства над всем миром (“вселенной”）」 [3]. Затем «византизм» составил основу идеологии «Москва – третий Рим». В развитии этой церковно-государственной идеологии А. Красиков видит православный глобализационный проект. Говоря о советском периоде, он отмечает, что в это время произошел переход от III Рима к III Интернационалу. Глобализационный проект получил подкрепление в сталинскую эпоху и продолжал существовать в послевоенный период. В условиях формирования новой российской государственности, по мнению автора, РПЦ чувствовала себя очень неуютно без опеки государства, поэтому инициировала новый глобализационный проект, заручившись поддержкой государства.

Он полагает, что Кирилл, будучи еще председателем ОВЦС, подготовил новый глобализационный проект, который был использован в «Основах социальной концепции РПЦ». Этот проект предполагал три составляющие: 1) державно-религиозный мессианизм, 2) отрицание универсальной значимости общечеловеческих ценностей (прежде всего прав и свобод личности); 3) претензии на роль арбитра в «диалоге цивилизаций» при подмене культурологического прочтения термина «цивилизация» политико-правовым.

Анализируя эти тезисы, необходимо отметить, что религиозный мессианизм был всегда присущ Церкви, которая видела государство в качестве своего союзника. Христоцентричность культуры и традиция – это то, без чего не может существовать православие. Нести миру свет евангельского благовестия через каналы соборной апостольской Церкви – это ключевая цель РПЦ.

РПЦ действительно осторожно и критически относится к абсолютизации ценностей прав и свобод личности, когда они ставятся во главу всех жизненных реалий, приводя к ситуации власти греха и человеческого эгоизма. Но Церковь официально, через заявления Патриарха отмечала, что без свободы человека не может быть истинной веры. Мы отмечали ранее, что в 2008 г. был принят документ «Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека» [4]. В документе говорится о том, что «политико-правовой институт прав человека может служить благим целям защиты человеческого достоинства и содействовать духовно-нравственному развитию личности» при условии, что эти права не должны противоречить традиционным ценностям (семья, община, Отечество).

Стремление Церкви выступить в роли арбитра в процессе «диалога цивилизаций» может свидетельствовать о следующем:

1) исторически Россия занимала важное геополитическое положение между различными цивилизациями. Православие, действительно, имеет богатый опыт взаимодействия с представителями различных верований и цивилизаций;

2) стремление выступить в качестве арбитра говорит об усилении тенденции к сохранению и защите цивилизационной идентичности, прежде всего в странах, где была традиционно сильна православная ориентация. Эту тенденцию скорее необходимо воспринимать как стремление к сохранению культурной идентичности и противодействие глобализационным последствиям.

А. Красиков считает, что участие в этом процессе государства и укрепление взаимосвязи церковной структуры в государствах, где есть представительство РПЦ, является фактом замены культурологического понимания термина «цивилизация» политико-правовым. Например, политическим шагом воспринимается участие государственных деятелей в обсуждении проблем сохранения и укрепления русской культуры, неодобрение вызывает факт государственной инициативы в посредничестве налаживания диалога между Русской зарубежной церковью и РПЦ до их объединения в 2007 г. «Может ли высший руководитель и гарант Конституции современного светского государства брать на себя роль посредника во взаимоотношениях между различными религиозными структурами, как это произошло в ноябре 2003 г. с передачей приглашения в Москву (от имени Патриарха Московского и всея Руси) председателя Русской зарубежной церкви митрополита Лавра?» – задает вопрос А. Красиков. На этот вопрос можно ответить утвердительно. Государство не может устранить себя из культурной сферы, от формирования вероисповедной политики, от процесса поддер-

жания осознания своего культурного и исторического прошлого. Такая политика является основной – обеспечение единства государства, его национального самосознания. Об этих функциях государства прописано в Конституции.

Действительно, «византийская модель» государственно-церковных отношений, которая позволяла транслировать и укреплять православный дискурс культуры, была основой культурно-исторического процесса России. Эта модель дополнялась и державно-имперскими задачами, легитимизированными официально признанной сакральной идеологией «Москва – третий Рим». Трансформированный «византизм», безусловно, вошел в культурно-идеологическую систему советского общества. Но, на наш взгляд, говорить о православной глобализации применительно к постсоветскому периоду истории России неверно. Глобализация предполагает включение в орбиту распространения единых ценностных паттернов не только религиозных и культурных аспектов, но и политических, социально-экономических, управленческих. Мы можем говорить о стремлении РПЦ при поддержке государства к укреплению цивилизационной идентичности того «русского мира», который воспринимался всегда как основа российской цивилизации, то есть о попытках укрепления православных христианских ценностей на территориях, традиционно входивших в орбиту единого цивилизационного пространства. Мы не можем констатировать проникновение и усиление православного дискурса в системе ценностей стран, традиционно относящихся к «католическому миру» или к исламскому культурному пространству. И тем более нельзя говорить о политической и экономической экспансии на территорию исконного существования других цивилизаций. Следовательно, нельзя считать попытки укрепления религиозно-культурной идентичности на территориях, веками принадлежавших к «русскому миру», процессом «православной глобализации».

Противостоять глобализационной парадигме через христианизацию культуры в тех государствах, где у РПЦ еще есть опора в лице верующих, где люди еще идентифицируют себя с «православным миром», – это цель, которую ставит Церковь и которую конкретизировал патриарх Кирилл, отметив, что Целью Русской Православной Церкви является «не инкультурация христианства, а христианизация культуры... Культуру нельзя использовать тактически: культура сама должна стать носительницей Христова благочестия» [5].

В 1990-х гг. XX в. РПЦ гораздо громче заявляла о своей позиции, когда дело касалось конкретных политических решений. Сложная политическая и социальная ситуация в стране, неста-

бильное положение власти, государственные кризисы и экономические трудности способствовали тому, что Церковь стала главным социальным институтом, обеспечивающим стабильность в обществе. Поэтому Церковь фактически возглавила процесс разработки нового законодательства, которое появилось в 1997 г. («Закон о свободе совести и религиозных объединениях»), добила ряд правых преимуществ, вернула себе статус приоритетной религии и способствовала формированию кооперационной модели взаимодействия с государством. В XXI в. голос Церкви слышен не так громко. После заявлений патриарха Алексия II о том, что «состояние государственно-церковных отношений близко к идеальным», сложилась такая ситуация, что причин выступать так же громко, как и в конце XX в., не стало. Церковь заняла то место в государстве, которое соответствует ее представлениям в контексте модели «Византийской симфонии», заявленной в «Основах социальной концепции Церкви». Поэтому оснований выступать более радикально за отмену тех реалий, в которой живет и сама Церковь, не представляется возможным. Главный враг для Церкви в современных условиях не глобализация, а ее проявления – секуляризм. Задача церкви – бороться с проявлением секулярного мира с его влиянием на конкретного человека. Как отметил митрополит Илларион, председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, «Церковь – это армия, которая борется за то, чтобы в мире царствовали абсолютные нравственные ценности и идеалы, а секулярное общество очень активно противостоит ей в этой борьбе. И силы, конечно, неравны. Представители секулярного мировоззрения в количественном отношении часто превосходят представителей религиозного. Причем борьба идет не за богословские истины. Наша миссия заключается не только в том, чтобы доказывать людям существование Бога, и уж тем более не в каких-то институциональных интересах. Эта борьба, прежде всего, за человеческую душу» [6].

Итак, к началу XXI в. завершился важный этап формирования социальной концепции церкви. РПЦ выразила свою позицию по отношению к современным процессам в России и в мире, к государству, определила свою миссию. Церковь содействовала становлению необходимых политико-правовых условий для своей социокультурной деятельности. В XXI в. настал период реализации своей социальной концепции. И этот новый период следует связывать с патриархом Кириллом, который с момента интронизации на патриаршество сразу дал понять, что у Церкви есть целостное видение своей миссии. Можно отметить интересную тенденцию. В 90-е гг. XX в.

Церковь формировала свою концепцию параллельно с процессом становления религиозного вероисповедания и развитием кооперационной системы государственно-церковного взаимодействия. В начале XXI в. РПЦ объявляет о духовной модернизации вместе с курсом власти на модернизацию светскую.

К проблеме модернизации страны патриарх Кирилл обратился еще тогда, когда возглавлял ОВЦС. На XI Всемирном Русском народном соборе он сформулировал несколько важных тезисов. Цель модернизации заключается в преодолении социальной несправедливости, для прогрессивных преобразований необходим поиск собственных национальных основ. На этих основах необходимо провести модернизацию. Их суть – в уважении ценностей земного мира и использовании их на пользу человека и общества. Они опираются на идеи Нила Сорского и Иосифа Волоцкого. Также источником традиций для правильной модернизации, по его мнению, является «Домострой». Ключевым является идея о высоком духовном смысле труда. В отличие от бессмысленных трат ресурсов и бесконечного накопления богатства, такой труд несет благо. В качестве главного инициатора перемен Кирилл называет не Церковь, а государство, которое разработало идею «суверенной демократии» и «русского проекта», переосмыслив имперские идеи.

Концепция модернизации получила развитие после того, как Кирилл стал патриархом. В своем первом интервью он сформулировал тезис о том, что «рациональный менеджмент, рациональная организация жизни не означает высокое качество человеческой жизни» [7]. Эта мысль не соответствует ценностям европейского развития, в которых главной признается рациональная основа и собственные критерии уровня жизни. Характеризуя задачи Церкви, патриарх Кирилл отметил: «А задачи, которые стоят сегодня, очень сложные. Более или менее создано все для того, чтобы механизм работал. Это не означает, что механизм совершенный – над совершенствованием церковного механизма нужно работать, но это действительно техническая сторона дела. А принципиальная сторона дела заключается в том, что слово Божией правды сегодня должно быть очень убедительным для людей. Люди должны услышать – современные люди, которые оторваны от традиции христианской жизни, от религиозной традиции, оторваны временем и не только временем, не только тяжелыми десятилетиями, которые наша страна и наша Церковь пережили. Сегодня в мировом масштабе происходит отрыв от религиозного наследия. Современное общество – это нерелигиозное общество, это общество, которое ставит в качестве главного критерия добра,

основного критерия истины человеческую личность. И если об этом задуматься, то это колоссальной силы отрицательный вызов» [8].

Характеризуя участие Церкви в процессе модернизации, патриарх отметил: «Как ни странно, но тему модернизации Церковь стала поднимать в течение последних лет с определенной настойчивостью... Так вот: самые надежные перемены – это те перемены, которые связаны с улучшением человеческих нравов; тогда перемены происходят без потрясений... настоящая перемена к лучшему связана с изменением человеческих нравов. Скажите, может быть эффективной, удачной, служащей человеческому благу модернизация, осуществленная плохими людьми? Пойдем дальше – киборгами, инопланетянами, роботами? Рациональный менеджмент, рациональная организация жизни не означает высокого качества человеческой жизни. Можно быть очень успешным с точки зрения организации и провалиться в самом главном – не поднять качество человеческой жизни... Так вот: любая модернизация, любая реформа, любая перемена должна осуществляться на основе фундаментальных ценностей. Перемены не могут разрушать эти ценности, а поскольку самой фундаментальной ценностью является нравственность (потому что без нравственности нет человеческой личности), то мы должны так модернизировать страну, чтобы одновременно сохранять и укреплять нравственное измерение личной, семейной и общественной жизни. Поэтому главная, может быть, идея, с которой Церковь обращается к обществу в связи с модернизацией, заключается в том, что, модернизируя надстроечные ценности, мы должны сохранять и укреплять фундаментальные ценности. Всякая модернизация должна включать нравственное измерение. Иначе ничего не получится, иначе у нас будет еще одна машина угнетения, иначе, развивая какие-то стороны общественной, социальной, политической и экономической жизни, мы будем, что называется, затягивать туже петлю на качестве человеческой жизни. Гуманитарное, человеческое, нравственное измерения очень важны. И в этом смысле Церковь готова участвовать в общественном дискурсе в отношении темы модернизации и приветствует постановку этого вопроса на самом высоком государственном уровне в России сегодня» [9].

Итак, патриарх Кирилл видит необходимость церковного участия в процессе модернизации России. Церковь и в этом вопросе остается со-

юзником государства, берет на себя духовное обоснование новых государственных задач. Можно констатировать стремление к укреплению союза с государством для реализации своей социально-культурной миссии. Необходимость борьбы с негативными проявлениями глобализации приводит к стремлению создать новую парадигму христиански направленного развития русского общества и укрепление цивилизационных основ. А это задача уже гораздо более трудная, нежели задача инкультурации христианской культуры, которую ставит католическая Церковь. Ее выполнение возможно только при условии тесного сотрудничества с государством.

Таким образом, период, который переживает Русская православная церковь и все российское общество, действительно можно назвать переходным и переломным. 20 лет постсоветского периода только определили положения, статус, задачи развития Церкви. Закончился институциональный этап восстановления Церкви в России, начинается этап борьбы за сохранение и укрепление христианской православной парадигмы. По словам Святейшего Патриарха Кирилла, перед христианами стоят две задачи. «Они должны хорошо знать современную культуру и современного человека... и должны стремиться преобразовать эту культуру на христианских началах, сделать ее культурой “охристовленной”» [10].

Примечания

1. Интервью Святейшего Патриарха Кирилла для программы «Национальный интерес» (телеканал «Россия»). URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/950675.html>
2. Красиков А. Глобализация и православие. URL: <http://www.archipelag.ru/geoculture/religions/Eurasia/orthodoxy>
3. Там же.
4. Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/428616.html>
5. Святейший Патриарх Кирилл отказался инкультурировать христианство. URL: Lenta / <http://www.bogoslov.ru/text/573415/index.html>
6. Интервью председателя Отдела внешних церковных связей митрополита Волоколамского Илариона «Российской газете» (федеральный выпуск № 5449 (73) от 7 апреля 2011 года. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1447541.html>
7. Интервью Святейшего Патриарха Кирилла для программы «Национальный интерес».
8. Там же.
9. Там же.
10. Святейший Патриарх Кирилл отказался инкультурировать христианство.

УДК 338(09)(470.342)

И. А. Соловьёва

СТАНОВЛЕНИЕ КАЗНАЧЕЙСТВА В ВЯТСКО-КАМСКОМ РЕГИОНЕ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX в.

Статья посвящена анализу основных этапов становления и деятельности казначейства в Вятской губернии. На основе изучения архивных документов автор проследил структурные изменения в Вятской казённой палате, основные направления работы губернского и уездных казначейств, значение их деятельности для региона.

This article is devoted to analyzing the main stages of the formation and activity of the Treasury in the Vyatka province. The source of the research are the archives files. The research results help to make the conclusions about the structure modifications of the Vyatka State Chamber, the main directions of activity of the Province and District Treasuries, their importance for the region.

Ключевые слова: Вятская губерния, казначейство, Вятская казённая палата, сберегательная касса, ревизия, государственный бюджет.

Keywords: the Vyatka province, the Treasury, Vyatka State Chamber, savings-bank, inspection, State Budget.

Вскоре после того, как было образовано Вятское наместничество (первая самостоятельная административно-территориальная единица на территории Вятского края), в Вятке появилась губернская казённая палата. Она была учреждена 22 декабря 1780 г. на основании указа Екатерины II «Об учреждениях для управления губерний Российской империи» (1775 г.). В Указе, в частности, говорилось: «Казённая палата не что иное есть, как соединённый Департамент Камер- и Ревизион-коллегии, которому поручается в смотрение домостроительные и казённые дела губернии, как-то: ведомости о числе народа, ревизские сказки, сведения о приходе и расходе, ревизия счетов, соляное дело, винный откуп и подряды, казённые всякие права, казённые и публичные строения и их содержание...» [1] Таким образом, в сферу компетенции казённых палат передавался обширный круг дел, от успешного ведения которых зависело пополнение казны и надлежащее исполнение расходной части государственного бюджета. Первым управляющим Вятской казённой палатой был назначен Яков Хибгольт.

Вскоре оформляется структура казённой палаты, регламентируются основные направления её деятельности. В соответствии с Указом Правительствующего Сената от 16 февраля 1781 г. казённые палаты разделялись на экспедиции [2],

а 24 марта того же года было опубликовано «Наставление казённым палатам для производства дел» [3]. Во главе казённой палаты должен был находиться вице-губернатор. Обязанности между экспедициями распределялись следующим образом. 1-я экспедиция во главе с директором экономии занималась сбором сведений об однодворцах, служилых людях, государственных, удельных, экономических и приписных крестьянах; ведала казёнными торгово-промышленными заведениями и контролировала поступление доходов от них; составляла описание казённых селений и их населения, а также вела окладные книги и контролировала поступление доходов от оброчных статей. 2-я экспедиция во главе с советником таможенных дел контролировала поступление пошлин с ввозимых и вывозимых товаров. 3-я экспедиция, возглавляемая советником горных дел, должна была следить за своевременным поступлением продукции с казённых заводов, составлять ведомости о количестве выплавляемого металла и предоставлять сведения об открытии новых приисков. 4-я экспедиция во главе с советником соляных дел ведала соляными заводами и магазинами. В ведении 5-й экспедиции находились ревизские книги. 6-я экспедиция, возглавляемая губернским казначеем, аккумулировала все сведения о приходах и расходах и проводила ревизию счетов. И наконец, 7-я экспедиция наблюдала за строительством казённых зданий, состоянием мостов и перевозов. Одновременно началось образование уездных казначейств.

Однако единый порядок ведения дел в казённых палатах разрабатывался очень долго. Лишь 29 сентября 1831 г. была опубликована «Инструкция Государственного Совета о порядке производства дел в казённых палатах» [4]. Наиболее важные дела должны были рассматриваться в Общем присутствии палаты, а для текущей работы предусматривалось создание вместо экспедиций нескольких отделений: хозяйственного, лесного, контрольного, отделения питейных сборов и казначейства.

Реорганизация казённых палат продолжалась и во второй половине XIX в. В 1866 г. Государственный Совет решил образовать отдельные контрольные палаты, поэтому из ведения казённых палат контрольные функции были изъяты. А к 1878 г. в составе казённых палат осталось всего два отделения: ревизское и казначейство. 30 мая 1878 г. императором Александром II были утверждены новые штаты казённых палат. В соответствии с ними упразднялся целый ряд должностей: главного бухгалтера, помощника бухгалтера, регистратора, архивариуса (в губернских казначействах), письмоводителя (в уездных казначействах). Помимо этого сокращалось количе-

ство старших и младших бухгалтеров и помощников казначеев. Изменялся также и порядок отчётности, ведущейся в казначействах. Циркуляр министра финансов М. Х. Рейтерна гласил, что управляющие казёнными палатами могут «усиливать суммы на наем писцов, присяжных, сторожей и на канцелярские потребности одних казначейств, на счёт сбережений по другим ведомственным им казначействам», назначать по своему усмотрению пособия и награды штатным чиновникам и писцам из сэкономленных (например, на канцелярских товарах) средств [5].

17 августа 1878 г. Вятская казённая палата разослала по уездным казначействам предписание о препровождении списков штатных чиновников и писцов с аттестацией (характеристикой) каждого. Уездные казначеи исполнили это предписание, но некоторые из них высказали свои опасения в связи с предстоящей реорганизацией. Например, слободской уездный казначей Садальский был очень обеспокоен тем, что при сокращении трёх штатных должностей в его ведомстве объём отчётности почти не уменьшится, а значит, дополнительное бремя обязанностей будет возложено на бухгалтера и его помощника, которым «затруднительно будет со всем справляться, особенно в первые и последние месяцы года, когда подсчитываются приход-расход, выдаются патенты и свидетельства» [6]. Кроме того, слободского казначея беспокоило уменьшение средств, выделяемых на наем писцов, присяжных и сторожей. Если уменьшить штат присяжных, пишет он, то «может ослабеть караул над кладовой и казённым имуществом», а если уменьшить их оклад, то «трудно будет найти желающих поступить на должность присяжного, честных и добросовестных лиц, – так как город Слободской изобилует промышленностью – то всякий из таковых лиц свободно может приобрести до 15 рублей в месяц, – что при настоящей дороговизне жизненных припасов будет для них выгоднее» [7].

Подобные же соображения высказывал елабужский уездный казначей: «Из присланных в Казначейство новых Инструкций, форм ведомостей и книг видно, что труд в Казначействе несколько не уменьшился против настоящего, а между тем по штату упразднены три классные должности... Расходы на содержание присяжных, сторожа и канцелярские потребности сокращаются на 80 рублей в год, а между тем и на настоящее жалование присяжным, получающим по 9 и 10 рублей, трудно отыскать хороших людей, так как каждый сторож в присутственных местах получает не менее 10 рублей в месяц» [8].

В результате проведённой реорганизации в 12 уездных казначействах Вятской губернии осталось 42 штатных служащих, 19 было сокращено; потеряли прежние должности также 3 служа-

щих Вятской казённой палаты [9]. Согласно циркуляру министра финансов увольняемые служащие получали годовое жалование и сохраняли все права и преимущества. Но опасения уездных казначеев были не беспочвенными. Рапортуя 27 мая 1879 г. в Департамент Государственного Казначейства о внедрении новых штатов, управляющий Вятской казённой палатой А. Д. Матафтин замечал: «...Как показал опыт в течение пяти месяцев, представляется настоятельная необходимость увеличить число классных чиновников... При введении нового порядка делопроизводства столоничальники оказались перегружены, а в случае их болезни или законной отлучки заменить их некому» [10] В декабре 1879 г. из Департамента Государственного Казначейства в Вятскую казённую палату пришло сообщение о том, что содержание служащих казначейств будет увеличено [11].

На протяжении 1880–1890-х гг. наблюдалась тенденция расширения функций казённых палат: им было поручено контролировать правильность начисления штрафов за нарушение устава о гербовом сборе, вести отчётность по возврату хлеба и денег в зачёт ссуд, предоставленных в неурожайные годы, снабжать государственные учреждения новыми паспортами. Текущая деятельность Вятской казённой палаты, губернского и уездных казначейств неуклонно расширялась, их делопроизводство разрасталось. Убедиться в этом позволяет сравнительный анализ ряда показателей.

Возрастающий объём работы уездных казначейств поставил на повестку дня в начале XX в. вопрос о создании новых казначейств в крупных торгово-промышленных центрах Вятской губернии: слободе Кукарке Яранского уезда и городе Царёво-санчурске. Заслуживает внимания то, что в обоих случаях инициатива принадлежала общественности населённых пунктов. Положительное решение вопроса об образовании Кукарского казначейства заняло чуть более двух лет. В результате активности местного населения, а также соответствующей позиции руководства Вятской казённой палаты Государственный Совет одобрил учреждение казначейства в Кукарке с 1 июля 1904 г. [14]

Через несколько лет, в сентябре 1909 г., с аналогичным ходатайством обратились в Вятскую казённую палату члены Царёво-санчурской городской думы [15]. Однако на губернском уровне этот вопрос обсуждался ещё довольно долго: лишь в июне 1911 г. управляющий казённой палатой направил всю переписку по этому вопросу в Департамент Государственного Казначейства, сообщив о своём согласии с ходатайством, «но при условии, чтобы Городское Общественное Управление устроило и оборудовало надлежащим образом и передало в казну помещение для Казначейства, с квартирами для казначея, старшего бухгалтера и присяжных...» [16]. Возможно, имен-

но это условие местным жителям выполнить не удалось. Никаких упоминаний об учреждении в Царёвосанчурске казначейства в архивных документах обнаружить пока не удалось.

Деятельность уездных казначейств находилась под постоянным контролем казённой палаты. Помимо плановых ревизий, время от времени производились ревизии внезапные (внеочередные). В ходе этих ревизий проверялось наличие «денежной казны», билетов Государственного Казначейства, купонов от процентных бумаг, квитанционных листов, гербовой бумаги, марок, а также бланков документов, выдачей которых занимались казначейства. Среди них были паспорта срочные и бессрочные, гильдейские свидетельства, патенты на продажу табачных изделий и на заведения для продажи спиртных напитков, промысловые и приказчиьи свидетельства и многое другое. Даже продажей железных аршинов и игральные карты, находившихся в государственной монополии, занимались казна-

чейства [17]. Ревизоры проверяли также правильность ведения приходно-расходных книг и хранения денег в кассе, наличие на месте дежурных караульных и наличие у них положенного оружия, соблюдение условий хранения ценностей в сейфах и многое другое [18]. Чаще всего ревизоры делали заключение о том, что «никаких неправильностей и злоупотреблений обнаружено не было» [19], а выявленные нарушения в основном были связаны с проведением операций в сберегательных кассах при казначействах. Все эти случаи скрупулёзно описывались в приложениях к Актам внезапных ревизий [20]. Хранящиеся в архиве отчёты ревизоров испещрены пометками, сделанными красным и синим карандашами служащими казённой палаты. Если выявлялись серьёзные нарушения, о них докладывали управляющему, и он брал дело под личный контроль. Например, когда в декабре 1896 г. проверка подтвердила склонность к пьянству и вымогательству троих служащих Елабужского казна-

Таблица 1

Деятельность Вятской казённой палаты в 1909–1914 гг. [12]

Показатели	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1913 г.	1914 г.
Кол-во входящих бумаг	64 051	70 575	70 241	75 986	76 064
Кол-во исходящих бумаг	11 483	13 575	13 956	74 443	76 096
Кол-во торговых и промышленных заведений в районе палаты	17 854	19 723	19 710	21 026	21 486
Кол-во торговых и промышленных заведений, обложенных раскладочными сборами	9 103	9 419	10 028	10 141	10 681
Кол-во плательщиков личного промыслового налога	248	Нет данных	263	296	252
Сумма промыслового налога (тыс. руб.)	Нет данных	Нет данных	309	828	879
Сумма гербового сбора (тыс. руб.)	Нет данных	Нет данных	326	383	415
Кол-во поверенных судебных определений о наложении гербовых штрафов	295	Нет данных	296	Нет данных	Нет данных
Кол-во обжалованных судебных определений	6	Нет данных	41	Нет данных	Нет данных
Кол-во плательщиков государственного квартирного налога	Нет данных	Нет данных	Нет данных	7 644	8 083
Сумма квартирного налога (тыс. руб.)	Нет данных	Нет данных	Нет данных	31,878	34,742
Кол-во выданных переселенческих ссуд	Нет данных	Нет данных	450	419	444

Таблица 2

Деятельность приходно-расходных касс уездных казначейств [13]

Казначейства	Оборот по кассовой книге (тыс. руб.)		Кол-во операций взносов и выдач		Депозитных вкладов (тыс. руб.)	
	1911 г.	1914 г.	1911 г.	1914 г.	1911 г.	1914 г.
Воткинское	873	1 069	12 235	13 203	49	97
Глазовское	709	1 028	6 333	7 084	315	385
Елабужское	1 335	1 614	11 002	11 887	82	102
Ижевское	1 011	1 728	11 430	17 049	36	52
Котельничское	986	1 546	9634	10 221	93	120
Кукарское	563	750	5 038	6 025	143	147
Малмыжское	999	984	4 740	4 394	543	681
Нолинское	283	308	5 990	6 153	57	63
Орловское	565	634	5 479	5 852	226	326
Сарапульское	515	842	8 131	4 810	264	323
Слободское	967	946	7 838	8 002	202	222
Уржумское	787	964	7 831	8 889	119	156
Яранское	1 001	1 189	8 415	8 998	350	446

чейства, управляющий казённой палатой вступил в личную переписку с уездным казначеем Цветковым и упрекнул его в попустительстве: «...За что я и принуждён объявить Вам строгое замечание, предваряя, что если и на будущее время Вы не проявите должной энергии по надзору за подчинёнными... я буду лишён возможности быть к Вам снисходительным» [21].

Основную часть работы по сбору необходимых сведений для казённой палаты выполняли уездные податные инспекторы. Они подавали сведения о состоянии торгово-промышленных предприятий в пределах своих участков [22], составляли записки с характеристиками того или иного года в хозяйственном и податном отношении [23], ежемесячно информировали о ценах на сельскохозяйственные продукты [24], причём от них требовались не только количественные данные, но и анализ ситуации в её динамике. Например, форма со сведениями о ценах на сельскохозяйственные продукты имела пункт «О ходе местной торговли», где необходимо было охарактеризовать «настроение рынка, ожидаемое движение цен, виды на урожай, состояние запасов, размеры подвозов» [25]. Передавая сведения о недоимках, податные инспекторы должны были проанализировать причины неплатёжеспособности населения [26]. Некоторые инспекторы стремились глубоко вникать в изучаемые вопросы и становились настоящими экспертами в сфере хозяйственного развития своей территории.

Помимо традиционных текущих обязанностей, время от времени Вятской казённой палате и уездным казначействам приходилось выполнять дополнительные функции, продиктованные особыми ситуациями. Например, заниматься перечислением пожертвований, собираемых жителями губернии на благотворительные цели. Например, на протяжении 1881–1882 гг. проходил сбор пожертвований на открытие училища имени Н. В. Гоголя в Миргородском уезде Полтавской губернии [27]; в 1900 г. по подписным листам собирались средства на открытие в Санкт-Петербурге музея А. В. Суворова [28]; в 1904–1905 гг. развернулся сбор пожертвований на нужды войны с Японией и поддержку семей погибших воинов [29]. Дополнительные обязанности принесло с собой и начало Первой мировой войны. 13 сентября 1914 г. в Вятскую казённую палату поступило «Временное Положение о вывозе на счёт казны, по военным обстоятельствам, государственного имущества, правительственных учреждений, служащих и их семейств» [30]. Все эвакуационные выплаты должны были производиться, после тщательной проверки казённой палатой, казначействами из личного фонда государственных доходов.

Казённая палата в Вятке, как и во всех губернских городах, была упразднена Декретом Совета

Народных Комиссаров от 31 октября 1918 г. Функции казённых палат передавались Народному Комиссариату финансов и Народному банку РСФСР. На протяжении последнего года своего существования Вятская казённая палата продолжала выполнять свои традиционные функции на фоне обостряющейся ситуации в стране. Приходилось решать вопросы о снабжении населения продовольствием и топливом, об охране казначейств, о выдаче служащим единовременных пособий в связи с ростом цен, взыскивать недоимки по военному налогу.

Невозможно представить деятельность органов местного управления Вятской губернии в конце XVIII – начале XX в. без казённой палаты – ключевого звена финансово-экономической системы. Особо хотелось бы подчеркнуть роль уездных казначейств. В своей повседневной деятельности они были связаны и с сельскими жителями, и с торгово-промышленными заведениями, и с органами самоуправления. Без их участия были бы невозможны переписи населения, сбор статистических сведений, выплата пенсий и пособий. Документы, хранящиеся в фонде Вятской казённой палаты ГАКО, дают нам богатейший материал по экономической и социальной истории Вятско-Камского региона конца XVIII – начала XX в.

Примечания

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). 1830. Т. 20. С. 240.
2. ПСЗ. Т. 21. С. 67.
3. Там же. С. 84–95.
4. ПСЗ. Т. 6. Л. 70–89.
5. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 176. Оп. 1. Д. 1149. Л. 1–106.
6. Там же. Л. 27об.
7. Там же. Л. 28об.–29.
8. Там же. Л. 33–33об.
9. Там же. Л. 86–88.
10. Там же. Л. 174–175.
11. Там же. Л. 203.
12. ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 2737. Л. 119–119об.; Д. 2749. Л. 97об.–100.
13. ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 2737. Л. 11–93; Д. 2749. Л. 109–111.
14. ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 1475. Л. 31–31об.
15. Там же. Д. 1425. Л. 1.
16. Там же. Л. 13.
17. См.: Там же. Д. 1230. Л. 3–6об.
18. См.: Там же. Д. 1370. Л. 1–10.
19. Там же. Л. 10.
20. Там же. Л. 98–106.
21. Там же. Д. 1230. Л. 18об.
22. См.: Там же. Д. 4351.
23. См.: Там же. Д. 2983.
24. См.: Там же. Д. 6051.
25. См.: Там же.
26. См.: Там же. Д. 2983.
27. См.: Там же. Д. 2662.
28. См.: Там же. Д. 2699.
29. См.: Там же. Д. 2715.
30. См.: Там же. Д. 6279.

Всеобщая история

УДК 94(597)

Т. А. Воробьева

ВОСПРИЯТИЕ ВЬЕТНАМА АМЕРИКАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ*

В данной статье рассматриваются вопросы начала включения Вьетнама в орбиту американской политики президентом Ф. Рузвельтом, которая была продолжена Г. Трумэном. Внимание акцентируется на формировании образа этой страны и её народа в американской военно-политической элите и отношении основателей ДРВ к США.

This article deals with the early inclusion of Vietnam into the orbit of U. S. policy by President F. D. Roosevelt continued by H. Truman. Attention is accented on the formation of the image of this country and its people in the U. S. military and political elite and on the attitude of the DRV founders to the U. S.

Ключевые слова: опека, Рузвельт, Трумэн, Хо Ши Мин, Вьетминь, французский колониальный режим, вьетнамцы.

Keywords: trusteeship, Roosevelt, Truman, Ho Chi Minh, the Viet Minh, the French colonial regime, the Vietnamese.

Одной из центральных проблем в изучении международных отношений второй половины XX в. является история происхождения холодной войны, при этом внимание всё чаще обращается на факторы, которые прежде не учитывались. К числу таких относится, например, восприятие Вашингтоном и Москвой азиатского национализма и его влияние на американо-советские отношения в первые послевоенные годы. Как отмечает А. Богатуров, США и СССР «не вполне понимали смысл внутренних борений» в странах Восточной и Юго-Восточной Азии, «усматривали социальное и классовое там, где в первую очередь стоило видеть национальное» [1]. Незнание и непонимание «другого» зачастую становилось основой конфронтационных отношений. В этом плане интерес представляет такая тема, как восприятие Вашингтоном Вьетнама на

начальной стадии формирования американской политики в ЮВА [2]. Вспоминая об участии американцев во второй индокитайской войне (1965–1975), тогдашний министр обороны США Р. Макнамара писал, что американцы не воспринимали конфликт во Вьетнаме как «национальное движение», «внутринациональную борьбу», считая, что это было «проявлением общей борьбы коммунистов за господство в Азии» [3]. Такое восприятие вьетнамских событий стало формироваться в Вашингтоне уже на ранней стадии борьбы вьетнамского народа за национальную независимость (1945–1954).

Данная проблема в отечественной историографии не была предметом пристального внимания, если не считать диссертаций А. Яковичского или И. Конорева [4]. Американский автор Р. Бьюхайд, касаясь отношений Вашингтона и Москвы к Индокитаю, заметил, что «у США и СССР не было стремления к сферам влияния в Индокитае. Иронией является то, что несколько лет спустя США поддержали Францию, а затем туда (т. е. во Вьетнам. – *Авт.*) устремился и СССР» [5].

Вьетнам, как и вся французская колония Индокитай, находился на периферии международных отношений США. Накануне войны там проживало около 100 американцев, в основном это были миссионеры. Как пишет Марк Брэдли, если Вьетнам не представлял интереса для дипломатов и бизнесменов, то туда охотно ездили журналисты, путешественники, которые и удовлетворяли интерес американского общества к французской колонии. Американцы критически воспринимали французскую политику в Индокитае, но и вьетнамцы не вызывали большого интереса: «пассивные, неэффективные люди» [6]. В орбиту американской политики, по мнению отечественных авторов, Индокитай был включен на рубеже 1949–1950 гг. До этого проводился курс невмешательства и нейтралитета. На наш взгляд, навряд ли можно безоговорочно согласиться с этим утверждением, так как интерес к Индокитаю в политике США проявился уже в первые годы войны. Так, в августе 1941 г., обсуждая на встрече с премьер-министром Великобритании У. Черчиллем общие принципы Атлантической хартии, американский президент получил заверения от премьера, что Британия не будет предъявлять территориальных притязаний в отношении Сиам и Индокитай [7]. Индокитайский вопрос стал вторым после китайского по важности на американо-японских переговорах в Вашингтоне в 1941 г., когда Рузвельт предложил японской стороне нейтралитет

* Статья подготовлена в рамках выполнения программы «Государственные задания высшим учебным заведениям на 2012 и на плановый период 2013 и 2014 годов в части проведения научно-исследовательских работ» ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», рук. В. Т. Юнгблуд

зацию Индокитая. По словам С. Того [8], неуступчивость японского правительства в этом вопросе была «причиной жесткой позиции США» и, возможно, «привела к краху переговоров» [9]. У. Черчилль также заметил, что «реакция США на оккупацию Индокитая оказалась более резкой, чем ожидал Токио» [10]. Начавшаяся война с Японией усилила геополитическое значение Вьетнама. В первые месяцы войны проблема Индокитая нашла отражение и в переговорах с французским правительством маршала Пэтэна. Вашингтон дал понять Виши [11], что США заинтересованы в сохранении Францией заморских территорий. В послании государственного секретаря, предназначенном для передачи вишистскому правительству, говорилось, что «слово “Франция” включает в себя французскую колониальную империю», но вступление в войну США ставит перед Виши вопрос о необходимости вести войну против стран «оси» на заморских территориях. Сопrotивление французских властей в любой части колониальной империи получит не только моральную, но и физическую поддержку со стороны американского правительства [12]. Однако скоро верх взяли чувства неприязни к французам, которые отказались от активной борьбы против Германии и «сдали» Индокитай Японии, «ставший трамплином для завоевания остальной части ЮВА».

Вместе с тем опросы общественного мнения, проведённые в 1943 г., показали, что американцы по-прежнему слабо представляли, что происходило в Индокитае. Так, 45% респондентов не знали, что страна оккупирована японцами, 22% считали, что «французы обращались с населением довольно мило», 61% от числа опрошенных вообще не имел никакого мнения о французской колониальной политике в Индокитае и только 17% респондентов осудили политику Франции [13].

На особое восприятие Индокитая американской администрацией в годы войны влияние оказали три фактора. Во-первых, «традиционный антиколониализм Рузвельта», который был убеждён, что после войны эпоха колоний закончится [14]. Правда, «антиколониализм» американского президента не помешал ему занять осторожную позицию в отношении судеб Британской империи. Во-вторых, свою роль сыграла личная неприязнь Рузвельта к Ш. Де Голлю. По справедливому замечанию В. Юнгблуда, «личные впечатления политиков самым серьёзным образом влияют на мотивацию их решений» [15]. Как отмечает Т. Смит, «Рузвельт был неумолим в своём недоверии к Де Голлю» [16]. В-третьих, отказавшись от сопротивления фашистской Германии летом 1940 г., Франция, по мнению Вашингтона, «вышла в тираж», «французы вели себя позорно» [17].

В январе 1943 г. на заседании ОКНШ [18] Рузвельт заявил, что «у него серьёзные сомне-

ния по поводу восстановления власти французов в Индокитае» [19]. Затем вопрос о судьбе этой французской колонии был поставлен на конференциях в Касабланке, Каире и Тегеране. В Касабланке Рузвельт сделал замечание Р. Мэрфи (своему представителю в Северной Африке), который без согласования с президентом отправил письмо генералу Жиро с обещанием вернуть Франции её колонии [20]. На Каирской конференции эту проблему президент обсудил с главой Китайской республики Чан Кайши. Оба лидера пришли к взаимопониманию по поводу независимости Индокитая от Франции после войны, кроме того, Рузвельт предложил установить опеку [21]. Затем на встрече с представителями Турции и Египта он опять коснулся вопроса о возможной опеке над Индокитаем [22].

На Тегеранской конференции Рузвельт информировал И. Сталина о позиции Черчилля, который считал, что после войны Франция возродится и вновь станет великой державой, что предполагало сохранение французской империи. Президент возразил британскому премьеру: «Пройдет много лет, прежде чем это случится. Если французы думают, что союзники преподнесут им готовую Францию на блюде, то они ошибаются. Французам придется много поработать, прежде чем Франция действительно станет великой державой». При этом заметил, что «после 100 лет французского правления в Индокитае жители этой страны стали жить хуже, чем прежде» [23]. Советский руководитель согласился с Рузвельтом: «Франция не должна вернуть Индокитай и французы должны заплатить за своё преступное сотрудничество с Германией» [24]. Сталин не возражал и против предложенной в отношении Индокитая опеки сроком на 20–30 лет.

В течение 1943–1944 гг. Рузвельт не раз возвращался к индокитайской проблеме. Так, в беседе с английским послом Галифаксом в январе 1944 г. он критически высказался в адрес французских властей: «Франция доила эту страну в течение 100 лет. Народы Индокитая имеют право на что-то лучшее» [25]. В Вашингтоне понимали, что отрицательное отношение Лондона к опеке над Индокитаем связано, прежде всего, с беспокойством за судьбу Индии и Гонконга. На Ялтинской конференции в беседе со Сталиным 8 февраля Рузвельт вновь завёл речь о том, что под властью Франции «Индокитай не достиг никакого прогресса», поэтому эту колонию следует передать под опеку [26]. Однако идея международной опеки без согласия Лондона становилась чисто декларативной. Сталин, который соглашался с президентом, в это время мало интересовался такими отдалёнными странами, как Вьетнам. На пресс-конференции в феврале 1945 г. Рузвельт пошёл на уступку и предложил Франции роль

попечителя, но при условии, что она признаёт независимость Индокитая как основную цель [27].

Идея не допустить восстановления французской колониальной власти в Индокитае принадлежала Рузвельту, но в американском военно-политическом истеблишменте не все были с этим согласны. Некоторые чиновники из Госдепартамента задавались вопросом, насколько актуально при послевоенном планировании учитывать интересы Вьетнама, а не Франции [28]. Определённые расхождения в позициях проявились, когда встал вопрос об участии дегаллевских военных сил в операциях на Тихоокеанском театре военных действий. В феврале 1944 г. Госдепартамент выступил с предложением о желательности использования в антияпонской борьбе в Индокитае не только французских вооружённых сил, но и гражданских, так как французы лучше знали эту страну. На это последовал ответ Рузвельта, что операция должна быть англо-американской и сопровождаться созданием международной комиссии по опеке [29]. С. Хорнбек считал, что участие французов в военных операциях давало ряд преимуществ, хотя это не означало, что у Франции появится надежда на возвращение Индокитая. «США не ведут войну за возвращение колоний старым державам» [30]. К. Хэлл в своей записке Рузвельту также указывал, что «хотя это и оправдано с военной точки, но может иметь политические последствия» [31]. Такой же позиции придерживалось руководство ОКНШ [32]. Но в Госдепартаменте хотели получить более чёткие и конкретные разъяснения в отношении Французского Индокитая [33]. Комитет по проблемам безопасности исходил из того, что «восстановление Франции в качестве великой державы может стать важным фактором в послевоенной американской политике в отношении с Россией» [34]. Определиться с азиатской политикой предлагал помощник госсекретаря А. Берл: «Либо мы на Дальнем Востоке восстанавливаем западный колониализм, либо позволим народам Азии самим освободиться, если они способны на это» [35]. Коллизия возникла в связи с тем, что Рузвельт рассматривал Индокитай как часть китайского фронта и возлагал надежды на китайские силы в освобождении французской колонии [36]. Де Голль возражал, так как французы не исключали, что Чан Кайши фактически стремится к установлению китайского влияния над регионом [37]. В ноябре 1943 г. исполняющий обязанности госсекретаря Э. Стеттиниус, касаясь вопроса об участии Китая в освобождении Вьетнама, писал Рузвельту: «Франция не права, когда утверждает, что вьетнамцы враждебно относятся к китайцам. Наоборот, они дружелюбны, к тому же в культурном отношении близки друг другу». В ответном послании президент согласился с мнением Стеттиниуса, отметив, что «французские предло-

жения недостаточно обоснованы, чтобы их можно было принять. Окончательно вопрос пусть решает ОКНШ» [38]. Этот обмен посланиями интересен тем, что он демонстрирует слабое знание политической элитой Вашингтона истории взаимоотношений Вьетнама и Китая на протяжении веков. Одновременно президент подозревал, что политика британцев в ЮВА направлена против его линии, так как англичане, в отличие от американцев, включили французов в Юго-восточноазиатское командование, главой которого был лорд Л. Маунтбэттен. Чтобы предотвратить французское участие в освобождении Индокитая, Рузвельт предложил назначить Ведемейера координатором всех англо-американо-китайских военных операций в Индокитае, против чего возразили Черчилль и Маунтбэттен. В конечном итоге американскому президенту пришлось согласиться на участие французов в военных операциях против японцев [39], ибо Вашингтону не нужен был «конфликт» с Лондоном из-за Индокитая. Однако, встречаясь в марте 1945 г. с П. Хэрли и Ведемейером, Рузвельт всё же посоветовал им внимательно следить за действиями англичан и французов в этом регионе [40].

Альтернативой французскому режиму во Вьетнаме стала рассматриваться Лига борьбы за независимость (Вьетминь) и её руководитель Хо Ши Мин [41]. Инициаторами установления отношений с вьетнамцами были офицеры из американского Управления стратегических служб (УСС) и его глава У. Donovan [42]. Как указывают Р. Барнет, Г. Хесс, М. Брэдли, контакты между американскими военными и руководством Вьетминя начались в 1944 г. в Кунмине (город в Южном Китае. – *Авт.*), когда вьетнамцы спасли американского лётчика, сбитого японцами над Тонкином [43]. Вместе с тем руководство OSS нуждалось не только в организации спасения американских лётчиков, но и в получении разведывательной информации о ситуации во Вьетнаме в связи с тем, что разрабатывалась спецоперация. Хотя о связях американцев с Хо Ши Мином известно не так уж много, тем не менее в работах американских авторов говорится о более ранних американо-вьетнамских контактах. Так, в 1941 г. возникли отношения между Хо Ши Мином и директором бывшего ханойского офиса компании «Стандарт Ойл», в результате чего было достигнуто соглашение о поставках оружия. Правда, вьетнамцы смогли получить только часть, так как этому воспрепятствовали гоминьдановские власти Южного Китая, не заинтересованные в усилении вьетнамской коммунистической группировки [44]. Американцы в основном имели дело с вьетнамскими эмигрантами в Южном Китае и в течение 1942 и 1943 гг. оказывали помощь оружием различным группировкам, в том числе и Вьетминю [45]. В августе 1943 г. к американскому консулу

в Кунмине У. Лэнгдону обратился один из лидеров Вьетминя – Фам Вьет Ту с предложением признать независимость Вьетнама, дать оружие и направить советников для организации анти-японской борьбы вьетнамцев [46]. Просьба была отклонена. Позже, в сентябре 1944 г., когда Фам снова поставил эти вопросы, консул отказался обсуждать политические проблемы, при этом заявил, что американо-французские отношения имеют давнюю традицию и Франция – демократическая страна, на что вьетнамец возразил, что «это не относится к Вьетнаму», так как «никакой демократии в Индокитае не было» [47].

Программа Вьетминя в годы войны сводилась к борьбе против японцев и французов при сотрудничестве со странами антигитлеровской коалиции. Для установления связи с союзниками Хо Ши Мин в 1942 г. отправился в Южный Китай, но был арестован гоминьдановскими властями и выпущен только в 1944 г. [48] Американский посол в Чунцине К. Гаусс информацию о Вьетмине получал через французских или китайских осведомителей, в результате донесения в Вашингтон пестрели такими оценками вьетнамцев, как «не имеют организационных способностей, неинициативны, не в состоянии создать эффективную организацию» [49]. В то же время офицеры УСС, непосредственно контактировавшие с Вьетмином в Тонкине, были «довольны качеством поставляемой информации и организаторскими способностями». Руководство УСС даже направило в Белый дом запрос с предложением оказать Вьетминю помощь оружием, однако Рузвельт советовал ничего не предпринимать в отношении различных вьетнамских групп сопротивления до выяснения ситуации [50]. Кроме того, он исключал участие американцев в любых военных усилиях по освобождению Индокитае, объясняя это тем, что все ресурсы следует сосредоточить в Тихоокеанском регионе [51]. В январе 1945 г. в послании госсекретарю президент сообщал, что он «не хотел бы сейчас впутываться в любое решение индокитайской проблемы, это сделать надо после войны» [52].

Во Вьетнаме национально-патриотические силы надеялись, что основную роль в освобождении Индокитае сыграют американцы. Президент Рузвельт и Хо Ши Мин были едины в своем желании покончить с французским колониальным господством, но понимали это по-разному. Вьетнамский лидер был убежден в том, что США поддержат его борьбу за независимость, в то время как для американского президента важнее было не позволить французам, которые так плохо управляли своей колонией, восстановить свои права, чем вьетнамская независимость [53].

Вопрос об окончательном послевоенном статусе Индокитае Рузвельтом так и не был решён. Вме-

сте с тем в столице Франции уже находилось правительство Де Голля, который в беседе с американским послом Д. Кэффери поставил вопрос по поводу американской позиции в отношении участия французских войск в военных операциях в Индокитае. Генерал недоумевал, почему в Вашингтоне выступали против этого [54]. Однако он лукавил, так как понимал, что Франция сохранит свою колонию, только «если там прольётся французская кровь» [55]. Кроме того, глава французского правительства дал понять, что в послевоенной Европе США будут нуждаться в поддержке Франции, чтобы противостоять русскому влиянию. «Мы не хотим попадать в объятия русских, но я надеюсь, что вы не толкнёте нас к этому» [56].

После смерти Рузвельта новая администрация отказалась от политики «устранения французов из Индокитае любой ценой». Несмотря на то что идея опеки «тихо умерла», администрация Трумэна продолжала чинить препятствия французам, запрещая судам под американским флагом перевозить войска и военную технику [57]. Однако весной 1945 г. создавалось впечатление, что президента Г. Трумэна мало интересовали дела в ЮВА и он был склонен скорее к неопределённости в этом вопросе, чем к обсуждению конкретного решения. Надо учитывать, что вскоре стали появляться первые трещины в ялтинских договорённостях и европейские проблемы, наравне с ближневосточными, всё больше волновали президента. Госдепартамент также не мог определиться. В апреле 1945 г. Трумэну был направлен документ с изложением мнений различных отделов [58]. Так, чиновники из европейского отдела поставили вопрос: «Что важнее для США – вьетнамская независимость или сотрудничество с Францией?» Они считали, что «обижать» Париж из-за какого-то Индокитае не стоит, тем более что со стороны французских правительственных чиновников поступали сигналы о возможном изменении политики в Индокитае после войны. По сообщениям Кэффери должностные лица из французского министерства иностранных дел в разговорах с ним заявляли, что «лучшее средство для сохранения позиций Франции в Индокитае – это политика, которая даст определённые преимущества США и Великобритании», т. е. обеспечит американские и английские интересы в регионе [59]. Члены Комитета по международным делам, наоборот, акцентировали внимание на активном непринятии вьетнамцами французского режима и на взятых американцами обязательствах по Атлантической хартии. Поэтому, надо было «отмежеваться от европейского империализма» и признать международную опеку как наиболее целесообразный способ решения индокитайского вопроса. Рекомендации Дальневосточного отдела оказались са-

мыми радикальными: «Из всех народов Индокитайская вьетнамцы самый крупный и цивилизованный народ и способен к самостоятельному управлению». Такая позиция Дальневосточного отдела неудивительна, так как он лучше других был осведомлён о ситуации во Вьетнаме. Из донесений от американцев, работавших в Южном Китае, явствовало, что Хо Ши Мин воспринимался тогда как наиболее эффективный лидер антияпонского движения в Индокитае, причём американцы видели в нём скорее националиста, чем коммуниста [60]. В одной из бесед с американцами Хо и Во Нгуен Зиап [61] сказали им: «Забудьте о коммунистическом жупеле» – и на все вопросы об их политических взглядах отвечали – «после освобождения страны» [62]. Подобную ситуацию мы обнаруживаем и в Китае, где инициаторами переговоров с руководством Китайской компартии выступили именно дипломатические работники, притом связанные с разведкой, которые китайских коммунистов тоже воспринимали как «националистов», «аграрных революционеров».

Летом 1945 г. руководство УСС планировало спецоперацию в северном Вьетнаме под кодовым названием «Олень». Курировал действия американской спецгруппы А. Петти – глава южнокитайского подразделения УСС в Кунмине. В одном из первых документов, отправленных в Вашингтон, Петти сообщил, что «Вьетминь – не коммунистическая организация, объединяет в своих рядах националистов-патриотов». Майор Э. Томас, непосредственно работавший с Хо Ши Мином и Во Нгуен Зиапом, подтверждал эти оценки. Правда, Клод Берубе [63] считает, что Томас знал о коммунистических взглядах вьетнамского лидера. Во время одной из встреч майор спросил Хо Ши Мина, правда ли, что он коммунист, на что тот ответил: «Да, но мы разве не можем быть друзьями» [64]. М. Брэдли также пишет, что «офицеры из разведки знали о коммунистических взглядах и довоенных связях Хо с Москвой, но считали, что они не представляют опасности», при этом некоторые даже утверждали, что вьетнамский лидер «убеждённый демократ» [65]. По оценке американского исследователя У. Дуикера, Хо Ши Мин позиционировал себя как демократ и патриот, ибо был заинтересован в поддержке США, надеясь, что военная операция американцев предотвратит возвращение Индокитайской Франции [66].

Вместе с тем позиция Белого дома летом 1945 г. оставалась двусмысленной. С одной стороны, Парижу дали понять, что США не против возвращения Индокитайской Франции, с другой – на Потсдамской конференции, где решался вопрос о принятии капитуляции японской армии в Индокитае, Трумэн согласился на создание китайской и ан-

глийской зон оккупации, что заведомо создавало трудности для вьетнамцев в их стремлении не допустить возвращения французов, и обидел Де Голля, который не был приглашён. Таким образом, Трумэн проигнорировал просьбы вьетнамцев принять участие в оккупации страны и одновременно не воспользовался предоставленным шансом, чтобы включить Индокитай в сферу американского влияния [67]. В августе 1945 г. состоялся визит Де Голля в Вашингтон. В разговоре с ним президент призвал французского лидера либерализовать политику во Вьетнаме и сделать решительный шаг на пути признания независимости [68]. Создавалось впечатление, что в Белом доме не проявляли интереса к определению места Индокитай в послевоенной стратегии США. В то же время руководство УСС, оценив пришедшее к власти после мартовского переворота правительство Бао Дая как прояпонское, стало расширять свои связи с Вьетмином [69].

В середине августа 1945 г. под руководством Вьетминя началось восстание, в результате которого власть перешла в руки народного правительства. В связи с августовскими событиями в Ханой прибыл А. Петти. Согласно инструкции он не должен был вмешиваться в политическую борьбу между вьетнамскими группировками, с одной стороны, и вьетнамо-французскими отношениями – с другой. Однако офицер УСС активно встречался с лидерами Вьетминя, которые использовали его для передачи послания Трумэну с просьбой поддержать независимость и не решать судьбу Вьетнама без участия вьетнамцев [70]. Капитуляция Японии совпала с провозглашением 2 сентября Демократической Республики Вьетнам [71]. На церемонии присутствовали офицеры УСС [72]. Они обратили внимание, что в Декларации о независимости Вьетнама была ссылка на американскую Декларацию независимости 1776 г. [73] Вьетнамцы вышли на улицы Ханоя с плакатами, на которых были фотографии Г. Трумэна, на баннерах слова «Америка поддерживает вьетнамскую независимость» [74]. Но ни одна страна в мире, в том числе и США, осенью 1945 г. не признала независимость ДРВ. Вьетнамская революция не была замечена и в СССР [75].

Справедливости ради надо признать, что в тот период американцам сложно было разобраться в той политической пестроте, которая царил в стране: в антияпонском движении участвовали различные группировки – коммунисты, антикоммунисты, националисты, деголлевцы, прокитайские, проамериканские и антиамериканские группы, которые после окончания войны продолжили теперь уже борьбу за власть [76]. В середине сентября 1945 г. в Ханой прибыл бригадный генерал У. Галлахер, который несколько раз встречался с президентом ДРВ. Он, как и Петти, поддержал независимость Вьет-

нама во главе с Хо Ши Мином и выступил против передачи страны в управление Франции [77]. Генерал воспринимал Хо как революционера со стажем, «продукт Москвы и коммуниста», но отметил, что главный его девиз: «Независимость или смерть», смог оценить организаторские способности и харизматичность личности [78]. Через два месяца после провозглашения ДРВ появилось досье, составленное УСС на 69 видных вьетнамских деятелей. Любопытно, что «Хо Ши Мин характеризовался как самый образованный и опытный руководитель» [79]. Если непосредственно контактирующие в Ханое американцы из службы разведки позитивно относились к правительству Вьетмина, то в послании Донова на в Белый дом оценка была более сдержанной. Отмечался «комплекс неполноценности в отношениях с европейцами», «лидеры введены в заблуждение коммунистическими идеями», кажется, что «часто не понимают смысла употребляемых слов – либерализм, демократия», «политически незрелые, легко поддаются внешнему влиянию» [80]. Высказывалось сомнение в том, что Хо Ши Мин и его команда смогут удержать власть в своих руках [81].

Параллельно в Сайгон для ознакомления с обстановкой на юге страны был направлен майор П. Дьюи [82]. В Кохинхине [83] американец столкнулся с серьёзными трудностями в отношении с англичанами, особенно с британским генералом Д. Грейсом, который ликвидировал органы власти ДРВ и восстанавливал французскую администрацию. В донесении Дьюи сообщал: «В Кохинхине хаос, гражданская война. Мы должны убраться из ЮВА» [84].

Правительство ДРВ фактически контролировало лишь север страны, однако по-прежнему рассчитывало на помощь США в деле признания вьетнамской независимости. Используя присутствовавших в Ханое американцев, Хо Ши Мин отправил ряд писем американскому президенту и госсекретарю Бирнсу, однако напрасно ждал от них ответа, точно так же как и на послание И. Сталину [85]. В это время власти ДРВ решали вопрос о выводе гоминьдановских войск с севера, против чего Китай не возражал, так как для Чан Кайши важнее была ситуация в Маньчжурии, чем присутствие в Индокитае. В связи с этим встал вопрос о переговорах с Парижем. По мнению С. Тоннесона, главную роль в этот период стали играть франко-вьетнамские отношения, а не третьи силы в лице США или СССР [86]. Что касается Советского Союза, то с этим утверждением можно согласиться. Но в Вашингтоне внимательно следили за переговорами, о чём свидетельствуют документы за январь – март 1946 г. Особенно волновали вопросы, связанные с экономическими проблемами [87].

27 февраля 1946 г. Хо Ши Мин отправил ещё одну телеграмму президенту Г. Трумэну, в которой просил поддержать вьетнамскую независимость в соответствии с принципами Атлантической и Сан-францисской деклараций [88]. Нежелание Вашингтона признать независимость ДРВ постепенно приводило к охлаждению в отношениях вьетнамцев к американцам [89]. Можно предположить, что в Вашингтоне не хотели радикально менять свою вьетнамскую политику, так как из посылаемой УСС информации трудно было составить полное представление о том, каковы реальные позиции тех или иных задействованных во вьетнамской политике сил [90]. 6 марта 1946 г. французы подписали соглашение с правительством ДРВ, по которому Вьетнам признавался «свободным государством», но оставался в составе Французского союза [91]. Для администрации Трумэна это был своеобразный компромисс: Франция не «отказывалась» от предоставления независимости стране и одновременно восстанавливала свою власть в колонии.

Отношение Вашингтона к Вьетнаму воспринималось через призму европейских проблем, которые были приоритетными, тем более что Париж пригрозил отказаться от сотрудничества с США в реализации плана Маршалла, если безоговорочно не будет возвращён Франции Индокитай [92]. Подобное поведение Парижа госсекретарь Дин Ачесон определил как «шантаж» [93].

Начавшаяся в конце декабря 1946 г. франко-вьетнамская война внесла новые коррективы в американскую политику. Американскому послу в Париже было поручено «убедить французское правительство в самых доброжелательных чувствах к Франции» [94], в то же время в беседе с премьер-министром Рамадье Кэффери заметил, что «многие французские чиновники придерживаются колониального мировоззрения», в то время как колониализм уходит в прошлое [95]. Вашингтон пытался убедить Париж в преимуществах политики Великобритании, которая пошла на предоставление независимости Индии и Бирме, и опасался, что французская позиция в отношении ДРВ подтолкнёт её руководителей в сторону СССР. В Белом доме, зная о прокоммунистических взглядах лидеров, не исключали, что «на смену французскому колониальному режиму во Вьетнам придёт контроль из Москвы» [96]. В Госдепартаменте серьёзнее стали подозревать Хо Ши Мина в связях с Москвой, хотя пока не были полностью уверены в этом [97]. При этом исходили из того, что не было официального заявления Москвы в поддержку ДРВ, не было чистки во вьетнамской коммунистической партии подобно тем, которые проходили в восточноевропейских. По мере успешной борьбы китайских коммунистов против Чан Кайши в Вашингтоне

всё заметнее был переход от антиколониализма к антикоммунизму. В качестве альтернативы Хо Ши Мину в администрации Трумэна начали рассматривать императора Бао Дая, который с 1948 г. фактически превратился «в пешку в игре между Францией и США» [98]. В 1949 г. состоялся примечательный разговор между Д. Ачесоном и главой правительства независимой Индии Дж. Неру. В отличие от госсекретаря Неру видел альтернативу Бао Даю в национальном движении Хо Ши Мина, хотя и знал, что тот коммунист. Он сказал Ачесону, что «французский эксперимент с Бао Даем безнадежен и обречен на провал. Бао Дай не считается сильной фигурой» и далее добавил: «Не надо опыт Восточной Европы распространять на азиатские страны» [99]. Идея независимости Вьетнама во главе с Бао Даем имела неоднозначное восприятие. С одной стороны, признавалось, что ставка на императора не является гарантией успеха, с другой – отсутствие поддержки уж точно означало провал [100]. В апреле 1949 г. американский консул в Ханое сообщил, что на китайско-вьетнамской границе появились отряды китайских коммунистов [101]. Хо Ши Мин, убедившись в том, что США не собираются оказывать ему поддержку, обратился к КПК и дал понять, что хотел бы встретиться со Сталиным. В феврале 1949 г. он едет в Москву, но результаты поездки в чём-то разочаровали вьетнамского лидера. Сталин был занят европейскими делами и мало знаком с тем, что происходило в Индокитае. При этом немало важную роль играло настороженное отношение советского руководителя к лидерам национально-освободительного движения в Азии, что выз-

вало некоторое подозрение и в отношении Хо Ши Мина [102].

Победа китайской революции и приход к власти в Пекине КПК приводит к резкому повороту в индокитайской политике США. С 1949 г. сдерживание коммунизма в ЮВА становится стратегией США в холодной войне, и Вьетнам теперь представлял для американцев интерес в плане противостояния Вашингтона и Москвы в этом регионе.

Итак, вовлечение США во вьетнамскую политику и обусловленный этим рост интереса к Вьетнаму были связаны прежде всего с обстоятельствами Второй мировой войны. В годы войны Соединённые Штаты превратились в важнейший актор мировой политики и активно включились в разработку концепции послевоенного мира. Значительное место в ней заняли проблемы колониального мира. Перед Вашингтоном открылась возможность окончательно утвердить принцип «открытых дверей» в мировой экономической системе. Идеологическим обоснованием этого принципа стало признание за народами Азии права на национальную независимость. Вьетнам оказался в центре внимания президента Рузвельта, и его позиция влияла на восприятие вьетнамцев американским обществом. Однако антиколониализм Рузвельта носил абстрактный характер, и поэтому декларативные заявления Вашингтона не стали основой для принятия реальной программы освобождения вьетнамцев от французского колониального режима после войны и не способствовали лучшему пониманию вьетнамцев. В то же время критика колониальной политики Франции вызвала рост симпатий к американцам во вьетнамском обществе. Параллельно формировался новый образ вьетнамца в американском

Члены команды операции «Олень» с лидерами Вьетмина.

Стоят: Р. Дефурно (второй слева), затем (слева направо) Хо Ши Мин, Т. Элисон, Во Нгуен Зиап, Г. Прюни и крайний справа П. Хогланд. Сидят (слева): Л. Фогт и А. Сквайер (фотография Р. Дефурно)

восприятии – положительно воспринималось стремление народа к независимости, его бескомпромиссная борьба с завоевателями. Использованный в статье материал свидетельствует о том, что у американцев по отношению к вьетнамцам всё же наблюдалось чувство превосходства и поверхностное знание этой страны.

Второй этап познания Вьетнама приходится на послевоенный период 1945–1949 гг. В эти годы позитивные взаимоотношения строились на общей лексике – свобода, демократия, независимость, но затем эти понятия трансформировались в разных направлениях: у ДРВ они стали связываться с Москвой, а у США – с южновьетнамским режимом. Просчётом во вьетнамской политике Вашингтона явилась неспособность американской политической элиты понять суть азиатского национализма, в основе которого лежали не коммунистические идеи, а стремление к независимости. Как показали события 1960-х гг. (период американо-вьетнамской войны), опыт взаимодействия американцев с вьетнамцами в годы Второй мировой войны и в первые послевоенные не стал импульсом к более глубокому познанию Соединёнными Штатами этого народа, его психологии, национальной специфики.

Примечания

1. Богатуров А. Д. Великие державы на Тихом океане. М., 1997. С. 94.
2. Bradley M. F. *Imagining Vietnam and America: the making of postcolonial Vietnam, 1919–1950*. The University of North Carolina Press, 2000.
3. Макнамафа Р. Вглядываясь в прошлое. Трагедия и уроки Вьетнама. М., 2004. С. 64, 80.
4. Яковичкий А. А. Формирование основ политики США во Вьетнаме в 1945–1954 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2002; *Он же*. Начало американского вмешательства в конфликт в Индокитае (1949–1950 гг.) К вопросу о развёртывании «холодной войны» в Азии // Проблемы американистики: конфликты и кризисы в международных отношениях: проблемы теории и истории: материалы ассоциации изучения США / отв. ред. А. С. Маныкин. М., 2011. Вып. 11. С. 199–225; *Проден Е. Ю.* Начало войны в Индокитае и позиция США: влияние европейского фактора (1945–1949) // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 295. С. 149–152; *Коновалева И. А.* Индокитайский регион во внешней политике СССР (1943–1976): автореф. ... дис. д-ра ист. наук. Курск, 2009.
5. *Bubite R. D.* Soviet-American Relations in Asia, 1945–1954. Norman, 1981. P. 186.
6. Bradley M. F. Op. cit. P. 45–46.
7. *Smith T. O.* Churchill, America and Vietnam, 1941–1945. N. Y.; L., 2011. P. 12; Индокитай был французской колонией и объединял три страны – Вьетнам, Камбоджу и Лаос. Однако в дипломатической практике использовалось общее название «Индокитай». В статье в рамках термина «Индокитай» речь пойдёт о Вьетнаме.
8. Того Сигэнори, видный японский дипломат, дважды в годы войны был министром иностранных дел Японии.
9. Того Сигэнори. Воспоминания японского дипломата. М., 1996. С. 258, 289.
10. *Черчилль У.* Вторая мировая война: в 3 кн. Кн. 2. С. 143.
11. Виши – столица Франции после оккупации Парижа германскими войсками.
12. См.: *The Secretary of State to the Ambassador in France (Leahj) // Foreign Relations of the United States (Далее – FRUS): 1942. Vol. II. Wash., 1962. P. 124; Duiker W. J.* U.S. Containment Policy and the Conflict in Indochina. Stanford University Press, 1994. P. 10, 11.
13. Опрос проведён в апреле 1943 г. службой по изучению общественного мнения в Принстоне. См. *Hess G. R.* Franklin Roosevelt and Indochina // *The Journal of American History*. 1972. Vol. 59, № 2. P. 353.
14. *Duiker W. J.* U.S. Op. cit. P. 10; Sami Abouzahr untangles US policy towards France at the time of the Marshall Plan and the war in Indochina. URL: www.historytoday.com/.../...
15. *Юнгблуд В. Т.* Внешнеполитическая мысль США 1939–1945 годов. Киров, 1999. С. 37.
16. *Smith T. O.* Op. cit. P. 10, 22.
17. *Hess G. R.* Op. cit. P. 354.
18. Объединённый Комитет Начальников Штабов (ОКНШ).
19. *Hess G. R.* Op. cit. P. 355.
20. FRUS. The Conferences at Washington, 1941–1942, and Casablanca, 1943. Wash., 1968. P. 514; *Smith T. O.* Op. cit. P. 26. Письмо было отправлено 2 ноября 1942 г.
21. FRUS. The Conferences at Cairo and Tehran, 1943. Wash., 1961. P. 325.
22. Ibid. P. 345.
23. Roosevelt – Stalin Meeting, November 28 // FRUS. The Conferences at Cairo and Tehran, 1943. P. 485.
24. Ibid.
25. Franklin Roosevelt Memorandum to Cordell Hull, January 24, 1944 // from Major Problems in American Foreign Policy, Volume II: Since 1914, 4th edition, edited by Thomas G. Paterson and Dennis Merrill (Lexington, MA: D. C. Heath and Company, 1995). P. 189. URL: <https://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/fdrch.htm>
26. FRUS. 1945. Conferences at Malta and Yalta. Wash., 1955. P. 770.
27. Franklin Roosevelt on French Rule in Indochina, Press Conference, February 23, 1945. URL: <https://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/fdrpc.htm>; Franklin Roosevelt Conversation with Charles Taussig on French Rule in Indochina, March 15 // Ibid.
28. *Bradley M. F.* Op. cit. P. 73.
29. FRUS. 1944. The Near East, South Asia, and Africa, the Far East. Wash., 1965. Vol. V. P. 1206.
30. *Smith T. O.* Op. cit. P. 37.
31. FRUS. Conference at Quebec, 1944. Wash., 1972. P. 249.
32. Ibid. P. 253.
33. FRUS. 1944. Vol. VI. P. 524.
34. См.: *Smith T. O.* Op. cit. P. 108.
35. FRUS. 1943. China. P. 884; *Hess G. R.* Op. cit. P. 357.
36. *Tonnesson St.* Vietnam 1946: how the war began. Berkeley and Los Angeles, 2010. P. 14.
37. FRUS. 1944. Vol. VI. Wash., 1967. P. 477, 495.
38. FRUS. 1943. China. P. 885, 886, 887.
39. *Bubite R. D.* Op. cit. P. 188.
40. FRUS. 1945. Vol. I. P. 916, 917; *Bubite R. D.* Patrick Hurley and American Foreign Policy. Ithaca, N. Y., 1973. P. 246; В августе 1945 г. Маунбэттен ска-

зал генералу Леклерку: «Если бы был жив Рузвельт, у вас не было бы никаких надежд на возвращение Индокитая, но сейчас, это, возможно, удастся устроить». См.: *Berube A.* Франция. 1940–1955 годы. С. 288.

41. Хо Ши Мин – руководитель вьетнамских коммунистов. В 1919 г. за его подписью было направлено письмо государственному секретарю Р. Лансингу от группы аннамских патриотов с просьбой поддержать движение за независимость народов Индокитая. См.: *Duiker W. J.* Op. cit. P. 18; UCSB Case Method – 1941–1945 Indochina at the Crossroads. URL: soc.ucsb.edu/projects/casemethod/beamish.html; *Anderson D.* The Vietnam War. N. Y., 2005. P. 9.

42. OSS – Office of Strategic Services (Управление стратегических служб США).

43. *Hess G. R.* Op. cit. P. 367; *Barnet R. J.* Intervention and Revolution: The United States in the Third World. Cleveland, 1968. P. 183; *Bradley M. F.* Op. cit. P. 122.

44. *Dommen A. J.* The Indochina Experience of the French and the Americans: Nationalism and Communism in Cambodia, Laos and Vietnam. Bloomington, 2001. P. 73. URL: <http://books.google.ru/books?id=MauWUJuWNsC&printsec=frontcover&dq=inauthor:%22Arthur+J.+Dommen%22&hl>; *Anderson D. L.* The Vietnam War. N. Y., 2005. P. 11.

45. *Dommen A. J.* Op. cit. P. 94.

46. *Bradley M. F.* Op. cit. P. 120.

47. Ibid. P. 121–122.

48. Некоторые американские авторы упоминают о том, что в американское посольство обратились сторонники Хо Ши Мина с просьбой оказать помощь в его освобождении. Однако посол в Чунцине К. Гаусс отнёсся к просьбе равнодушно. О роли американцев в этом деле мало что известно. См.: *Berube C. G.* Ho Chi Minh and the OSS. URL: historynet.com/ho-chi-minh-and-the-oss.htm; *Bradley M. F.* Op. cit.

49. *Bradley M. F.* Op. cit. P. 91, 96, 75.

50. *Duiker W. J.* U.S. Op. cit. P. 14; *Smith T. O.* Op. cit. P. 126; *Berube C. G.* Ho Chi Minh and the OSS ... Op. cit.

51. *Dommen A. J.* Op. cit. P. 76.

52. FRUS. 1945. Vol. VI. Wash., 1969. P. 293.

53. Sami Abouzahr untangles US policy towards France at the time of the Marshall Plan and the war in Indochina. URL: www.historytoday.com/.../...-Великобритания

54. FRUS. 1945. Vol. VI. Wash., 1969. P. 300.

55. Цит. по: *Duiker W. J.* Op. cit. P. 12.

56. FRUS. 1945. Vol. VI. P. 300.

57. The Pentagon Papers, Gravel Edition, Volume 1, Chapter 1, “Background to the Conflict, 1940–50”. URL: www.mtholyoke.edu/acad/.../pent1.html

58. Draft Memorandum by G. H. Blakeslee, Department of the State, April 1945 Source: 851G.00/4-545, State Department Central Files, National Archives. // UCSB Case Method – 1941–1945 Indochina at the Crossroads // soc.ucsb.edu/projects/casemethod/beamish.html; *Duiker W. J.* Op. cit. P. 23.

59. FRUS. 1945. Vol. IV. Wash., 1968. P. 704.

60. *Anderson D.* The Vietnam War ... P. 12.

61. Во Нгуен Зиап – командующий вооружёнными силами Вьетмина.

62. *Dommen A. J.* Op. cit. P. 97.

63. К. Берубе – преподаватель Военно-морской академии США.

64. Позже на вопросы журналистов о его отношениях с Хо Ши Мином Томас отвечал: «Я дружил с ним... мы оба преследовали одну цель – борьбу с

японцами. Не я должен был выяснять, коммунист он или нет». См.: *Berube C. G.* Ho Chi Minh and the OSS ... Op. cit

65. Использован материал из книги американского автора М. Брэдли. См.: *Bradley M. F.* Op. cit. P. 138, 139, 141 и др.

66. См. *Duiker W. J.* Op. cit. P. 31.

67. Ibid. P. 30.

68. *Duiker W. J.* Op. cit. P. 36; *Bubite R. D.* Patrick Hurley and American Foreign Policy. Ithaca; N. Y., 1973. P. 247.

69. *Dommen A. J.* Op. cit. P. 93, 94.

70. *Bradley M. F.* Op. cit. P. 126.

71. Использованная в статье американская литература не отвечает на вопрос о степени причастности к августовским событиям находящейся в Северном Вьетнаме американской разведгруппы.

72. *Anderson D.* The Vietnam War ... P. 12.

73. The Pentagon Papers, Gravel Edition ... Op. cit.

74. *Bartholomew-Feis D. R.* The OSS and Ho Chi Min. URL: nps.gov/history/history/online_books/oss/chap9.pdf.

75. *Tonnesson St.* Vietnam 1946: how the war began ... P. 22.

76. *Berube A.* Франция. 1940–1955. М., 1959. С. 290.

77. *Barnet R. J.* Intervention and Revolution ... P. 183.

78. FRUS. 1946. The Far East. Wash., 1971. P. 17; *Bartholomew-Feis D. R.* The OSS and Ho Chi Min ... P. 408–411; Более подробно оценки У. Галлахера о ситуации в Ханое и Вьетмине см.: United States – Vietnam Relations, 1945–1967: A Study Prepared by the Department of Defense / I. B. The Character and Power of the Viet Minh. V. 1. Vietnam and the U.S., 1940–1950: Режим доступа: en.wikisource.org/wiki/United_States_-_Vietnam...by

79. *Tonnesson St.* Vietnam 1946: how the war began ... P. 19.

80. *Bradley M. F.* Op. cit. P. 141.

81. Ibid. P. 142; *Anderson D.* The Vietnam War ... P. 12.

82. Племянник экс-кандидата в президенты Т. Дьюи.

83. Кохинкина – самоназвание южного Вьетнама со столицей в Сайгоне.

84. *Bartholomew-Feis D. R.* The OSS and Ho Chi Min... P. 413–414. П. Дьюи был случайно убит во время беспорядков в Сайгоне.

85. *Bradley M. F.* Op. cit. P. 237; *Duiker W. J.* Op. cit. P. 37.

86. *Tonnesson St.* Vietnam 1946: how the war began ... P. 18.

87. FRUS. 1946. Vol. VIII. Wash., 1971. P. 15–84.

88. Documents Relating to the Vietnam War. URL: <http://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/vietdec.htm>

89. *Bartholomew-Feis D. R.* The OSS and Ho Chi Min ... P. 308.

90. А. Доммен в своей работе отрицательно охарактеризовал роль УСС во Вьетнаме, так как информация ведомства Донована не смогла удовлетворить требования госсекретаря Дж. Грю летом 1945 г. См.: *Dommen A. J.* The Indochina Experience of the French and the Americans ... Op. cit. P. 166.

91. Президент ДРВ Хо Ши Мин обратился к США, Великобритании и другим странам с просьбой признать независимость страны в рамках независимости, признанной Францией в составе Французского союза: См.: FRUS. 1946. Vol. VIII. P. 36.

92. Sami Abouzahr untangles US policy towards France at the time of the Marshall Plan and the war in Indochina. URL: historytoday.com/sami-abouzahr/tangled-web...france...

93. America's Vietnam War in Indochina. URL: www.u-s-history.com/pages/h1888.html

94. См.: *United States-Vietnam Relations, 1945–1967...*

95. FRUS. 1947. Vol. VI. Wash., 1972. P. 73.

96. The Pentagon Papers, Gravel Edition, Volume 1...

97. *United States-Vietnam Relations, 1945–1967...*

98. *Кобелев Е.* Бао Дай, последний император Вьетнама. Исторический очерк // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 3. С. 141; *Верт А.* Указ. соч. С. 383.

99. *Acheson D.* Present at the Creation. My years in the State Department. N. Y., 1968. P. 335.

100. См. FRUS. 1947. The Far East and Australasia (in two parts). Wash., 1975. Part. 1. P. 22, 23.

101. *Ibid.* P. 17.

102. *Chen Jian.* China's road to the Korean war. N. Y., 1994. P. 104.

УДК 94(437) «19»+94(73)

А. В. Зорин

РАЗВИТИЕ КРИЗИСА ВОКРУГ ЧЕХОСЛОВАКИИ В 1933–1937 гг. В СООБЩЕНИЯХ АМЕРИКАНСКИХ ДИПЛОМАТОВ*

В статье прослеживается развитие чехословацко-германского конфликта в 1933–1937 гг. на основе анализа сообщений американских дипломатов, анализируется их роль в выработке официальной позиции США.

In the article analyze evolution of the conflict between Germany and Czechoslovakia in 1933–1937 on the basis of U. S. diplomatic reports, their influence on the official policy.

Ключевые слова: история Чехословакии, внешняя политика США, Ф. Д. Рузвельт, дипломатия США.

Keywords: History of Czechoslovakia, U. S. foreign policy, F. D. Roosevelt, U. S. diplomacy.

Вступление в должность президента США Ф. Д. Рузвельта в марте 1933 г. фактически совпало с началом важных изменений в Европе, связанных с приходом к власти в Германии А. Гитлера, одной из целей которого стало расширение территории рейха за счет соседних государств, прежде всего Австрии и Чехословакии.

* Статья подготовлена в рамках выполнения программы «Государственные задания высшим учебным заведениям на 2012 и на плановый период 2013 и 2014 годов в части проведения научно-исследовательских работ» ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», рук. В. Т. Юнгблуд

К началу 1930-х гг. Чехословацкая республика, сохранявшая приверженность демократической форме правления, в политическом и экономическом отношении являлась одним из наиболее близких для США государств Центральной и Восточной Европы. Нагнетание напряженности, происходившее по мере утверждения позиций нацистов, не могло не привлекать внимания Вашингтона и заставляло Государственный департамент обращать внимание на чехословацко-германские отношения, постепенно переходившие в стадию международного конфликта.

Уже в 1933–1934 гг. поверенный в делах США в ЧСР Д. Бентон докладывал в Госдепартамент об опасениях чехословацких политиков, высказывавшихся в связи с выходом Германии из Лиги Наций и попыткой нацистского переворота в Австрии [1]. Для ЧСР представляла опасность прежде всего возможность внутренней дестабилизации республики за счет усиления влияния нацистов на многочисленное немецкое население. Многонациональный характер Чехословакии оставался одной из главных проблем Чехословацкой республики на протяжении ее существования. К началу 1930-х гг. немцы, населявшие преимущественно приграничные территории Чехии, составляли более 22% (более 3 млн чел.) населения [2]. Эти области, являвшиеся основными промышленными районами страны, сильно пострадали во время мирового экономического кризиса, что привело к ухудшению социальных условий и росту протестных настроений. Приход к власти Гитлера, пропагандировавшего идеи воссоединения великой немецкой расы, усугубил эти тенденции.

Намереваясь разобраться в сути этой проблемы, в апреле 1934 г. госсекретарь К. Хэлл поручил Бентону собрать информацию о немецкоязычном населении Чехословакии и его отношении к нацизму и Германии [3]. Предприняв поездку по немецким областям, Бентон отметил высокую степень национализма и античешские настроения, в основе которых лежало как восприятие чехов как низшей расы, так и случаи дискриминации немцев со стороны представителей чешского административного аппарата. Сделав вывод о слабости и разобщенности немецких политических сил, он сообщил, что нацистским идеям симпатизировало около трети немцев, хотя большинство сохраняло преданность чехословацкому государству. Упомянув отдельные случаи дискриминации, американский дипломат отмечал, что с точки зрения международного права немецкое население не имело оснований для жалоб [4]. Однако проблема судетских немцев вызвала опасения как возможный дестабилизирующий фактор в Центральной Европе, способный спровоцировать серьезный конфликт.

По мере увеличения внешнеполитической активности Берлина и Рима Вашингтон начинает уделять большее внимание развитию ситуации в Европе, создававшему опасность разрушения сложившейся системы международных отношений. В 1934 г., анализируя возможность создания предложенной Парижем для ее стабилизации многосторонней системы безопасности в Центральной и Восточной Европе, посол США в СССР У. Буллит фактически отвергал возможность участия в ней Германии и говорил о большей вероятности заключения договора о взаимопомощи между СССР, Францией и ЧСР [5]. Когда в 1935 г. Берлин взял курс на ревизию Версальских соглашений, эту информацию подтвердили посол в Варшаве Д. Кадехи [6] и посланник в ЧСР Б. Райт [7].

С 1935 г. Гитлер перешел к прямой поддержке националистического движения судетских немцев. 30 мая при поддержке Берлина была создана Судето-немецкая партия (СНП), получившая на состоявшихся в том же году выборах 63% голосов немецкого населения [8]. Спекуляции на тему бедственного положения немецкого меньшинства стали с этого времени одной из главных составляющих политики Берлина в отношении Праги.

Попытки остановить стремление Германии к пересмотру Версальской системы с помощью Лиги Наций не увенчались успехом. В апреле 1935 г. американский консул в Женеве П. Гильберт обращал внимание госсекретаря на распространенное среди европейских дипломатов мнение, что основные цели Германии включали территориальное расширение за счет немецких районов Чехословакии [9]. В этих условиях сближение Москвы, Парижа и Праги было неизбежным. 2 мая 1935 г. был подписан советско-французский договор о взаимопомощи, а 16 мая – советско-чехословацкий [10]. Данные мероприятия позволили несколько снизить активность Берлина. Но уже в январе 1936 г. Х. Вильсон (посол США в Швейцарии) сообщал, что представители многих европейских держав ожидали начала скорой агрессии Германии в направлении Дуная [11]. В то же время, по информации Буллита, Москва считала, что в ближайшее время нет опасности нападения Германии на Чехословакию [12]. Но, посетив в феврале 1936 г. ряд европейских столиц, в письме Рузвельту Буллит отметил, что везде, от Лондона до Москвы, главной темой являлось опасное положение Чехословакии [13].

Однако первый крупный конфликт, поставивший Европу на грань новой войны, произошел на франко-германской границе. 7 марта 1936 г. германские войска вошли в Рейнскую область. Буллит, анализируя эти события на основе бесед с представителями советского НКВД, отмечал чрезвычайную опасность, в которую была постав-

лена этим актом Чехословакия. В случае войны Прага должна была выступить в поддержку Парижа, однако, отрезанная от своих союзников, она бы оказалась один на один с Германией [14]. Опасения высказывал и американский посол в Берлине У. Додд, сообщавший, что немецкий военный план предполагал быстрое устранение чехословацкой угрозы, как только станет известно о намерении Франции начать боевые действия [15]. Но уже 14 марта, когда стало ясно, что ответных действий со стороны Парижа не последует, Райт сообщил о снижении тревожных настроений в Праге. Президент ЧСР Э. Бенеш и министр иностранных дел К. Крофта даже демонстрировали определенный оптимизм, заявляя американскому посланнику, что Германия «зашла слишком далеко» и за этим неизбежно последуют ответные меры [16].

Однако признание перехода Рейнской области под контроль Берлина создавало новую угрозу. Первым на это обратил внимание американский посол в Париже Д. Страус, предупредивший, что, решив свои задачи на западе, Германия могла полностью сконцентрировать внимание на южном и восточном направлениях [17]. Райт, проанализировав ситуацию, также пришел к пессимистичным выводам. По его мнению, в Праге опасались, что, если Берлин решит укрепить Рейнскую область, Франция не сможет оказать никакой военной поддержки государствам Малой Антанты. Поэтому чехам оставалось лишь надеяться на то, что Германия «просто не захочет воевать». Сообщения Буллита из Москвы подтверждали эти опасения [18].

На основании поступавших из Европы сведений можно было сделать вывод, что Чехословакия станет одной из ближайших целей Гитлера. Однако, даже находясь в Берлине, его следующий шаг предвидеть было нелегко. Летом 1936 г. поверенный в делах США в Германии Ф. Майер считал, что Берлин должен будет выбрать один из двух возможных вариантов действий в отношении ЧСР: пойти на подписание двустороннего соглашения, урегулирующего основные разногласия, или на усиление поддержки судетских немцев и внутреннюю дестабилизацию республики [19].

В Праге считали, что Германия в ближайшее время не решится на открытый конфликт с Чехословакией. Бенеш и Крофта в июле 1936 г. в разговоре с Бентоном отмечали, что в данный момент Гитлер не имеет никаких видов на Чехословакию, поскольку судетские области бесполезны для рейха без остальной части страны, а поглотить ее целиком Германия не позволит. О том, что Гитлер должен был отложить свои планы в отношении ЧСР, сообщал и посланник в Вене Дж. Мессерсмит. Вызвано это было, по его

информации, опасением спровоцировать конфликт, к которому Германия была не готова [20].

Райт в сентябре докладывал в Вашингтон, что в чехословацком правительстве было все меньше энтузиазма относительно договора с СССР, на который Прага вынуждена была пойти из-за «отсутствия чего-нибудь лучшего». Бенеш и Крофта вынуждены были продолжать строить свою политику, ориентируясь прежде всего на Францию. Относительно возможного предложения о заключении соглашения со стороны Германии Крофта заметил Райту, что оно скорее всего будет сопровождаться условиями, абсолютно неприемлемыми для Чехословакии [21]. Перспективы мирного разрешения конфликта выглядели неутешительно. Оформление осенью 1936 г. «оси» Берлин – Рим создало необходимые условия для продвижения Германии в область Дунайского бассейна.

В ноябре 1936 г. Додд сообщил, что в чехословацком вопросе «вновь наметилось какое-то важное движение»: Гитлер, возможно, готовился к окончательному разделу ЧСР, намереваясь привлечь к нему Польшу, Венгрию и Австрию [22]. Буллит (переведенный на должность посла в Париж) в это же время докладывал, что следующим пунктом в списке Гитлера является именно Чехословакия. Он обращал внимание на то, что ни один военный во Франции не верит, что советские войска смогут оказать эффективную помощь ЧСР. Поэтому французы должны будут решить, действительно ли им стоит выполнять свои договорные обязательства. По мнению посла, в действительности никто не мог с уверенностью предсказать, выступит ли Франция в поддержку Чехословакии [23]. Райт, опираясь на мнение Ф. Веврки (посланник ЧСР в Австрии), сообщал, что, хотя договор с СССР являлся лучшей страховкой для ЧСР, он мог быть легко отвергнут в случае получения гарантий со стороны Германии воздержаться от попыток поставить Чехословакию под контроль [24].

В начале 1937 г. в сообщениях Буллита, основанных на информации от высших членов французского правительства, все чаще фигурировали пессимистичные прогнозы. Посол видел единственную возможность остановить приближающуюся войну в сотрудничестве между Парижем и Берлином. По его информации, Бенеш также считал необходимым добиться франко-германского соглашения по широкому кругу вопросов и собирался привлечь к поддержке этого намерения Румынию и Югославию. В случае несогласия Парижа Чехословакия была бы вынуждена сама предпринять такой шаг [25].

Кадехи полагал, что война может разразиться уже весной, при условии, если обострится внутренний конфликт во Франции – Гитлер в этом

случае сможет воспользоваться ситуацией и вторгнуться в Чехию [26]. Члены французского правительства Л. Блюм и И. Дельбос также считали, что нападение на Чехословакию скорее всего будет зависеть от развития внутривосточной ситуации во Франции, заверяя Буллита, что в случае войны они будут готовы поддержать ЧСР. Лондон проводил осторожную политику. Американский поверенный в делах в Англии Р. Бинхем весной 1937 г. сообщал, что британское правительство не желало идти на предоставление гарантий безопасности Чехословакии [27]. С образованием в мае консервативного правительства Н. Чемберлена эти тенденции усилились.

Попытки Франции по прорыву изоляции ЧСР также не приносили успехов. Предложение о заключении чехословацко-польского союза, которое попытался реализовать Париж в обмен на предоставление финансовой помощи Варшаве, по мнению Кадехи, являлось «совершенно фантастическим и невероятным». В апреле посол в Риме У. Филипс сообщал в Госдепартамент о кризисе Малой Антанты и о том, что Германия уже считала Чехословакию своей сферой влияния. Буллит, оценивая сложившееся состояние дел, заключал, что ввиду такого развития событий ЧСР и другие государства Центральной и Восточной Европы вскоре перестанут рассчитывать на французскую поддержку и будут поставлены перед необходимостью достижения соглашения с Германией [28].

В мае 1937 г. чехословацкий посол в Париже С. Осуский сообщал Буллиту, что немцы не посмеют напасть на Чехословакию до следующей весны, но полагал, что они могут решиться на захват Австрии в любое время. В начале мая Дельбос признался Буллиту в своей неспособности выработать эффективную внешнюю политику, которая позволила бы без поддержки Англии сохранить статус-кво в Центральной Европе. В конце апреля от американского посла в Париже пришла информация, что Англия начала склоняться к возможности оказания поддержки Чехословакии в случае нападения, но британское правительство по-прежнему отказывалось от предоставления предварительных гарантий [29].

По информации посла в СССР Д. Дэвиса, советский НКВД полагал, что в 1937 г. не было опасности возникновения военного конфликта, но Германия определенно вела подготовку к нападению на Чехословакию [30]. Французский посол в Берлине А. Франсуа-Понсе сообщал Буллиту, что Гитлер лишь ждет благоприятного момента для захвата Австрии и Чехословакии, и статус-кво в Центральной Европе будет нарушен в течение следующих 12 месяцев, что приведет к втягиванию всего континента в войну [31]. Смена правительства во Франции летом 1937 г. вы-

звала новые опасения. Додд предполагал, что вскоре Париж вынужден будет пойти на сближение с Берлином. В этом случае Франция предпочтет остаться в стороне и Германия оккупирует Австрию, Чехословакию, Венгрию, а позднее Болгарию и Румынию [32].

Назначенный летом 1937 г. новым посланником США в Чехословакии У. Карр перед отъездом из Вашингтона мрачно отметил в своем дневнике, что не удивится, если еще до его прибытия в Прагу немцы оккупируют ее. Однако, проезжая через территорию Германии, он не обнаружил свидетельств приготовления к войне [33]. Во время состоявшейся в середине сентября 1937 г. беседы Карра с Бенешем чехословацкий президент высказывал достаточно оптимистичные прогнозы. По его мнению, опасность войны значительно уменьшилась, поскольку Берлин и Рим, разорвав все ограничительные соглашения, достигли своих непосредственных целей. Кроме того, он рассчитывал, что Германия посчитает невыгодным нападать на Чехословакию, которая имела превосходную армию и опиралась на поддержку Франции [34].

Более подробно Бенеш изложил свои взгляды находившемуся в Париже Дэвису. Чехословацкий президент представлял ЧСР сильным с экономической и политической точек зрения государством. Мир в Европе, по его словам, зависел от Англии и Франции [35]. На этой встрече американский дипломат уделил внимание проблеме судетских немцев, о возможном использовании которой Германией в качестве предлога для нападения на Чехословакию еще в конце 1936 г. предупреждал Райт [36]. Чехословацкое правительство последовательно отказывалось удовлетворять требования СНП, заявлявшей о необходимости предоставления автономии немецким областям, и ограничивалось частичными уступками. К осени 1937 г. всерьез рассматривалась опасность восстания судетских немцев как возможный предлог для германского вторжения. Дэвис, задав Бенешу вопрос о таком варианте развития событий, в ответ услышал, что еще не менее миллиона немцев оставались сторонниками Чехословакии, и потому восстание было невозможно [37]. Чехословацкие лидеры уповали на твердость Парижа в соблюдении своих договорных обязательств. В конце августа Буллит сообщал, что Франция вступит в войну не только в случае прямого нападения Германии на ЧСР, но даже если Берлин спровоцирует восстание в Судетах. В то же время посол замечал, что, если Германия сможет его грамотно организовать, французский народ не поддержит вмешательство [38].

Эти события развивались на фоне продолжавшейся в США политической борьбы по поводу

законодательства о нейтралитете, окончившейся победой сторонников изоляционизма. Чехословацкий поверенный в делах в Вашингтоне О. Кабелач сообщал о слабом интересе американской общественности к развитию ситуации в Центральной Европе и стремлении США остерегаться вовлечения в любой военный конфликт [39]. Ни государственный секретарь Хэлл, заявляя 16 июля 1937 г. о необходимости соблюдения фундаментальных принципов международной политики и поддержании мира, ни президент Рузвельт в своей «Карантинной речи» 5 октября 1937 г. в Чикаго не упоминали о чехословацко-германском конфликте [40].

Но Вашингтон не мог оставаться полностью в стороне. С целью ознакомления с обстановкой и выработки конкретных предложений в сентябре 1937 г. в Европу был направлен заместитель государственного секретаря С. Уэллес. По возвращении он предложил план проведения международной конференции в Вашингтоне для устранения сложившихся разногласий и определения новых принципов международного права, подразумевающая возможность удовлетворения некоторых требований Германии [41]. Однако, не добившись поддержки Великобритании, США отказались от выдвижения этого предложения.

Подписание 6 ноября 1937 г. Антикоминтерновского пакта фактически открывало Германии путь к продвижению на юг. Буллит в ноябре посетил Варшаву и Берлин. В сообщении Рузвельту он, основываясь на разговорах с Дельбосом и министром иностранных дел Польши Ю. Беком, пришел к выводу, что война в Центральной Европе может начаться с восстания судетских немцев, воспользовавшись которым Германия нападет на Чехословакию. Однако Франция, поставленная в зависимость от решения Лондона, не решится на оказание немедленной помощи Праге, и Германия сможет занять Чехословакию [42]. Додд также сообщал о широко распространенном среди сотрудников германского МИДа мнении о скором захвате Дунайской области. Но немецкий посол в Вашингтоне Х. Дикхофф заверял американское руководство, что у Берлина не было желания поддерживать сепаратизм в Чехословакии и покушаться на ее территорию [43]. Тем не менее к началу 1938 г. тот факт, что Германия намерена сосредоточиться на подчинении ее южных соседей уже практически не вызывал сомнений. В беседах с Буллитом Дельбос выражал мнение, что ближайшей целью Гитлера будет Австрия, а Бек полагал, что Германия вскоре предпримет определенные действия против Чехословакии [44].

В Госдепартаменте не было единого мнения о возможных вариантах устранения опасности. Часть дипломатов и политиков в Вашингтоне склонялись к необходимости уступок Германии

за счет Чехословакии и Австрии ради предотвращения общеевропейской войны. Буллит видел единственный путь преодоления кризиса в использовании роста немецкой силы в конструктивном духе – пойти на требуемые Германией уступки, рассматривая их как часть общего плана объединения Европы. При этом США, по его мнению, могли оказать непосредственное влияние на достижение этого результата [45]. Помощник госсекретаря Д. Мессерсмит настаивал на необходимости избавления Европы от нацизма путем организации совместных действий со стороны Австрии, Венгрии, Чехословакии и Румынии, говоря о заинтересованности США в объединении усилий этих стран с другими «законопослушными державами». Хэлл продолжал выступать против вовлечения в европейские дела. Рузвельт поддерживал госсекретаря [46].

Несмотря на сохранение курса на невмешательство в европейские дела, разворачивавшиеся в 1933–1937 гг. в Центральной Европе события вызывали сильное беспокойство в Вашингтоне. Руководство США внимательно следило за развитием кризиса и находилось в курсе развития событий. Определяющими мотивами были стремление разобраться в сути проблемы, опасения по поводу распространения нацистского влияния в Европе и возникновения новой общеевропейской войны. Но планы Берлина в отношении ЧСР вызывали опасения прежде всего в среде американских дипломатов, проявлявших большую активность в исследовании этого вопроса. Получая всю необходимую информацию к весне 1938 г., Вашингтон осознавал возможность скорой агрессии Германии в отношении Австрии и Чехословакии, но ни президент, ни руководство Госдепартамента не выражали стремления к вмешательству в конфликт.

Примечания

1. U. S. Department of State. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers [далее – FRUS]. 1933. Vol. I. Washington, 1945. P. 287; FRUS. 1934. Vol. II. P. 18
2. Rousek J. S. Czechoslovakia and Her Minorities // Czechoslovakia: Twenty Years of Independence / ed. R. J. Kerner. Berkley, 1940. P. 174.
3. FRUS. 1934. Vol. II. P. 110.
4. Ibid. P. 110–120
5. FRUS. 1934. Vol. I. P. 504, 516
6. Ibid. 1935. Vol. I. P. 220–221.
7. Ibid. P. 225–228; FRUS. 1935. Vol. II. P. 327–329.

8. Olivova V. The Czechoslovak Government and its 'Disloyal' Opposition, 1918–1938 // The Czech and Slovak Experience. Selected Papers From the 4-th World Congress for Soviet and East European Studies / ed. J. Morison. N. Y., 1992. P. 100.
9. FRUS. 1935. Vol. I. P. 254–259.
10. Документы внешней политики СССР. Т. 18. М., 1973. С. 333–336.
11. Peace and War. United States Foreign Policy 1931–1941. Washington, 1943. P. 310.
12. FRUS. 1936. Vol. I. P. 200–202.
13. For the President, Personal and Secret. Correspondence Between Franklin D. Roosevelt and William C. Bullitt. Boston, 1972. P. 144.
14. FRUS. 1936. Vol. I. P. 212–213.
15. Ibid. P. 237–238.
16. Ibid. P. 246–247.
17. Ibid. P. 216.
18. Ibid. P. 290–303.
19. Ibid. P. 322–325.
20. Ibid. P. 342–345.
21. Ibid. P. 339–342.
22. Ibid. P. 370–372.
23. For the President ... Op. cit. P. 184–188; Franklin D. Roosevelt and Foreign Affairs / ed. E. B. Nixon. Vol. 3. Cambridge, 1970. P. 499–502.
24. FRUS. 1936. Vol. I. P. 375–379.
25. For the President ... Op. cit. P. 203–207.
26. FRUS. 1937. Vol. I. P. 25–26.
27. Ibid. P. 59.
28. Ibid. P. 78–79.
29. Ibid. P. 84–92; 677.
30. FRUS. The Soviet Union, 1933–1939. Washington, 1952. P. 387–388.
31. FRUS. 1937. Vol. I. P. 92.
32. Мальков В. А. Путь к имперству. Америка в первой половине XX в. М., 2004. С. 230–231.
33. Crane K. Mr. Carr of State. Forty-seven Years in the Department of State. N. Y., 1960. P. 332–335.
34. FRUS. 1937. Vol. I. P. 129–131.
35. Ibid. P. 125–127.
36. FRUS. 1936. Vol. I. P. 375–379.
37. FRUS. 1937. Vol. I. P. 125–127.
38. Ibid. P. 119.
39. Ceskoslovenska zahranicni politika v roce 1937. Sv. 1. Praha, 2007. S. 309–316.
40. Peace and War ... Op. cit. P. 44–46, 383–387; The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. 1937, The Constitution Prevails. N. Y., 1941. P. 406–411.
41. Marks F. W. Six Between Roosevelt and Hitler: America's role in the Appeasement of Nazi Germany // American Foreign Policy in the 1930s / ed. M. Dubofsky and S. Burwood. N. Y., 1990. P. 69–71.
42. For the President ... Op. cit. P. 232–238.
43. Ibid. P. 145, 155, 159.
44. Ibid. P. 232–238.
45. Ibid.
46. Ibid. P. 264.

УДК 94(495+73)"1946/1949"

А. А. Калинин

**«КРАСНАЯ УГРОЗА» ГРЕЦИИ
В ОЦЕНКАХ АМЕРИКАНСКИХ
ДИПЛОМАТОВ В 1946–1949 гг.***

В статье рассматривается эволюция восприятия американскими дипломатами угрозы Греции со стороны мирового коммунизма в начальный период холодной войны. Особое внимание уделено причинам выдвижения доктрины Трумэна.

The article deals with the evolution of perception of American diplomats the threat to Greece from world communism in the early Cold War period. Special attention is paid to the reasons the declaration of the Truman Doctrine.

Ключевые слова: внешняя политика США, советско-американские отношения, холодная война, доктрина Трумэна, «групповое мышление», советская угроза, гражданская война в Греции.

Keywords: U. S. foreign policy, American-Soviet relations, Cold War, Truman Doctrine, Groupthink, Soviet Threat, Greek Civil War.

Осмысление генезиса холодной войны требует обращения к проблеме восприятия американским истеблишментом «красной угрозы» в отношении стран, которые оставались после Второй мировой войны на западной стороне «железного занавеса». Одной из важнейших составляющих этого восприятия являются представления американских дипломатов об угрозе Греции со стороны мирового коммунизма. Интерес к этой проблеме вызван тем, что определенный образ «красной угрозы» в отношении Греции подтолкнул Вашингтон к выработке доктрины сдерживания коммунизма.

Проблема восприятия американцами коммунистической угрозы Греции затрагивается в работах одного из крупнейших специалистов по американской политике в этой стране в период гражданской войны Дж. Иатридеса [1]. Особо следует отметить его статью «Восприятие советского участия в гражданской войне в Греции», в которой дается краткий обзор восприятия «красной угрозы» Вашингтоном, Лондоном и греческим правительством [2].

В течение 1946 г. ситуация в Греции стремительно ухудшалась. Проведенные 31 марта вы-

боры, по результатам которых к власти пришла монархическая Народная партия, и плебисцит о возвращении короля 1 сентября еще больше обострили обстановку в стране. Коммунистическая партия Греции (КПГ) берет курс на вооруженную борьбу. Осенью в Греции начинается полномасштабная гражданская война. 26 октября было объявлено о создании Демократической армии Греции (ДАГ).

1946 г. стал переломным в американском восприятии советской угрозы. Теперь внешнеполитический курс Москвы все более воспринимался как враждебный, и утверждению этой точки зрения способствовала в том числе и ситуация вокруг Греции. Анализ донесений американских дипломатов в Вашингтон позволяет проследить, как Советский Союз и страны Восточной Европы (теперь именовавшиеся в американских документах «сателлитами») обретали черты врага.

В течение 1945 – первой половины 1946 г. американское посольство в Греции во главе с Л. Маквеем придерживалось позиции, что в ухудшении внутренней ситуации в стране, а также напряженной обстановке на северных границах страны во многом виновато само консервативное греческое правительство. Как отмечает Дж. Иатридес, после событий в Афинах в декабре 1944 г. Госдепартамент периодически запрашивал у американского посольства в Греции его оценки прямого или косвенного вовлечения Советского Союза в дела страны. Ответ из Афин всегда следовал один – Москва не вмешивается [3].

Симптомы изменения отношения к советской политике намечаются уже в начале 1946 г. В феврале появляется «длинная телеграмма» Дж. Кеннана, опиравшаяся на тезис о Советском Союзе как агрессивном по самой своей природе государстве. Как отмечает Дж. Иатридес, изображение Кеннаном местных коммунистических партий в качестве пешек Москвы способствовало утверждению упрощенного восприятия американцами международного коммунистического движения и, в частности, исказило понимание причин гражданской войны в Греции [4].

Первым серьезным «звонок» стал подготовленный 11 марта 1946 г. ближневосточным отделом Госдепартамента меморандум «Советский Союз и Греция», содержащий анализ экспансионизма Москвы. В документе греческая политика Кремля рассматривалась через призму планов распространения советского влияния на Ближний Восток и Средиземноморье. Также выдвигалось мнение, что СССР соблюдал договоренности об отнесении Греции к британской сфере интересов только до конца мировой войны, теперь же Москва пытается использовать Национально-освободительный фронт (ЭАМ) для достижения своих новых экспансионистских целей [5].

* Статья подготовлена в рамках выполнения программы «Государственные задания высшим учебным заведениям на 2012 и на плановый период 2013 и 2014 годов в части проведения научно-исследовательских работ» ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», рук. В. Т. Юнгблуд

Однако появление этого меморандума не привело к переоценке высокопоставленными дипломатами советского участия в греческих делах. Американское посольство по-прежнему придерживалось мнения о невмешательстве СССР [6]. В очередном сообщении в Вашингтон 10 августа ответственность за ухудшение внутренней ситуации посол Л. Маквей во многом возлагал на правительство Народной партии, которое не стеснялось поддерживать откровенных экстремистов правого толка. Компания по организации «крестового похода» против коммунизма, считал посол, провоцирует гражданскую войну в стране, аналогичную испанской. Такую политику Маквей считал «безумием» [7].

Однако уже через две недели, 27 августа 1946 г., Маквей впервые сообщил в Вашингтон, что по данным американской разведки КПП действительно тайно финансируется и управляется из Москвы. Осенью обвинения Советского Союза в тайном вмешательстве в греческие дела становятся постоянными в депешах американского посла в Афинах [8]. Новая позиция Маквея об ответственности Москвы за ситуацию вокруг Греции отразилась в его телеграмме в Госдепартамент США от 30 сентября 1946 г. В ней был представлен анализ ситуации на границе Греции с ее северными соседями. Посол не считал доказательством соучастия Софии, Тираны и Белграда в пограничных инцидентах в полной мере убедительными, но обращал внимание на факт концентрации их вооруженных сил на границе с Грецией и поддержку ими националистического движения в греческой Македонии. В целом Маквей приходил к выводу, что совокупность шагов, предпринимаемых Москвой, в том числе компания по критике правительства Греции, ее позиция в ООН, активизация подрывной деятельности КПП, секретный контроль над которой осуществляет Кремль, свидетельствуют об ответственности СССР за дестабилизацию ситуации вокруг Греции. Конечной целью советской политики дипломат считал получение выхода в Эгейское море через своих сателлитов [9].

Иатридес предполагает, что на изменение позиции Л. Маквея могло повлиять его длительное пребывание в США в 1946 г. В январе посол отправился в Соединенные Штаты, сопровождая на лечение больную жену, и оставался за океаном вплоть до конца июня. В Вашингтоне Маквей принимал участие в обсуждениях в Госдепартаменте широкого спектра вопросов, связанных с поведением Советского Союза на международной арене. Состоялся и его разговор с президентом Г. Трумэном. Соответственно, под влиянием опасений американской администрации относительно истинных советских целей могло измениться и восприятие послом роли Москвы в греческом кризисе [10].

Советское давление на греческое правительство, контроль над ЭАМ, моральная и материальная поддержка Москвой партизанского движения в Греции – все это начиная с осени 1946 г. оценивалось американцами как составляющие единой стратегии по установлению Советским Союзом контроля над Грецией через КПП. Исполняющий обязанности госсекретаря У. Клейтон 12 сентября 1946 г. направил из Вашингтона главе Госдепартамента Дж. Бирнсу в Париж послание с приложенным меморандумом Объединенного комитета начальников штабов. В документе высказывались серьезные опасения относительно экспансии СССР на Ближнем Востоке, который, как считали американцы, стремится получить контроль над Грецией, Турцией и Ираном. «Москва помогает своим сателлитам Болгарии, Югославии и Албании создать сильные вооруженные силы, – писал Клейтон, – и использует эти силы как средство давления на Грецию. Советские агенты, несомненно, ответственны за контрабанду оружия с целью укрепления групп, пытающихся силой установить в Греции правительство, которое было бы подвластно Советскому Союзу». В своем послании Клейтон подчеркивал, что США, говоря СССР о недопустимости ущемления турецкой независимости и территориальной целостности, не должны создавать впечатление, что «нас не интересует независимость и территориальная целостность Греции и Ирана» [11].

Помощник военного атташе американского посольства Миллер по результатам своей поездки в северные области Греции в сентябре пришел к выводу, что Югославия и Албания не препятствуют пересечению своих границ левыми партизанскими группами, которые действуют главным образом в Фессалии и Македонии. Коммунисты, считал американский дипломат, преследуют цель погрузить страну в состояние анархии. Миллер также обращал внимание, что в Греции действуют не только левые экстремистские группы, широкий размах приобрела деятельность и правых групп, однако их действия нескоординированы [12].

Между тем в Вашингтоне в это время все более начинало преобладать мнение о Советском Союзе как главном противнике Соединенных Штатов. На отношения с бывшим союзником там смотрели через призму идеологии. В секретном меморандуме специального советника президента Трумэна К. Клиффорда «Отношения США с Советским Союзом» от 24 сентября 1946 г. последовательно проводилась мысль, что Москва считает войну с США и другими ведущими капиталистическими государствами неизбежной и стремится увеличить сферу советского влияния. Поэтому Соединенные Штаты должны перейти к политике противостояния Советскому Союзу, делая упор

на развитие собственной военной мощи. Только наличие достаточного противовеса советской мощи может заставить Кремль изменить свою политику. Для предотвращения дальнейшей советской экспансии Вашингтон должен оказать нациям, которые оказывались перед угрозой мирового коммунизма, всю необходимую экономическую помощь и политическую поддержку. Президент, получив доклад, читал его всю ночь [13].

Осенью 1946 г. США идут на пересмотр своей политики в отношении Греции. Госдепартамент не исключал возможности развития там масштабного кризиса, который может стать решающим фактором при определении странами Ближнего и Среднего Востока своей политической ориентации. Заместитель госсекретаря Д. Ачесон 15 октября инструктировал посла Л. Маквея ясно дать понять греческому руководству, что США поддерживают независимость и территориальную целостность Греции и намерены активно поощрять ее развитие по демократическому пути, а также миролюбивую и разумную политику греческого правительства [14].

В октябре – ноябре масштабы партизанского движения продолжали увеличиваться. Положение в Греции все больше тревожило американцев. Сообщения американского посла Л. Маквея рисовали мрачную картину усугубляющегося кризиса в Греции. На севере страны, сообщал посол, формировались партизанские отряды, которые получали всестороннюю помощь Югославии и Албании и могли пересекать границу этих государств. В декабре Маквей телеграфировал в Вашингтон, что Советский Союз стремится к установлению контроля над Грецией [15].

Опасения относительно укрепления советских позиций в Греции толкали американцев к увеличению помощи стране. В октябре 1946 г. в Грецию прибыла группа американских высших офицеров разведки для изучения положения в северной части страны [16]. К ноябрю американские кредиты Греции составили 60 млн долларов [17]. В конце октября Маквей передал королю Георгиосу письмо президента Трумэна, в котором говорилось о готовности США предоставить Греции существенную помощь [18].

21 октября Управление ближневосточных и африканских дел Госдепартамента представило специальный меморандум, посвященный ситуации в Греции. В документе суммировались факты, свидетельствующие об усилении советского давления (жалобы против Греции в Совете безопасности, рост инцидентов на границах с ее северными соседями, сообщения о концентрации албанских, югославских и болгарских войск на границах с Грецией, непрерывная антигреческая кампания в советской прессе, советские протесты против «вмешательства» Великобритании и

США во внутренние дела страны, заявления крайних левых греческих политиков о необходимости свергнуть существующее греческое правительство), что происходит в условиях внутренней слабости Греции. Стратегическое значение Греции для американской безопасности заключалось в том, что она осталась единственным балканским государством, находившимся вне сферы советского контроля. Только Греция и Турция, отмечали аналитики Госдепартамента, являются препятствиями установлению советского доминирования в Восточном Средиземноморье, экономической и стратегической области огромной важности. Дипломаты прямо увязывали безопасность Турции с сохранением Греции вне сферы советского контроля, считая, что если Москва установит контроль над Грецией, то судьба Турции будет предопределена. В документе говорилось: «Мы не можем позволить себе сидеть сложа руки перед лицом маневров и махинаций, которые свидетельствуют о намерениях Советского Союза увеличить свое могущество, подчинив Грецию своей воле, а затем использовать Грецию как важную стартовую позицию для дальнейшего расширения советской власти». Отмечалось, что враждебность СССР по отношению к Греции проистекает не из искреннего беспокойства относительно недемократичности афинского правительства, а вследствие намерений лишить ее возможности оставаться дружественной западным союзникам и приверженной западным идеалам демократии. В Госдепартаменте не было сомнений, что Москва оказывает помощь силам, стремящимся свергнуть греческое правительство, в частности оказывает военную помощь Югославии и Албании. В этих условиях Соединенные Штаты должны были увеличить экономическую помощь Афинам, а также открыто дать понять, что они считают территориальную целостность и политическую независимость Греции важными для американской безопасности. Меморандум, подписанный Л. Гендерсоном, получил одобрение госсекретаря Дж. Бирнса [19].

Госдепартамент все больше склонялся к точке зрения, что пограничные инциденты провоцируются сателлитами Советского Союза с определенными целями. Дипломаты не исключали, что одна из них заключается в отторжении греческой Македонии от Греции и включении ее в Югославскую федерацию, передаче Западной Фракии Болгарии с тем, чтобы Москва и София получили выход в Эгейское море, обойдя Черноморские проливы. При этом в Вашингтоне преобладали пессимистические оценки: считалось, что ситуация в Греции и Восточном Средиземноморье будет только ухудшаться [20].

Дж. Бирнс в своих мемуарах, опубликованных в 1947 г., писал, что Советский Союз не при-

держивается четко разделительной линией, которая отделяет политику обеспечения безопасности от экспансии. Если бы Москва соблюдала эту линию, то она не допустила бы такой политики в отношении Греции и Турции. Конечной целью Кремля Бирнс считал доминирование над всей Европой, и, соответственно, Греция была лишь первой советской целью. Бывший госсекретарь не видел существенной разницы между экспансионистскими устремлениями СССР и Российской империи и приводил слова К. Маркса о том, что в царской политике «аннексия следует за аннексией». У США в этой ситуации один выход – организовать «твердое сопротивление» [21].

К декабрю 1946 г. мнение о непосредственном вовлечении СССР и его сателлитов в греческий кризис разделялось всей администрацией Трумэна и становится де-факто официальной позицией правительства США. Ответственность за ситуацию на северных границах Греции теперь всецело возлагалась на «советские марионетки» Югославию, Албанию и Болгарию. Иатридес связывает изменение оценок американским истеблишментом советского участия в греческих делах с открытым Ирвингом Дженисом феноменом «группового мышления» [22], который описывает ситуацию, когда единомыслие в группе, принимающей политические и военные решения, приобретает большую ценность, чем следование логике и рациональному принятию решений. При этом отбрасываются все рациональные альтернативные варианты действия. Существенная для деятельности группы информация подвергается тенденциозному толкованию. Информация, которая не согласовывается с принятой линией, членами группы игнорируется или значительно искажается. В результате складывается впечатление о единогласном принятии решений. Групповое мышление может приводить к серьезным ошибкам при принятии политических решений. В качестве ярких примеров Дженис приводил решение президента США Г. Трумэна на основании многочисленных рекомендаций о вмешательстве в Корейскую войну, решение президента Дж. Кеннеди об интервенции в Плайя-Хирон, решение Л. Джонсона о начале военных действий во Вьетнаме, принятое в результате коллективного обсуждения с экспертами [23]. В случае с Грецией все факты, свидетельствовавшие о неоднозначности греческого кризиса, который являлся следствием целого комплекса внутренних и внешних факторов, были оставлены без внимания, в американском истеблишменте утвердилось биполярное, черно-белое восприятие конфликта. При этом культивировался неоправданный пессимизм, когда американские дипломаты приходили к выводу, что без американской помощи Греция

через несколько недель может оказаться под властью коммунистов.

В начале 1947 г. ситуация в Греции продолжала ухудшаться. В январе в Грецию прибыла первая американская экономическая миссия в Греции во главе с П. Портером. Американцы опасались отзыва британских войск из Греции вследствие финансовых трудностей [24], что сделало бы ее еще более уязвимой. В феврале в Вашингтон поступали одна за другой тревожные телеграммы. 11 февраля Л. Маквей докладывал о тяжелой ситуации в стране. Угроза исходила как извне, так и изнутри. Дипломат считал, что, даже если будет обеспечена безопасность северных границ Греции, финансовый крах и катастрофическая инфляция могут спровоцировать революцию. Если же Греция станет коммунистической, то весь Ближний Восток и часть Северной Африки также окажутся в сфере советского влияния. Посол призывал Вашингтон оказать Греции экономическую помощь [25]. Аналогичную позицию занимали американские разведывательные службы. Разведка докладывала, что греческая армия деморализована, плохо снабжена и может не выдержать давление партизан. Греческое правительство продолжает терять остатки популярности, а экономическая ситуация не улучшается. Без иностранной экономической помощи страна будет «потеряна» как демократия западного типа [26].

Предварительные выводы миссии Портера, которые 17 февраля были направлены заместителю госсекретаря по экономическим вопросам У. Клейтону, оказались очень неутешительны. Портер пришел к выводу, что греческое государство находится на пороге банкротства. Проведенный американскими специалистами анализ показал, что расходы бюджета текущего бюджетного года, заканчивающегося 31 марта 1947 г., составят примерно 272 млн долл. при доходах лишь 185 млн долл. Таким образом, дефицит бюджета составил 87 млн долл. И это притом, что финансирование греческих вооруженных сил осуществлялось за счет британской субсидии, которая оценивалась в 85 млн долл., а 40% доходов греческого бюджета было получено за счет продажи товаров, поставляемых ЮНРРА. Проект бюджета на 1947/1948 бюджетный год фактически не был готов, предварительные же оценки доходов и расходов свидетельствовали об угрожающем росте дефицита греческой казны. Правительство Греции оценивало расходы в размере примерно 421 млн долл., а доходы – 256 млн долл. Дефицит, таким образом, составлял 165 млн долл. Эти подсчеты предполагали продолжение британской субсидии на содержание греческой армии. Американские экономисты считали, что при таких расходах дефицит бюджета не может быть

покрыт даже за счет резкого увеличения налогов, которое спровоцирует еще большее уменьшение и так невысокого уровня жизни населения. Весь национальный доход Греции американцы оценивали приблизительно в 800 млн долл., и, таким образом, расходы бюджета должны были составить примерно половину национального дохода страны [27].

Представитель США в Комиссии по расследованию М. Этридж 17 февраля писал госсекретарю: «Советы чувствуют, что Греция, как созревшая слива, упадет им в руки в ближайшие недели». Описывая самыми мрачными красками ситуацию в стране, Этридж обращал внимание на угрожающее снижение боевого духа греческой армии, массовые случаи дезертирства, в том числе и факты перехода солдат на сторону партизан. При этом область, которую не контролировало правительство, продолжала увеличиваться. Все это дополнялось стремительным падением популярности афинского правительства, его вопиющей неэффективностью в решении проблем страны. Более того, падение Греции, считал Этридж, может спровоцировать коммунизацию не только Ближнего Востока, но и Италии и Франции [28]. Много позже в своем интервью Этридж вспоминал, что он вместе с Портером и Маквеем в феврале считали, что без американского вмешательства Греция может продержаться только 5 недель [29].

Портер 19 февраля писал госсекретарю, что стабилизация экономической и политической ситуации в Греции без американского вмешательства невозможна и есть угроза краха в ближайшее время [30]. На следующий день, 20 февраля, Маквей также призывал не терять время и в срочном порядке оказать Греции необходимую помощь. Посол считал, что с учетом только экономических и финансовых факторов крах Греции может произойти в ближайшие месяцы, однако растущий бандитизм в стране, слабость правительства и давление со стороны коммунистического блока могут еще более приблизить трагическую развязку [31].

Таким образом, Маквей, Портер и Этридж единым фронтом выступили за срочную выработку новой греческой политики, убеждая Вашингтонских политиков, что в случае отсутствия усилий с американской стороны крах Греции может наступить в ближайшие месяцы.

Тревожные сообщения Маквея, Портера и Этриджа были суммированы в меморандуме заместителя госсекретаря Д. Ачесона от 21 февраля 1947 г. «Греция – единственная балканская страна, – заключил Ачесон, – которая по-прежнему ориентируется на западные демократии. Если Греции не оказать срочную и непосредственную поддержку, то, вероятно, греческое правительство

будет свергнуто и к власти придет крайне левый тоталитарный режим». Дипломат писал, что капитуляция Греции из-за отсутствия адекватной поддержки со стороны США и Великобритании может привести к потере Западом Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки [32]. Госсекретарь Дж. Маршалл одобрил меморандум Ачесона и дал указание прорабатывать меры, необходимые для оказания помощи Греции [33].

22 февраля Портер сообщил в Вашингтон о дальнейшем стремительном ухудшении экономической ситуации. Высокая инфляция сопровождалась достижением новых рекордных значений бюджетного дефицита и исчерпанием запасов продовольствия [34].

24 февраля английский посол в Вашингтоне вручил заместителю госсекретаря Д. Ачесону две ноты, в которых говорилось, что Великобритания не имеет возможности нести бремя помощи Греции и Турции. По оценкам англичан, потребность Афин в иностранной валюте до конца 1947 г. оценивалась приблизительно в 250 млн долл. Ачесон полностью поддержал позицию Лондона в этом вопросе, ссылаясь на сообщения Маквея, Этриджа и Портера [35]. В тот же день госсекретарь Дж. Маршалл актуализировал греческий вопрос во время встречи с президентом, военным и военно-морским министрами [36]. Американские дипломаты были «шокированы серьезностью ситуации» [37]. Гендерсон впоследствии вспоминал, что в момент принятия решения о помощи Греции и Турции сотрудники Госдепартамента были уверены, что обнародование британского решения о прекращении помощи после 31 марта будет иметь тяжелые последствия и создаст серьезные трудности в сплочении греков перед лицом давления со стороны Советского Союза и его сателлитов [38].

В Вашингтоне началась работа по подготовке выступления президента в Конгрессе. США должны были помочь сохранению территориальной целостности и экономическому развитию Греции [39]. Председатель сенатского комитета по внешним отношениям А. Ванденберг считал, что «падение Греции, затем последующий коллапс Турции могут ускорить цепную реакцию, которая станет угрозой миру и безопасности на всей планете» [40].

Во время обсуждения различными американскими ведомствами вопроса о Греции и Турции Госдепартамент последовательно поддерживал идею оказания Соединенными Штатами помощи этим двум странам, считая, что в противном случае они станут советскими сателлитами. Руководители Госдепартамента пришли к выводу, что отказ Америки возложить на себя ответственность за финансовую и экономическую помощь этим странам может подтолкнуть Лондон к заключению с Москвой нового выгодного для Крем-

ля соглашения о разделе сфер влияния, которое не только бы ослабило позиции Великобритании в Средиземном море, но нанесло серьезный удар по американским интересам, означая усиление советских позиций в Средиземном море и, по сути, изоляцию США [41].

В этом ключе ситуация в Греции и Турции докладывалась президенту Г. Трумэну. В меморандуме президенту от 26 февраля госсекретарь Дж. Маршалл назвал ситуацию в Греции отчаянной [42]. Трумэн одобрил меры, предложенные Госдепартаментом по оказанию помощи двум государствам. Во время обсуждения вопроса членами администрации Ачесон предположил, что Москва, оказывая давление на Грецию, стремится изолировать Турцию и после этого получить Дарданеллы и другие турецкие территории. Греция, разоренная войной страна со слабой экономикой, неэффективным и некомпетентным правительством, рассматривалась американцами как своего рода «слабое звено» в цепи государств, ориентирующихся на Запад [43].

Заместитель госсекретаря Д. Ачесон во время встречи в Белом доме с лидерами Конгресса 27 февраля выдвинул теорию «инфицирования»: «Подобно тому, как яблоки в бочке испортятся при наличии хотя бы одного гнилого, Греция заразит Иран и весь Восток. Инфекция была бы также занесена в Африку через Малую Азию и Египет и в Европу через Италию и Францию...» [44] Речь Ачесона произвела большое впечатление на всех присутствовавших.

12 марта 1947 г. президент Г. Трумэн выступил перед объединенной сессией Конгресса с посланием, в котором попросил выделить в 1947–1948 финансовом году 400 млн долл. для оказания помощи Греции и Турции в связи с коммунистической угрозой. Газета «Нью-Йорк таймс» 12 марта писала, что с выступлением Трумэна в Конгрессе наступает новая эпоха в американской внешней политике. Цель займов, которые предоставляются США Греции и Турции, – дать возможность «выдержать растущее давление, оказываемое Россией и ее марионеточными государствами, стремящимися поглотить эти страны русской коммунистической волной». Советский Союз, заявляла газета, нарушил обязательства, данные в военное время, и принял политику «динамической экспансии», которая уже превратила половину Европы в советскую зону влияния и в настоящее время стремится распространить господство на остальную Европу, Средний Восток и Азию [45].

20 июня 1947 г. было подписано американо-греческое соглашение. В страну были направлены американские военные советники. В ноябре 1947 г. был создан объединенный греко-американский генеральный штаб. США взяли на себя содержа-

ние греческих вооруженных сил. До конца октября 1947 г. в Грецию было доставлено 74 тыс. тонн военных материалов [46]. В Греции работала также американская Объединенная группа советников и планирования. Между мартом 1947 и июнем 1949 г. ассигнования Греции составили примерно 400 млн долл. для военных целей и более 300 млн в качестве экономической помощи.

Выдвижение доктрины Трумэна служило серьезным сигналом Москве, и американцы надеялись, что это может изменить советскую греческую политику. Однако признаков каких-либо перемен советской тактики дипломаты не обнаруживали. 11 июля 1947 г. посол Маквей писал госсекретарю, что доктрина Трумэна ни в коей мере не изменила политику славянских коммунистических государств в отношении Греции [47].

В то же время Госдепартамент не видел непосредственной опасности большой войны и не считал, что Москва стремится ее развязать. Аналитики американского дипломатического ведомства придерживались мнения, что Советский Союз использует коммунистические партии для организации подрывных действий в зарубежных государствах с тем, чтобы погрузить стратегически выгодно расположенные государства в хаотическое состояние с перспективой установления подвластных Кремлю режимов [48].

В Вашингтоне по-прежнему не исключали возможность потери Греции и с августа 1947 г. прорабатывали план собственных действий в случае установления власти коммунистов в Афинах [49]. В представленном Отделом планирования политики Госдепартамента 18 сентября документе «Политика Соединенных Штатов в случае установления коммунистической власти в Греции» отмечалось, что, несмотря на недавнюю реорганизацию, греческое правительство остается слабым, греческую элиту пронизывает страх перед коммунистами, эгоизм и коррупция, его престиж невысок, а власть, по сути, не распространяется на некоторые районы Греции. Еще более усугубляет ситуацию прискорбное состояние греческой экономики, которое активно эксплуатируется коммунистической пропагандой.

Установление коммунистического господства в Греции может спровоцировать, считали аналитики отдела, рост пораженческих настроений у антикоммунистических сил в Европе и на Ближнем Востоке. В Вашингтоне склонялись к мнению, что победа коммунистов в Греции приведет к скорому торжеству их единомышленников в Италии, что, в свою очередь, будет оказывать влияние на Францию и Северную Африку. Если не принять адекватных мер противодействия, то крах Греции в скором времени мог привести к падению Турции и Ирана. Также потеря Греции будет интерпретирована как явный признак сла-

бости Америки, нанесет ущерб престижу Вашингтона и спровоцирует триумф антиамериканских и антизападных движений в Средиземноморье. Таким образом, без адекватных действий со стороны США все это нанесло бы серьезный удар по американским стратегическим позициям в Восточном Средиземноморье и сделало бы его уязвимым для советского проникновения.

В документе отмечалось, что установление контроля Кремля над Грецией означало бы изменение основ взаимоотношений СССР и западных держав, которые сложились после окончания Второй мировой войны и заключались в том, что ни одна из соперничающих сторон не пыталась расширить собственную зону военного и политического контроля за пределы территорий, достигнутых ее вооруженными силами в годы войны. В связи с этим особое значение приобретала возможная реакция США на установление коммунистического господства в Греции. Если Вашингтон не отреагирует на события в Греции, то Москва может попытаться установить контроль над всей Европой. Единственным эффективным американским ответом вследствие ограниченности политических инструментов, считал Отдел планирования политики, может стать наращивание военного присутствия в Средиземном море. Речь не шла о направлении американских войск непосредственно в Грецию, которое только сыграло бы в пользу коммунистов, позволив им обвинить империалистов в кровавом вмешательстве в греческие дела. К тому же участие американских войск в подавлении партизанского движения в Греции могло привести к боевым столкновениям с войсками московских сателлитов и даже с Советской армией. Соединенные Штаты же явно не были готовы к войне с Советским Союзом из-за Греции.

Кроме того, США намеревались использовать ООН как инструмент мобилизации мирового общественного мнения для обеспечения дополнительного давления на СССР, отстаивая позицию, что захват Греции извне является вызовом Объединенным нациям. Вашингтон весьма пессимистически оценивал эффективность экономической политики греческого коммунистического правительства и считал, что в связи с этим в стране будет расти недовольство новым режимом. Соединенные Штаты могли использовать эту ситуацию и содействовать организации антикоммунистического подполья и партизанского движения в стране. Американцы не собирались признавать новую коммунистическую власть в Афинах и планировали сохранять отношения с «законным» правительством, которое по возможности должно было оставаться на греческой территории [50].

В декабре посольство США в Греции констатировало некоторое улучшение обстановки. Дипломаты считали, что ситуация достигла «весьма

хрупкого равновесия». В то же время отмечалось, что «война нервов» коммунистического блока против Греции продолжается, как продолжается и поддержка северными соседями партизанского движения в стране, и нет оснований ожидать разгрома мятежа по крайней мере до конца 1948 г. [51]

В декабре 1947 г. на территории Свободной Греции было создано Временное демократическое правительство во главе с командующим ДАГ, членом Политбюро ЦК КПГ Маркосом Вафьядисом («генералом Маркосом»). Этот шаг греческих коммунистов ожидался в Вашингтоне. Особую озабоченность американцев вызывало возможное признание «хунты» Маркоса со стороны северных соседей Греции. Американский посол в Москве У. Смит в телеграмме госсекретарю высказал предположение, что Временное демократическое правительство не могло быть провозглашено без одобрения Кремля, но не считал неизбежным признание правительства Маркоса со стороны стран народной демократии [52].

Управление ближневосточных и африканских дел Госдепартамента во главе с Л. Гендерсоном придерживалось мнения, что в Грецию в случае необходимости следует послать американские войска. Специалисты отдела считали, что этот шаг станет политическим жестом, ясным сигналом Москве о готовности Вашингтона отстаивать свои интересы. Если же СССР в этом случае пойдет на вмешательство в конфликт, то будет ясно, что мировой коммунизм предпочитает развязывание новой войны отказу от агрессивной политики и США должны будут принять необходимые ответные меры в международном масштабе [53].

В начале 1948 г. Совет национальной безопасности несколько раз обсуждал греческий вопрос. Американская разведка докладывала СНБ, что хотя Советский Союз открыто не вмешивается в греческую гражданскую войну, но предоставляет «моральную и материальную помощь» коммунистическим повстанцам через своих сателлитов. В случае отсутствия американского противодействия Москве в Греции США это может привести к тяжелым психологическим и политическим последствиям. ЦРУ считало целесообразным американское присутствие в стране в объеме достаточном, чтобы предотвратить доступ СССР к Средиземноморью, не допустить прихода к власти в Италии коммунистов и установления советского доминирования в Иране и Иракском Курдистане [54].

6 января 1948 г. Совет одобрил директиву СНБ-5 «Позиция США в отношении Греции». Документ, который в первую очередь отражал позицию директора Управления ближневосточных и африканских дел Госдепартамента Л. Гендерсона, давал крайне жесткие оценки советской

политике в Греции. Коммунистическое движение в Греции рассматривалось как часть советской стратегии установления «мирового господства». Восточное Средиземноморье и Ближний Восток провозглашались регионами, жизненно важными для безопасности Соединенных Штатов, для защиты которых Вашингтон должен задействовать всю имеющуюся политическую, экономическую, а в случае необходимости и военную мощь. Установление советского контроля над любой из четырех стран (Италией, Грецией, Турцией и Ираном) расценивалось как прямая угроза безопасности США. Выдвигалось предположение, что Временное демократическое правительство может признать СССР или кто-либо из его сателлитов с целью облегчить оказание ему военной помощи. В этом случае возможна открытая помощь правительству Свободной Греции с целью установления контроля последнего над значительной частью территории страны. В директиве предлагалось направить американские войска в Грецию [55].

Через несколько дней в меморандуме госсекретарю Гендерсон обращал внимание на активизацию партизан в Греции, которые теперь использовали и артиллерию. Он сравнивал ее с пробиркой, за которой наблюдают другие народы с целью выяснить способность западных держав сопротивляться экспансии коммунизма. И если США допустят завоевание Греции, то другие народы сделают собственные выводы и возобладает неуверенность и разочарование. Невозможно спасти Европу, подчеркивалось в меморандуме, если ее народы будут убеждены в неготовности Вашингтона прибегнуть к силе для их защиты [56].

Позиция отдела планирования политики Госдепартамента в целом виде была изложена в сообщении от 10 января «Политика Соединенных Штатов в отношении Греции». Отдел во главе с Дж. Кеннаном выступил против точки зрения Л. Гендерсона о необходимости направления в Грецию американских войск, считая это предложение преждевременным [57]. Скепсис Кеннана относительно возможности отправки войск опирался на рассуждения, что «войти» американцы могут легко, а «выйти» будет гораздо сложнее. К тому же он считал, что отправка американских военных в Грецию создаст новый прецедент и могут быть поставлены вопросы о направлении войск в другие страны Средиземноморья и Ближнего Востока [58].

Однако вскоре рекомендация направить американские войска в Грецию была подвергнута сомнению. Госсекретарь Дж. Маршалл, который не присутствовал на заседании СНБ, выступил за изменение директивы. Военные ведомства также скептически отнеслись к идее отправки аме-

риканских войск. В итоге решением СНБ директива была возвращена для пересмотра [59]. 12 февраля был принят новый вариант документа СНБ-5/2. На заседании Совета последовательными противниками направления американских войск в Грецию выступили Дж. Маршалл и министр военно-морского флота Дж. Форрестолл. Этой же позиции придерживался Отдел планирования политики Госдепартамента во главе с Дж. Кеннаном [60]. В соответствии с новой директивой США для противодействия коммунистам в Греции следовало использовать все средства, кроме американских войск. Американская помощь Греции должна была продолжаться и после 30 июня 1948 г. [61] Документ был одобрен президентом Г. Трумэном.

Это положение было подтверждено директивой СНБ-5/3 от 25 мая 1948 г., в которой констатировалось улучшение перспектив преодоления греческого кризиса и говорилось о нецелесообразности направления американских войск в Грецию. К тому же в Вашингтоне отмечали, что помощь партизанам Маркоса оказывалась в меньших масштабах, чем можно было ожидать, и этот факт заставлял вновь задуматься об истинных целях советской политики [62].

По мнению американских аналитиков, советская политика складывалась, с одной стороны, из интересов мирового коммунизма, но с другой стороны, военной безопасности СССР. При этом приоритетом, безусловно, было второе. Соответственно, если Москва будет понимать, что последствием утверждения в Афинах коммунистического правительства станет появление американских авиабаз в Ливии и на острове Крит, то это заставит ее ограничить амбиции греческих коммунистов [63].

Вопрос о направлении американских войск вновь обсуждался Советом национальной безопасности в конце 1948 – начале 1949 г. Отдел внешнеполитического планирования констатировал в ноябре, что, несмотря на наращивание американской помощи и проведение ряда успешных военных операций против партизан, решающего успеха добиться не удалось из-за того, что несколько тысяч партизан имели возможность перейти границу с Албанией, а потом возвратиться для продолжения борьбы с правительственными силами. В итоге было подтверждено прежнее решение, что США должны воздержаться от отправки американских войск как в качестве символической силы, так и для участия в войсковых операциях [64].

В директиве СНБ № 42/1 «Цели США в отношении Греции и Турции для противодействия советской угрозе безопасности США», одобренной президентом Г. Трумэном 23 марта 1949 г., по-прежнему констатировалось, что «СССР стре-

мится к доминированию в Греции, используя греческие партизанские силы и пропаганду». Партизаны в Греции поддерживаются Советским Союзом и тремя его сателлитами. Ситуация усугублялась вследствие большой протяженности и горного характера границ Греции с советскими сателлитами, что осложняло подавление партизанского движения, а также из-за существенной помощи повстанцам со стороны стран народной демократии. Немаловажную роль играли истощение и уныние в Греции, которая пережила войну с Италией, немецкую оккупацию и гражданскую войну, скудность природных ресурсов, военные разрушения и отсутствие безопасности границ. Все это сделало невозможным для Греции противостоять без посторонней помощи угрозе ее существованию как свободного и демократического государства.

Совет констатировал, что военная и экономическая помощь США помешала установлению коммунистического господства в Греции. Вашингтон не был готов направить собственные войска в Грецию, но считал необходимым присутствие британских войск, даже в небольших количествах, ибо они выступают в роли сдерживающего фактора от вторжения в Грецию регулярных войск стран социалистического лагеря. В случае прекращения американской помощи предсказывалось резкое ухудшение экономической ситуации в Греции [65].

Весной 1949 г. Кремль предпринял попытку добиться урегулирования греческого конфликта по дипломатическим каналам. 4 мая во время беседы в Нью-Йорке с помощником госсекретаря США Д. Раском и руководителем британской делегации на Генеральной Ассамблее ООН Г. Макнилом заместитель министра иностранных дел А. А. Громыко сообщил о готовности Москвы начать обсуждение греческого вопроса в конфиденциальном порядке и озвучил предложения Москвы по урегулированию конфликта [66]. Однако предложения Громыко были восприняты американцами скорее как признак слабости. Американский поверенный в Советском Союзе Ф. Колер пришел к выводу, что цель СССР подчинить Грецию остается неизменной и в свете предложений Громыко. Однако Москва меняет тактику и теперь стремится открытый вооруженный гражданский конфликт преобразовать в классическую внутреннюю политическую борьбу, сохранив при этом руководящие кадры КПГ через проведение широкой амнистии [67].

Американский посол в Греции Г. Грейди в июне предполагал, что военная победа над партизанами приведет к переменам советской политики в отношении Греции и заставит Москву отказаться от притязаний на это государство. Прецедентом такого шага Кремля мог служить отказ СССР от

притязаний на Иранский Азербайджан в 1946 г. [68] В августе 1949 г. греческие коммунисты потерпели окончательное поражение. Гражданская война закончилась. Соединенные Штаты могли теперь записать себе в актив успех в «сдерживании коммунизма» в Греции.

Проблема адекватности американского восприятия «красной угрозы» Греции давно привлекает внимание историков. Рассекречивание части документов отечественных архивов позволило сделать вывод о том, что опасения американцев были явно преувеличены. Это подтверждает анализ советских планов послевоенного урегулирования, которые готовились в Народном комиссариате иностранных дел в 1943–1945 гг. [69] Как справедливо отмечает в новейшей статье Дж. Робертс, главным приоритетом Сталина была сфера советского влияния в Восточной Европе, в отношении же периферийных областей – Греции, Ирана и Турции – он придерживался сдержанности [70].

Таким образом, изучение американского восприятия коммунистической угрозы Греции позволяет сделать шаг вперед в процессе осмысления формирования враждебного восприятия Соединенными Штатами советской политики в начальный период холодной войны. К осени 1946 г. в Вашингтоне сложился консенсус в отношении оценок коммунистического давления на Грецию и Турцию, которое рассматривалось как доказательство экспансионистских замыслов Москвы, угрожающих интересам США в средиземноморском регионе. Американские дипломаты были очень встревожены советской политикой, в частности в Восточной Европе, где Москва с помощью грубой силы устанавливала марионеточные режимы. В Вашингтоне теперь были убеждены, что Советский Союз встал на путь агрессивного экспансионизма, который в конечном счете угрожал жизненным интересам безопасности США. Изменение настроений американского руководства вело к серьезным переменам в восприятии причин и возможных последствий греческой гражданской войны, которая теперь однозначно вписывалась в логику биполярной конфронтации с Москвой. Как отмечает Дж. Иатридес, после 1946 г. весь внешнеполитический аппарат Соединенных Штатов был твердо убежден, что гражданская война в Греции является одним из важнейших сражений разворачивающейся советско-американской конфронтации. Трактовки греческого конфликта как внутреннего или регионального были вытеснены из сознания американского дипломатического корпуса [71]. Кризис в Греции стал удобным поводом для выдвижения доктрины сдерживания коммунизма, которая вызревала в американском истеблишменте больше года.

«Групповое мышление» американской администрации в феврале 1947 г. привело к выдвижению доктрины Трумэна, которая стала концептуальной основой политики сдерживания советского экспансионизма. Чтобы убедить американский Конгресс и общественность в необходимости оказания помощи, Греция теперь изображалась как опора в защите западных государств от международного коммунизма, гражданская война в этой стране была объявлена главным полем битвы холодной войны [72]. Таким образом, в период греческого кризиса происходило обоснование и апробация американской политики противодействия экспансионизму Москвы.

Именно ситуация вокруг Греции привела американских дипломатов к идеям, которые несколько позже были названы «доктриной домино». Представление о том, что вслед за Грецией коммунистическим монстром будут поглощены и другие средиземноморские и ближневосточные государства, способствовало активизации американских усилий по укреплению собственных позиций в Восточном Средиземноморье и превращению государств «северного яруса» в один из ключевых передовых рубежей сдерживания коммунизма.

Примечания

1. *Iatrides J. O.* The International Dimension of the Greek Civil War / *J. O. Iatrides, N. X. Rizopoulos* // *World Policy Journal*. Vol. 17. № 1 (Spring, 2000). P. 87–103; *Iatrides J. O.* Greece at the Crossroads, 1944–1950 // *Greece at the Crossroads: the Civil War and its Legacy* / ed. by *J. O. Iatrides, L. Wrigley*. University Park, PA, 1995. P. 1–30; *Iatrides J. O.* George F. Kennan and the Birth of Containment. The Greek Test Case // *World Policy Journal*. Vol. 22. № 3 (Fall 2005). P. 126–145; и др.
2. *Iatrides J. O.* Perceptions of Soviet Involvement in the Greek Civil War, 1945–1949 // *Studies in the History of the Greek Civil War, 1945–1949* / ed. by *L. Baerentzen, J. O. Iatrides, O. L. Smith*. Copenhagen, 1987.
3. *Ibid.* P. 227–228.
4. *Iatrides J. O.* George F. Kennan and the Birth of Containment. P. 129.
5. *Iatrides J. O.* Perceptions of Soviet Involvement in the Greek Civil War 1945–1949. P. 229–230.
6. *Ibid.* P. 230–231.
7. *Ibid.* P. 231.
8. *Iatrides J. O.* The International Dimension of the Greek Civil War. P. 98–99; *Iatrides J. O.* Perceptions of Soviet Involvement in the Greek Civil War 1945–1949. P. 232.
9. *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers* (далее – FRUS). 1946. Vol. 7. P. 226–227; см. также: *Iatrides J. O.* Perceptions of Soviet Involvement in the Greek Civil War 1945–1949. P. 232.
10. *Iatrides J. O.* Perceptions of Soviet Involvement in the Greek Civil War 1945–1949. P. 233.
11. FRUS. 1946. Vol. 7. P. 209–213; см. также: *Kondis B.* Aspects of Greek-American Relations on the Eve of the Truman Doctrine // *Balkan Studies*. Vol. 19. 1978. № 2. Thessaloniki, 1978. P. 330.
12. FRUS. 1946. Vol. 7. P. 230–232.
13. *Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945–1950* / ed. by *Th. Etzold and J. L. Gaddis*. N. Y., 1978. P. 64–71; см. также: *Kunibolm B.* The Origins of the Cold War in the Near East: Great Power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey, and Greece. Princeton (N. J.), 1980. P. 369–371.
14. FRUS. 1946. Vol. 7. P. 235–236.
15. *Acheson D.* Present at the Creation. My Years in State Department. N. Y., 1969. P. 199.
16. Архив внешней политики РФ (далее – АВП РФ). Ф. 56. Оп. 9. П. 105. Д. 121. Л. 64.
17. Там же. Л. 59.
18. *Kondis B.* *Op. cit.* P. 333; *Dimitrakis P.* Greece and the English: British Diplomacy and the Kings of Greece. L.; N. Y., 2009. P. 62.
19. FRUS. 1946. Vol. 7. P. 240–245; см. также: *Kondis B.* *Op. cit.* P. 331–332.
20. FRUS. 1946. Vol. 7. P. 276–277; см. также: *Kondis B.* *Op. cit.* P. 337.
21. *Byrnes J. F.* Speaking Frankly. N. Y.; L., 1947. P. 294–295.
22. *Iatrides J. O.* Perceptions of Soviet Involvement in the Greek Civil War 1945–1949. P. 227.
23. Имеется обширная американская литература, посвященная феномену группового мышления: *Janis I. L.* Groupthink. Psychological Studies of Policy Decisions and Fiascoes. Boston, 1982; обзор исследований феномена группового мышления за 40 лет см.: *Rose J. D.* Diverse perspectives on the groupthink theory – a literary review // *Emerging Leadership Journeys*. 2011. Vol. 4. P. 37–57.
24. См., например: *Byrnes J.* All In One Lifetime. N. Y., 1958. P. 385. Дж. Бирнс отмечает, что, покидая в январе госдепартамент, он считал вывод британских войск неизбежным.
25. FRUS. 1947. Vol. 5. P. 16–17.
26. The Greek crisis. URL: http://www.foia.cia.gov/docs/DOC_0000969819/DOC_0000969819.pdf
27. FRUS. 1947. Vol. 5. P. 17–18.
28. *Ibid.* P. 23–24.
29. Oral History Interview with Mark F. Ethridge. Visited the Balkans to study the postwar situation for the U. S. Dept. of State, 1945; U.S. delegate to the U.N. Commission of Investigation to study the Greek border disputes, 1947; a U. S. representative on the U.N. Conciliation Commission for Palestine, 1949; and chairman of the U. S. Advisory Commission on Information, 1948–1950. P. 37. URL: <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/ethridge.htm>
30. FRUS. 1947. Vol. 5. P. 26.
31. *Ibid.* P. 28–29.
32. *Ibid.* P. 29–30; *Jeffery J. S.* Ambiguous Commitments and Uncertain Policies: The Truman Doctrine in Greece, 1947–1952. Lanham (Md.), 2000. P. 46; и др.
33. *Kunibolm B.* *Op. cit.* P. 408.
34. FRUS. 1947. Vol. 5. P. 40.
35. *Ibid.* P. 44–45; копии этих документов были переданы англичанами Л. Гендерсону еще 21 февраля. См.: Oral History Interview with Loy W. Henderson. Career in the US Department of State, 1922–60. Among many assignments served as Director, Near Eastern and African Affairs, 1946–48; Ambassador to India, 1948–51; and Ambassador to Iran, 1951–55. Washington, D.C. June 14, 1973; July 5, 1973; by Richard D. McKinzie. URL: <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/henderson.htm>. P. 76–77.
36. *Merrill D.* The Truman Doctrine: Containing Communism and Modernity // *Presidential Studies*

Quarterly. Vol. 36, № 1, Presidential Doctrines (Mar., 2006). P. 32.

37. Ibid. P. 31–32.

38. Oral History Interview with Loy W. Henderson. Career in the US Department of State, 1922–60. Among many assignments served as Director, Near Eastern and African Affairs, 1946–48; Ambassador to India, 1948–51; and Ambassador to Iran, 1951–55. Washington, D. C. June 14, 1973; July 5, 1973; by Richard D. McKinzie. URL: <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/henderson.htm>. P. 81–82.

39. См., например: *Acheson D.* Op. cit. P. 217–222; *Jeffery J. S.* Op. cit. P. 50; *Айриван Р. С.* Конгресс США и американская внешняя политика (1945–1952 гг.). Ростов н/Д, 2010. С. 84–87; *Kuniholm B.* Op. cit. P. 407–413; и др.

40. The Private Papers of Senator Vandenberg / ed. by A. H. Vandenberg, Jr. Westport (Conn.), 1974. P. 347.

41. FRUS. 1947. Vol. 5. P. 48–55.

42. Ibid. P. 58.

43. Ibid. P. 96–97.

44. *Acheson D.* Op. cit. P. 219; см. также: *Iatrides J. O.* The International Dimension of the Greek Civil War. P. 99; *Kuniholm B.* Op. cit. P. 411; *Yergin D.* Shattered Peace: The Origins of the Cold War and the National Security State. Boston, 1977. P. 281.

45. АВП РФ. Ф. 566. Оп. 10. П. 216. Д. 201. Л. 165.

46. Там же. Д. 202. Л. 309.

47. FRUS. 1947. Vol. 5. P. 225–226.

48. Ibid. P. 364.

49. *Miscamble W. D.* George F. Kennan and the Making of American Foreign Policy, 1947–1950. Princeton; N. J., 1992. P. 87.

50. The State Department Policy Planning Staff Papers / introd. by A. Kasten Nelson. Vol. I: 1947. N. Y., 1983. P. 91–101.

51. FRUS. 1947. Vol. 5. P. 440–442.

52. Ibid. P. 470–471.

53. Ibid. P. 458–459.

54. *Sale S. L.* The Shaping of Containment: Harry S. Truman, the National Security Council, and the Cold War. Saint James, N. Y., 1998. P. 38.

55. FRUS. 1948. Vol. 4. P. 2–7; The State Department Policy Planning Staff Papers / introd. by A. Kasten Nelson. Vol. II: 1948. N. Y., 1983. P. 6–14.

56. FRUS. 1948. Vol. 4. P. 9–12; The State Department Policy Planning Staff Papers. Vol. II. P. 15–19.

57. The State Department Policy Planning Staff Papers. Vol. II. P. 1–4; FRUS. 1948. Vol. 4. P. 21–24; *Miscamble W. D.* Op. cit. P. 89–90.

58. *Iatrides J. O.* George E. Kennan and the Birth of Containment. P. 133.

59. FRUS. 1948. Vol. 4. P. 27–28; *Miscamble W. D.* Op. cit. P. 90–91.

60. *Sale S. L.* Op. cit. P. 39–40; см. также: *Miscamble W. D.* Op. cit. P. 91.

61. FRUS. 1948. Vol. 4. P. 46–51.

62. Ibid. P. 93–95.

63. Containment: Documents on American Policy and Strategy. P. 122.

64. The State Department Policy Planning Staff Papers. Vol. II. P. 518–522; FRUS. 1948. Vol. 4. P. 205–208.

65. FRUS. 1949. Vol. 6. P. 269–279; *Sale S. L.* Op. cit. P. 100.

66. FRUS. 1949. Vol. 6. P. 303–309.

67. Ibid. P. 338–339.

68. Ibid. P. 353–354.

69. См., например: *Pechatnov V. O.* The Big Three after World War II: New Documents on Soviet Thinking about Post War Relations with the United States and Great Britain // Cold War International History Project. Working Paper. № 13. Wash.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 1995.

70. *Roberts G.* Moscow's Cold War on the Periphery: Soviet Policy in Greece, Iran, and Turkey, 1943–1948 // Российский электронный журнал «Мир истории». 2012. № 1. Режим доступа: <http://www.historia.ru/2012/01/roberts-01-2012.htm>

71. *Iatrides J. O.* Perceptions of Soviet Involvement in the Greek Civil War 1945–1949. P. 236–237.

72. См.: *Iatrides J. O.* The International Dimension of the Greek Civil War. P. 99.

УДК 94(470+497.1+73)"1944/1948"

А. А. Костин

ВОСПРИЯТИЕ СОЕДИНЁННЫМИ ШТАТАМИ СОВЕТСКО-ЮГОСЛАВСКИХ ОТНОШЕНИЙ в 1944–1948 гг.*

Автор охарактеризовал американское восприятие советской политики в Югославии в 1944–1948 гг., проанализировал его динамику и выявил факторы, определившие складывание тех или иных представлений американцев о югославских коммунистах и персонально И. Тито.

The author described the U. S. perceptions of Soviet policy in Yugoslavia in 1944–1948, analyzed its dynamics and identify the factors that determined the folding of Americans' representations about the Yugoslav Communists and Tito personally.

Ключевые слова: США, СССР, Югославия, взаимные представления, международные отношения, советско-югославский конфликт, Тито.

Keywords: USA, USSR, Yugoslavia, mutual submission, international relations, the Soviet-Yugoslav split, Tito.

Важной составляющей генезиса холодной войны явился процесс складывания конфронтационного мышления, в первые послевоенные годы ставшего характерным как для руководящей элиты, так и простого населения США и СССР. На формирование образа «противника» среди других факторов повлияло американское восприятие расширения советского влияния на Балканах. В Югославии проводником влияния Москвы явилась Коммунистическая партия (КПЮ) во главе с И. Брозом Тито.

* Статья подготовлена в рамках выполнения программы «Государственные задания высшим учебным заведениям на 2012 и на плановый период 2013 и 2014 годов в части проведения научно-исследовательских работ» ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», рук. В. Т. Юнгблуд

© Костин А. А., 2012

Югославские коммунисты руководили партизанским движением, преобразованным в конце 1942 г. в Народно-освободительную армию Югославии (НОАО). Весомый вклад в борьбу с оккупантами и освобождение ряда районов позволили партизанам заявить свои права на политическую власть. 30 ноября 1943 г. – как раз в период работы Тегеранской конференции – партизаны создают временное правительство – Национальный комитет освобождения Югославии (НКОЮ). Его председателем был избран Тито [1]. Таким образом, в Югославии появилась политическая сила, связанная с СССР и конкурентная эмигрантскому королевскому правительству, не имевшему к тому времени реальной власти в стране.

В результате восприятие Соединёнными Штатами советской политики в Югославии стало определяться отношением к югославским партизанам, к производимым ими преобразованиям и впоследствии к режиму Тито. Образы Кремля и его политики на Балканах, сложившиеся в сознании американцев в послевоенные годы, были помимо других факторов проекцией их оценочных суждений по поводу характера отношений между Москвой и югославскими коммунистами.

Эти оценки сформировались во второй половине 1943–1944 гг. В первую очередь американских аналитиков интересовал характер партизанского движения, степень влияния в нём коммунистов. До осени 1943 г. в Государственном департаменте преобладали негативные оценки партизан, их полное отождествление с коммунистами. Наиболее красноречиво об этом свидетельствует меморандум помощника главы Южноевропейского отдела К. Кэннона, адресованный 25 сентября специальному помощнику госсекретаря Дж. Макмюррею. Кэннон отказывался «доверять партизанам», которые, по его мнению, были не более чем просто «бандиты, коммунисты и тому подобное» [2]. В его словах слышится крайнее неприятие партизан. Однако необходимо учитывать, что в то время Вашингтон не имел достоверных сведений о ситуации в Югославии, получая их от эмигрантского королевского правительства и англичан.

С другой стороны, на американское восприятие целей и характера партизанского движения оказывали влияние давление советской стороны и пропагандистское соперничество различных сил югославской эмиграции [3]. Югославский посол в США К. Фотич свидетельствует, что «американцам было крайне трудно получить четкое представление о ситуации в Югославии, когда даже между официальными югославскими учреждениями были острые разногласия по этому вопросу» [4].

Первая независимая от англичан информация непосредственно из штаба Тито появилась в Вашингтоне в октябре 1943 г. Управление стратеги-

ческих служб (УСС) получило от американского наблюдателя при партизанском штабе майора Л. Фэриша «Предварительный отчёт о посещении Народно-освободительной армии Югославии». Фэриш подчеркнул военные заслуги партизан и их надежды на то, что Соединенные Штаты придут на помощь. Американский офицер подтвердил, что партизаны «всегда воевали с немцами и воюют теперь». Фэриш утверждал, что партизанские отряды «состоят не только из коммунистов», которые к тому же «не являются догматиками» [5].

В меморандуме от 28 октября, подготовленном для президента Ф. Рузвельта главой УСС У. Донованом, сообщалось, что «политической целью партизан является создание федеративной Югославии с правительством, созданным в результате демократических выборов. Эта цель является чрезвычайно популярной среди югославского населения. Нет никаких фактических оснований для утверждения коммунистической направленности партизанского движения. Такие политические убеждения характерны лишь для небольшой части рядовых партизан и их лидеров» [6].

Данные разведки оказали определённое воздействие на позицию Рузвельта, признавшего военные заслуги партизан. На Тегеранской конференции 28 ноября 1943 г. президент посчитал целесообразным «произвести десант в районе северной части Адриатического моря, с тем чтобы поддержать партизанские войска Тито, и затем наступать на северо-восток в Румынию для соединения с советскими войсками, наступающими из района Одессы» [7]. Присутствовавший на этом заседании А. Гарриман свидетельствует, что «именно Рузвельт, а не Черчилль поднял вопрос об ударе через Адриатику из Италии с целью соединения со сторонниками Тито в Югославии» [8].

Однако готовность президента к военному сотрудничеству с югославскими партизанами вовсе не означала согласия признать НКОЮ в качестве политической силы в Югославии. Все вопросы политического характера американская сторона откладывала до послевоенного урегулирования. Отношение Рузвельта к образованию альтернативного югославского правительства во главе с Тито полностью соответствовало генеральной линии неприятия «выскочек-военных», проявивших себя в борьбе с оккупантами и теперь претендующих на политическое признание. По словам Гарримана, детально обсуждавшего с президентом будущее Франции в связи с проблемой де Голля, у ФДР была «тщательно разработанная теория», согласно которой вместо навязывания освобождённой стране правления военного лидера следует создать возможность для самостоятельного выбора народом своего властного органа: «После освобождения территории госу-

дарства местное население избирает своих представителей, которые сообща конституируют национальное правительство» [9].

Поступавшая в Вашингтон информация о партизанском лидере и его связях с Кремлём по-прежнему была крайне противоречивой. Сообщение УСС от 17 января 1944 г. содержало сведения, полученные от французского информатора, имевшего в свою очередь тесные контакты с советскими дипломатами в Турции. В сообщении утверждалось, что Москва вначале была заинтересована в Тито, но позже стала считать его «полностью непригодным». Также говорилось, что в нужный момент партизанский лидер будет ликвидирован [10]. Вряд ли следует придавать серьёзное значение столь сомнительной информации. Однако эти сведения свидетельствуют об отсутствии у американцев достоверных данных о лидере югославских партизан.

4 апреля 1944 г. американский офицер при Верховном штабе НОАЮ майор Р. Вейл охарактеризовал личность партизанского лидера: «Несмотря на его известную связь с российским коммунизмом, большинство населения расценивает его в первую очередь как патриота и освободителя страны, и только потом как коммуниста». Он добавил пророчески: «Моё личное предположение – если ему придётся выбирать, в любом случае он выберет свою страну» [11]. Подобные оценки Тито и его движения давал и майор Ч. Тэйер, с октября 1944 г. до июля 1945 г. возглавлявший американскую военную миссию при штабе НОАЮ. Тэйер был шурином Ч. Болен, главы отдела Госдепартамента по делам Восточной Европы, затем помощника государственного секретаря. Болен ценил мнение майора, подчёркивавшего национализм югославских партизан, и не мог не прислушаться к его позиции [12].

В феврале 1944 г. Американский славянский конгресс представил общественности брошюру, озаглавленную «Программа Тито». Она содержала следующие основные моменты: 1. Освобождение страны от оккупации. 2. Неприкосновенность частной собственности и полная свобода инициативы в экономической деятельности. 3. Никаких радикальных изменений в социальной сфере. Все важные вопросы в социальной жизни после войны должны решаться представителями народа, честно и свободно избранными. 4. Партизанскому движению, борющемуся за свободу народа, за социальные и демократические права, чужда любая форма насилия и беззакония» [13]. Более сдержанный и умеренный документ трудно было представить. Если кто-нибудь в Государственном департаменте или УСС в результате этой мастерски организованной кампании в поддержку партизан приобрёл расположение к Тито, его симпатия не имела ничего общего с симпатией к коммунизму.

Однако в Южноевропейском отделе Госдепартамента сохранялись антипартизанские настроения и выражалось недовольство политикой англичан, решившихся на более тесное сотрудничество с главой НКОЮ. 10 апреля 1944 г. на встрече с чиновником УСС Б. Ярроу Кэннон выразил мнение сотрудников его отдела, что Лондон «не смог осадить Тито на более умеренные позиции», а вместо этого лишь укрепил положение коммунистического лидера, распространяя «раздутые» оценки силы партизан» [14].

На позицию американского внешнеполитического истеблишмента оказывала влияние информация о тесных контактах НКОЮ с Кремлём [15]. Официально начало широким контактам югославских партизан с Москвой положило установление официального канала связи между советским правительством и Национальным комитетом освобождения Югославии. 23 февраля 1944 г. в Югославию прибыла военная миссия во главе с генералом Н. В. Корнеевым. В отличие от миссий англо-американских союзников она была аккредитована не только при Верховном штабе НОАЮ, но и непосредственно при НКОЮ [16]. Последнее свидетельствовало о готовности Кремля признать Национальный комитет освобождения Югославии действующим правительством вместо эмигрантского королевского кабинета.

Это подтвердила и поездка Тито в Москву 21–28 сентября 1944 г., состоявшаяся накануне вступления Красной Армии на территорию Югославии [17]. Она продемонстрировала Вашингтону взаимную заинтересованность Москвы и югославских партизан друг в друге. Опираясь на военную и дипломатическую поддержку Советского Союза, Тито завоёвывал политическую власть в стране, а Кремль через югославских коммунистов расширял влияние на Балканах и потенциально в Восточном Средиземноморье.

Соглашение между НКОЮ и правительством СССР об участии советских войск в освобождении югославской территории [18] создало своего рода прецедент международного признания Тито. Одна из держав Антигитлеровской коалиции, игнорируя эмигрантский королевский кабинет, заключила соглашение непосредственно с альтернативным правительством, созданным на территории страны, оказала ему помощь в освобождении столицы и передала значительное количество вооружения. Присутствие советских вооружённых сил в Югославии Государственный департамент в январе 1945 г. назвал «важным фактором», который американцам неизбежно пришлось учитывать при выработке политики в отношении СССР и Югославии [19].

После того как Белград оказался под контролем партизан, восприятие главы КПЮ в Вашингтоне стало однозначным. «Резюме по основным

югославским проблемам», подготовленное в Государственном департаменте по окончании Ялтинской конференции, гласило: «Маршал Тито и его сторонники в последние недели не проявляют настроенности на сотрудничество или даже обыкновенной вежливости. Все показатели свидетельствуют о намерении партизан установить тоталитарный режим и законодательно утвердить свою власть» [20].

7 марта 1945 г. произошла легитимация НКЮЮ путём включения в него членов эмигрантского кабинета. Став премьером нового коалиционного правительства, Тито отправился в Москву, где 11 апреля заключил советско-югославский договор «О дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве» [21]. Такое развитие событий сформировало в восприятии Вашингтона образ Югославии как подконтрольного Москве государства. Помощник директора УСС Э. Бакстон в сообщении своему шефу У. Donovanу 1 мая 1945 г. отметил, что «Югославия в руках русских и будет делать так, как последние ей скажут» [22]. Отныне США рассматривали свою политику в отношении «новой Югославии» в русле задач американо-советских отношений.

Жёсткую оценку Тито и его режиму дал известный дипломат и советолог Дж. Кеннан. Он критиковал сотрудников Государственного департамента за то, что они подвергали сомнению его уверенность в «не представительности» режима югославского маршала. 3 декабря 1945 г. Кеннан записал в своём дневнике: «Мы же не интересуемся сейчас, имеет Сталин поддержку большинства населения или нет. Поэтому не логично по-иному оценивать правительство, подобное московскому. Тито – вне всякого сомнения – человек марксистской подготовки. В отношениях с капиталистическим миром он будет действовать исходя из интересов коммунистической революции» [23].

В 1946–1947 гг. шаги нового югославского режима вызывали резкую критику со стороны Запада. После казни 17 июля 1946 г. лидера четников Д. Михайловича Тито стал объектом ненависти. Карикатуры изображали его с фигурой Г. Геринга, авторы многих газетных передовиц называли югославского лидера «сталинской марионеткой» [24]. 27 сентября 1946 г. исполняющий обязанности госсекретаря У. Клейтон в заявлении прессе охарактеризовал политику правительства Тито как антидемократическую [25], а в газете «Нью-Йорк Таймс» утверждалось, что его режим не имеет искренней поддержки населения и является воплощением диктатуры [26]. Посол в Белграде Р. Паттерсон в сообщении государственному секретарю 1 октября резюмировал: «Продолжающиеся враждебные действия югославского правительства по отношению к

Америке... представляют собой угрозу агрессивных военных действий против Триеста и Салоник, а косвенно или даже напрямую против западных держав» [27].

Военное руководство Соединённых Штатов рассматривало ФНРЮ потенциальным противником в возможном вооружённом столкновении «западных демократий» с коммунистическим миром. План войны против СССР, принятый 18 июня 1946 г. под кодовым названием «Пинчер» [28], исходил из того, что спусковым механизмом вооружённого столкновения может стать агрессия со стороны советских сателлитов. При изучении стратегических проблем в учебных заведениях армии США Югославия в тот период считалась наиболее вероятным местом будущего конфликта [29].

Основной причиной подобных оценок было доминирование идеологических установок в сознании большей части сотрудников внешнеполитического и военного ведомств США. На их основе утвердившийся в Югославии режим воспринимался не иначе как коммунистический и тоталитарный, а сам югославский лидер – как ставленник Кремля. Такой образ долгое время не позволял американцам увидеть способность Тито иметь собственное мнение, отличное от воли Сталина, и его особое положение среди других лидеров просоветских правительств стран Восточной Европы.

В «длинной телеграмме» госсекретарю 22 февраля 1946 г. поверенный в делах США в СССР Дж. Кеннан констатировал, что пропагандистская машина и практическая политика югославского правительства «предоставлены в распоряжение СССР» [30]. 22 октября 1946 г. Кеннан выразил восприятие югославского лидера американским руководством. Он сравнил Тито с «охотничьей собакой, которая настолько хорошо обучена команде “к ноге”, что нет никакой нужды в поводке» [31]. Внешнеполитические акции Белграда ассоциировались в Вашингтоне исключительно с установками Москвы.

Но были и иные оценки нового югославского режима. В 1946 г. в работе «Куда мы идем?» С. Уэллес, до сентября 1943 г. являвшийся первым заместителем государственного секретаря, подчеркнул своеобразие югославской ситуации, обратив внимание на исключительность авторитета Тито в стране: «Нет никаких сомнений, что новое правительство имеет много больше народной поддержки, чем правительства, пришедшие к власти в других освобождённых от оккупации странах». Уэллес выразил уверенность в том, что контроль Кремля «не сохранится долго, если только советское правительство не намерено силой интегрировать Югославию в закрытую советизированную систему» [32].

Эти отчасти пророческие слова в начале 1947 г. нашли поддержку у поверенного в делах США в ФНРЮ Дж. Кэбота. 15 февраля 1947 г. в донесении госсекретарю Кэбот подчеркнул: «Важно не захлопнуть дверь перед лицом Тито и не оскорблять бессмысленно национальные чувства югославов. Я полагаю, наша политика в расчёте на длительную отдачу должна быть направлена на то, чтобы склонить югославское правительство быть восприимчивым прежде всего к желанию и потребностям людей, а не к советским директивам» [33]. Это был первый шаг на пути осознания американцами высокой степени готовности Тито к проведению политики, независимой от воли Кремля.

Однако призывы Кэбота не были услышаны в Вашингтоне и остались редким исключением из общей картины американского восприятия «новой Югославии» как форпоста советской политики на Балканах. 12 марта 1947 г. президент Г. Трумэн запросил у Конгресса 400 млн долларов на оказание помощи Греции и Турции. Он заявил, что без такой помощи невозможно противостоят иностранному вмешательству в греческие дела со стороны её северных соседей – Албании, Болгарии и Югославии [34]. Последствиями сближения этих трёх балканских стран американцы считали поглощение Албании Югославией, предъявление югославо-болгарской федерацией претензий на греческую часть Македонии и под этим предлогом прямое коммунистическое вмешательство в гражданскую войну в Греции [35].

Сформировавшийся ещё в начале 1945 г. образ Югославии как ключевого советского сателлита впервые был подвергнут сомнению лишь летом 1948 г. Причиной стала принятая 23 июня резолюция Коминформа «О положении в коммунистической партии Югославии», делавшая Тито и его соратников изгоями в коммунистическом движении. Руководство КПЮ обвинялось в отходе от марксистско-ленинских идей и переходе на позиции национализма. Начавшийся конфликт между Тито и Сталиным вынудил Вашингтон внести коррективы в американское восприятие югославского режима. 30 июня глава Отдела политического планирования Госдепартамента Дж. Кеннан представил доклад «Отношение правительства США к событиям в Югославии» [37]. С одной стороны, Кеннан по-прежнему оценивал ФНРЮ как «коммунистическое государство, преданное идеологии враждебности и презрения к буржуазному, капиталистическому миру», подчеркнув, что Тито в одиночку не превратился в «друга» [38]. С другой стороны, Югославия стала рассматриваться как пример государства, осмелившегося послушаться воли Москвы [39]. Отныне допускалось, что Белград может занять лояльную по от-

ношению к Соединённым Штатам позицию и сотрудничать с ними [40].

Пересмотр американской позиции пока был крайне незначителен. Ошибочно считать, что июньская резолюция Второго совещания Коминформа 1948 г. привела к коренному изменению американского отношения к Тито. Ответственный за балканские дела член Отдела планирования политики Дж. Кэмпбелл утверждает, что вплоть до разрыва советско-югославских отношений 28 сентября 1949 г. [41] американскому посольству в Белграде было крайне трудно убедить Вашингтон в серьёзности конфликта между ВКП(б) и КПЮ и добиться каких-либо серьёзных подвижек в югославской политике Соединённых Штатов. Ч. Болен призывал проявить осторожность и занять выжидательную позицию: «Давайте просто наблюдать за этим. Это нас не касается, и не наше дело вмешиваться в эту ссору» [42]. По свидетельству Кэмпбелла, в югославской политике США «сохранялась сильная инерция, трудно было заставить Госдепартамент изменить хоть что-нибудь. ...Многие аспекты конфликта... между Советским Союзом и Югославией всё ещё оставались сокрытыми от наших глаз» [43].

Лишь в феврале 1949 г. в Отделе политического планирования оценили значение начавшегося советско-югославского конфликта. В документе «Экономические отношения между Соединёнными Штатами и Югославией» от 10 февраля 1949 г. Кеннан назвал югославский режим «разрушительной силой, осуществляющей эрозию внутри сферы влияния Кремля» [44]. «Как бы мы не относились к Тито, – объяснял руководитель Отдела планирования политики, – он теперь действует в наших интересах, эффективно атакуя советский империализм изнутри. Тито, пожалуй, наш самый ценный актив в борьбе за сдерживание и ослабление русской экспансии. Он должен иметь возможность своим вариантом коммунизма доказать, что восточноевропейская страна может выйти из-под контроля Москвы и при этом успешно развиваться» [45]. Вашингтон изменил своё восприятие роли Югославии среди «стран народной демократии», но при этом сохранил своё осторожно-недоверчивое отношение к югославским коммунистам и их лидеру.

8 декабря 1949 г. Совет национальной безопасности принял документ «Политика Соединённых Штатов в отношении советских сателлитов в Восточной Европе». В нём были выражены американские надежды на расширение «коммунистической реформации», начатой Тито. Югославскому лидеру отводилась роль главы антисталинской фракции в коммунистическом мире [46]. При этом, под влиянием ЦРУ [47], члены СНБ трезво оценили возможности развития отношений За-

пада с Югославией: «Давайте не будем обманывать себя, думая, что Тито будет расположен к нам... Лучшее, на что мы можем надеяться, – что Тито, преследуя собственную выгоду, будет вести двойную игру...» [48]

Восприятие Соединёнными Штатами советско-югославских отношений в 1944–1948 гг. было основано на американских оценках коммунистического руководства югославских партизан, сформировавшихся в течение 1944 – первой трети 1945 г. Если во второй половине 1943 – начале 1944 г. Госдепартамент и УСС ещё ставили под сомнение коммунистический характер партизанского движения и верность Тито и его окружения интересам Москвы, то в течение следующего года Вашингтон окончательно утвердился во мнении, что югославские коммунисты являются ставленниками Кремля. Подобные оценки во многом были результатом восприятия советской политики в других странах Восточной Европы. Сформировавшиеся установки оказались настолько сильными, что американские аналитики проигнорировали очевидный факт: Тито и его соратники отличались от других лидеров просоветских правительств, пришедших к власти в странах Восточной Европы во многом благодаря присутствию на их территории советских войск. Югославские коммунисты, возглавившие партизанское движение, завоевали авторитет у населения в ходе освободительной борьбы ещё до вступления в Югославию частей Красной Армии. Советские войска, оказав партизанам помощь в освобождении Белграда, покинули территорию страны.

Однако два визита Тито в Москву в сентябре 1944 г. и в апреле 1945 г. сформировали у американцев стойкое убеждение в том, что действиями Тито руководит Кремль. С апреля 1945 г. по июнь 1948 г. новый югославский режим рассматривался в Вашингтоне не иначе как инструмент реализации интересов СССР в балканском регионе. Поэтому выходящие за рамки общепринятых оценки находящегося в отставке С. Уэллеса и посла в Белграде Дж. Кэбота не были услышаны в Государственном департаменте. Даже резолюция Коминформа, осудившая руководство КПЮ, не привела к радикальному изменению американского восприятия связей Тито с Москвой. Хотя следует признать, что начавшийся советско-югославский конфликт вызвал пристальное внимание Отдела политического планирования и лично его главы Дж. Кеннана. Убедившись в серьёзности конфликта, в 1949 г. американцы изменили своё отношение к роли Югославии в коммунистическом мире, но сохранили своё идеологическое неприятие режима Тито. Главе ФНРЮ стала отводиться роль лидера возможной фракции коммунистических правительств, способных выйти из-под контроля Москвы. Та-

ким образом, американское восприятие изменившегося характера советско-югославских отношений явилось неотъемлемой частью складывания конфронтационного мышления руководства США и СССР на этапе становления холодной войны.

Примечания

1. *Auty Ph.* Tito: A Biography. N. Y., 1970. P. 229–231.
2. *Buchanan A.* “We Have Become Mediterraneanites”. Washington’s Grand Strategy in the Mediterranean, 1940–1945. A Dissertation (Ph.D.). New Brunswick, 2011. P. 456.
3. О пропагандистской кампании пропартизански настроенных деятелей югославской эмиграции в США см. подробнее: *Юнгблюд В. Т., Костин А. А.* Политика США в Югославии в 1941–1945 гг. Киров, 2004. С. 69–72.
4. *Fotitch C.* The War We Lost. Yugoslavia’s Tragedy and the Failure of the West. N. Y., 1948. P. 188.
5. Foreign Relation of the United States. Diplomatic Papers (далее – FRUS). 1943. The Conferences at Cairo & Tehran. Wash., 1961. P. 606–615; *Harriman A. & Abel E.* Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941–1946. N. Y., 1975. P. 260; *Ford K.* OSS and the Yugoslav Resistance, 1943–1945. College Station, 1992. P. 34; *Ambassador MacVeagh Reports: Greece, 1933–1947* / ed. by J. Iatrides. Princeton, 1980. P. 405.
6. Memorandum for the President, 28 October 1943 // CIA: Library: Center for the Study of Intelligence: Studies Archive Indexes: Memoranda for the President: From Peter to Tito. URL: https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/kent-csi/vol9no2/html/v09i2a07p_0001.htm.
7. FRUS. 1943. The Conferences at Cairo & Tehran. P. 493, 503; Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: сб. док. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трёх союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 дек. 1943 г.). М., 1978. С. 99; *Eubank K.* Summit at Teheran. N. Y., 1985. P. 443; *Burns J.* Roosevelt: The Soldier of Freedom. N. Y., 1970. P. 408. Подробнее о предложении Рузвельта, его окончательной позиции и факторах её обусловивших см.: *Юнгблюд В. Т., Костин А. А.* Указ. соч. С. 103–113.
8. *Harriman A. & Abel E.* Op. cit. P. 267.
9. *Ibid.* P. 228.
10. *Ford K.* Op. cit. P. 167.
11. *Murphy R.* Diplomat among Warriors. The Unique World of a Foreign Service Expert. N.Y., 1964. P. 221; *Ambassador MacVeagh Reports*. P. 478; FRUS. 1944. Vol. IV: Europe. Wash., 1966. P. 1355–1357; *Roberts W.* Tito, Mihailovich and the Allies, 1941–1945. New Brunswick, 1973. P. 212–213.
12. *Boblen Ch.* Witness to History, 1929–1969. N. Y., 1973. P. 18.
13. *Adamic L.* Dinner at the White House. N. Y., 1946. P. 405–423.
14. *Buchanan A.* Op. cit. P. 458.
15. *Ford K.* Op. cit. P. 167.
16. *Гиренко Ю. С.* Сталин – Тито. М., 1991. С. 184; *Гибианский А. Я.* Советский Союз и новая Югославия. 1941–1947. М., 1987. 85–86.
17. *Гиренко Ю. С.* Указ. соч. С. 224–230; *Гибианский А. Я.* Указ. соч. 111–114.
18. FRUS. 1944. Vol. IV. P. 1410; Советско-американские отношения во время Великой Отечественной

- войны, 1941–1945: док. и материалы: в 2 т. Т. 2. М., 1984. С. 218; Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: док. и материалы: в 2 т. Т. 2. М., 1983. С. 179; Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: док. и материалы: в 3 т. Т. 2: 1 января – 31 декабря 1944 г. М., 1946. С. 236; *Tomasevich J.* War and Revolution in Yugoslavia, 1941–1945: The Chetniks. Stanford, 1975. P. 417–424.
19. FRUS. 1945. Vol. V: Europe. Wash., 1967. P. 1192.
20. FRUS. 1945. Malta & Yalta. Wash., 1955. P. 262–265; *Delzell Cb.* Russian Power in Central-Eastern Europe // The Meaning of Yalta. Big Three Diplomacy and the New Balance of Power. Baton Rouge, 1958. P. 101.
21. Voices of History. 1945–1946. Speeches and Papers of Roosevelt, Truman, Churchill, Attlee, Stalin, De Gaulle, Chiang and Other Leaders. Delivered During 1945. N. Y., 1946. P. 144–145; Советско-югославские отношения, 1945–1956: док. и материалы. Новосибирск, 2010. С. 10–12.
22. *Brown A.* The Last Hero: Wild Bill Donovan. N. Y., 1982. P. 640.
23. *Kenan G.* Memoirs: 1925–1950. Boston; Toronto, 1967. P. 255–256.
24. *Потехин А. В.* Дипломатия США в Восточной Европе. 1945–1950 гг. Киев, 1991. С. 77.
25. FRUS. 1946. Vol. VI: Eastern Europe, the Soviet Union. Wash., 1969. P. 961; *Потехин А. В.* Указ. соч. С. 78.
26. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 56. Оп. 9. П. 172. Д. 504. Л. 16.
27. FRUS. 1946. Vol. VI. P. 963.
28. The Papers of Dwight David Eisenhower. Vol. VII: The Chief of Staff / ed. by A. Chandler and L. Galambos. Baltimore; L., 1978. P. 1157–1159; *Schnabel J.* The History of the Joint Chiefs of Staff. Vol. I. Wilmington, 1979. P. 158.
29. *Krieger W.* American Security Policy in Europe before NATO // NATO: the Founding of the Atlantic Alliance and the Integration of Europe / ed. by F. Heller and J. Gillingham. N. Y., 1992. P. 120.
30. FRUS. 1946. Vol. VI. P. 704; *Kenan G.* Op. cit. P. 555; Системная история международных отношений: события и документы: 1918–2003 / под ред. А. Д. Богатурова. Т. 4: Документы. 1945–2003. М., 2004. С. 41; Длинная телеграмма Дж. Кеннана // Международная жизнь. 1990. № 11. С. 145; *Kenan Дж.* Дипломатия второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М., 2002. С. 465.
31. Цит. по: *Stephanson A.* Kennan and the Art of Foreign Policy. Cambridge; L., 1989. P. 89.
32. *Welles S.* Where Are We Heading? N. Y.; L., 1946. P. 154–155.
33. FRUS. 1947. Vol. IV: Eastern Europe. The Soviet Union. Wash., 1972. P. 763–764; *Потехин А. В.* Указ. соч. С. 79.
34. Public Papers of the Presidents of the United States, Harry S. Truman. 1947. Wash., 1963. P. 177–179, 239; История США. Хрестоматия: пособие для вузов / сост. Э. А. Иванян. М., 2005. С. 268; Системная история международных отношений. Т. 4. С. 60.
35. Балканский узел, или Россия и «югославский фактор» в контексте политики великих держав на Балканах в XX веке. М., 2005. С. 275–276.
36. Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949: док. и материалы. М., 1998. С. 455–461; Советско-югославские отношения. 1945–1956. С. 318–324.
37. *Miscamble W.* George F. Kennan and the Making of American Foreign Policy, 1947–1950. Princeton, 1992. P. 190.
38. FRUS. 1948. Vol. IV: Eastern Europe. The Soviet Union. Wash., 1974. P. 1079; The State Department Policy Planning Staff Papers. Vol. II: 1948. N. Y.; L., 1983. P. 317–318.
39. FRUS. 1948. Vol. IV. P. 1080; The State Department Policy Planning Staff Papers. Vol. II: 1948. P. 318.
40. *Miscamble W.* Op. cit. P. 192; *Mitrovich G.* Undermining the Kremlin: America's Strategy to Subvert the Soviet Bloc, 1947–1956. Ithaca; L., 2000. P. 37–38; *Райкова В. А.* «Доктрина сдерживания» в контексте политической философии и деятельности Дж. Ф. Кеннана (1930–1980-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. С. 193–195.
41. Советско-югославские отношения. 1945–1956. С. 462.
42. *McKinzie R.* Oral History Interview with John C. Campbell, New York, June 24, 1974 // Harry S. Truman. Library & Museum. URL: <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/campbell.htm>.
43. Ibid.
44. The State Department Policy Planning Staff Papers. Vol. III: 1949. N. Y.; L., 1983. P. 18; FRUS. 1949. Vol. V: Eastern Europe; the Soviet Union. Wash., 1976. P. 866.
45. The State Department Policy Planning Staff Papers. Vol. III: 1949. P. 20.
46. FRUS. 1949. Vol. V. P. 51; Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945–1950 / ed. by Th. Etzold and J. L. Gaddis. N. Y., 1978. P. 220; Главный противник: документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг. М., 2006. С. 230.
47. *Miscamble W.* Op. cit. P. 207.
48. FRUS. 1949. Vol. V. P. 49; Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945–1950. P. 218; Главный противник: документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг. С. 228.

Д. В. Ильин

**ВОСПРИЯТИЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
АМЕРИКАНСКИМИ ПАРЛАМЕНТАРИЯМИ
И ПРОЛОНГАЦИЯ АКТА О ЛЕНД-ЛИЗЕ
(1943–1945 гг.)***

В статье рассматривается влияние советского фактора на принятие Конгрессом США решений о продлении программы ленд-лиза. Автор показывает, что по мере приближения конца Второй мировой войны вопрос о помощи СССР всё более приобретал политический, а не военный характер.

The article examines the influence of the Soviet factor in adoption by the U. S. Congress decisions to extend the Lend-Lease program. The author shows that as the end of the Second World War, the question of aid to the USSR acquired more political than military.

Ключевые слова: ленд-лиз, Конгресс США, американо-советские отношения, послевоенное сотрудничество.

Keywords: Lend-lease, U.S. Congress, American-Soviet relations, postwar cooperation.

Программа поставок по закону «Об укреплении обороны США», более известная как ленд-лиз, является одной из самых примечательных страниц истории взаимоотношений СССР и США. Ленд-лизу суждено было стать и ярким примером широкомасштабного сотрудничества двух государств с различными политическими и экономическими системами, и источником политических противоречий в послевоенный период. Задуманный как средство оказания помощи союзникам без втягивания Америки в войну, ленд-лиз после вступления США в конфликт «стал гигантским «снабженческим резервуаром», в который каждое из союзнических государств вливало по возможности свои ресурсы и брало то, что было ему необходимо для ведения войны» [1]. Поставки США не были абсолютно безвозмездными, как может показаться на первый взгляд, и как минимум предусматривали частичный возврат материалов. К примеру, советско-американское соглашение, подписанное в июне 1942 г. госсекретарём К. Хэллом и послом М. М. Литвиновым, предусматривало возврат сохранившихся после окончания боевых действий

оборонных материалов американской стороне [2]. Указанное обстоятельство вкуче с задолженностью за материалы, отгруженные после окончания войны, стало в послевоенный период источником длительных разногласий в отношениях Москвы и Вашингтона [3].

История разработки программы ленд-лиза, включение в неё Советского Союза, механизмы доставки грузов в условиях военного времени получили достаточно широкое освещение как в отечественной [4], так и в зарубежной научной литературе [5]. Наибольшие расхождения историков вызывал вопрос о роли союзнической помощи в советских победах. Зарубежные исследователи, особенно в 1950–1960-е гг., зачастую были склонны преувеличивать роль американской техники и военных материалов в достижении общей победы. Справедливо утверждение Д. Херринга о возникшей у отдельных авторов иллюзии, согласно которой Советский Союз будто бы получил основную часть своих вооружений от США и якобы только это обеспечило его спасение [6]. Как отмечает А. В. Поздеева, на современном этапе большинство западных историков не отрицает скромное место поставок по ленд-лизу на фоне советского промышленного производства, но подчёркивает важную роль отдельных наименований зарубежной военной продукции в укреплении боеспособности советских войск [7].

Данная статья посвящена малоизученному аспекту истории ленд-лиза – механизму принятия решений о пролонгации законодательства ленд-лиза, в функционировании которого важную роль играли не только органы исполнительной власти США, но и Конгресс. Как воспринималась и оценивалась помощь заокеанскому союзнику в кругах сенаторов и конгрессменов на завершающих стадиях войны? Какие мотивы были доминирующими в действиях Конгресса? Как стратегическая обстановка на фронтах и конкретные проблемы взаимоотношений двух государств влияли на содержание законодательства? В настоящей работе автор пытается дать ответы на эти вопросы.

Акт о ленд-лизе (H. R. 1776), подписанный президентом Ф. Д. Рузвельтом 11 марта 1941 г., завершал своё действие в конце июня 1943 г. Поэтому на втором году участия в боевых действиях перед американским руководством встал вопрос о новом законодательстве о ленд-лизе. Успех республиканской оппозиции на выборах 1942 г. придавал продлению ленд-лиза особую остроту [8]. В администрации не сомневались в положительном исходе голосования по новому закону, однако стремились избежать длительных дебатов, которые в условиях военного времени выглядели неуместными [9].

* Статья подготовлена в рамках выполнения программы «Государственные задания высшим учебным заведениям на 2012 и на плановый период 2013 и 2014 годов в части проведения научно-исследовательских работ» ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», рук. В. Т. Юнглоу

Спокойное рассмотрение нового билля чуть не было поставлено под угрозу действиями американского посла в Москве У. Стэндли. Он был весьма раздосадован нежеланием советского руководства сделать официальное заявление о важности американских и британских поставок для боевых действий на Восточном фронте. Последней каплей стало выступление И. В. Сталина, приуроченное к Дню Советской Армии и военно-морского флота. В нем советский лидер не просто ничего не сказал о помощи по программе ленд-лиза, но дополнительно подчеркнул, что СССР в одиночку несет всю тяжесть войны с Германией. 8 марта Стэндли созвал в здании посольства пресс-конференцию для американских журналистов, на которой обвинил советское руководство в стремлении создать видимость того, будто ведёт войну в одиночку, а также в преднамеренном сокрытии фактов американской помощи от общественности СССР [10].

Отдельно глава дипломатической миссии затронул вопрос о продлении программы ленд-лиза американскими законодателями. Стэндли подчеркнул, что Конгресс «великодушен и щедр» и он всегда окажет союзнику требуемую помощь, если будет уверен, что эта помощь действительно полезна. В противном случае, предупреждал посол, Конгресс «может занять другую позицию» [11].

Реакция официальных лиц как в Москве, так и в Вашингтоне не заставила себя ждать. На следующий день, 9 марта, Стэндли был приглашён к В. М. Молотову. Советский нарком откровенно заявил, что считает заявление посла «неправильным». Молотов подчёркивал, что «ни у советского правительства, ни у советского народа нет недооценки значения и важности этой помощи (по ленд-лизу. – Д. И.)» [12]. Объяснения Стэндли были путанными и не вполне логичными. Сперва он попытался доказать, что в своём заявлении в первую очередь имел в виду помощь, оказываемую частными лицами и американским Красным Крестом. Когда разговор коснулся ленд-лиза, адмирал признался, что знал о публикации в советской печати отчётов главы администрации ленд-лиза Э. Стеттиниуса о ходе поставок в Россию, но посчитал, что для пролонгации законодательства также необходима информация о конкретном применении американских грузов. «Было бы весьма полезно, если бы Конгресс знал, как используется вооружение, которое Советский Союз получает на основании закона о займе-аренде», – отметил Стэндли [13]. Американский посланник де-факто признал свой промах, заметив, что не стал бы выступать на пресс-конференции, если бы знал о том резонансе, который произвели его слова. Молотов, внешне удовлетворённый объяснениями посла, примирительно заметил, что журналисты «любят делать из та-

ких заявлений сенсацию и поднимать вокруг них большой шум» [14].

Заранее предчувствуя резкую реакцию Москвы, в Вашингтоне попытались максимально дистанцироваться от заявлений Стэндли. Заместитель госсекретаря С. Уэллес на спешно созванной пресс-конференции заявил о том, что посол не проводил никаких предварительных консультаций с руководством Госдепартамента о содержании своего выступления и не намеревался разрушить доверие и взаимопонимание между союзниками «вне зависимости от того, что именно он сказал» [15]. Стремясь минимизировать влияние демарша Стэндли на парламентариев, глава Администрации ленд-лиза Стеттиниус оперативно предоставил руководителям профильных комитетов Сената и Палаты представителей Т. Коннэлли и С. Блуму подборку американской и советской прессы, подтверждающую достаточную информированность советских граждан об американской помощи [16].

Открывая дебаты в нижней палате, Блум огласил приведённые в «Нью-Йорк Таймс» и материалах агентства «Ассошиэйтед Пресс» факты, свидетельствующие о том, что «советские солдаты и народ Советского Союза имеют достаточно сведений о поставках ленд-лиза» [17]. Коннэлли, выступая в верхней палате, назвал заявление Стэндли «исключительно неудачным». «По сути дела, русский народ получает информации о помощи, оказываемой Соединёнными Штатами русской армии», – подчеркнул он. Сенатор заверил советских граждан в том, что «мы без колебаний будем поставлять продовольствие, вооружение и боеприпасы в будущем так же, как это имело место в прошлом» [18].

Московское заявление Стэндли не стало доминирующим мотивом в дебатах. Отдельные конгрессмены (П. Джармен, Р. Спрингер) выразили недоумение и удивление по поводу позиции советского руководства, не желающего афишировать американскую помощь, однако предметом отдельной дискуссии этот вопрос не стал [19]. Сам законопроект также не вызвал серьёзных нареканий со стороны законодателей. Даже те парламентарии, которые в 1941 г. голосовали против ленд-лиза, теперь готовы были безоговорочно поддержать эту программу в качестве «военной меры», направленной на достижение победы в войне. Отмечая отдельные недостатки в управлении поставками, конгрессмен-республиканец К. Мундт (один из самых активных изоляционистов предвоенных лет) признавал, что «предпочтительнее улучшить управление ленд-лизом, чем в ходе войны создавать новый механизм, служащий той же цели» [20].

Единственным пунктом, порождавшим притензии отдельных конгрессменов и сенаторов,

была лазейка, позволяющая использовать механизм поставок в мирное время для восстановления разрушенного войной хозяйства отдельных государств. В Палате представителей с критикой послевоенной «благотворительности» выступили конгрессмены А. Андерсен, Д. Уэдсуорт, Д. Робинсон [21]. Сенатор А. Ванденберг в верхней палате подчеркивал, что не возражает против ленд-лиза в условиях военного времени, когда США своими поставками способствовали успешным военным действиям против врагов Америки. Однако после окончания войны ленд-лиз, по мысли сенатора, неизбежно превращался в «улицу с односторонним движением», что явно противоречило экономическим интересам США [22].

Однако дальше обычных разговоров дело так и не двинулось – в законопроект не было внесено ни одной поправки. В Палате представителей обсуждение, занявшее два дня, завершилось голосованием с более чем убедительным перевесом в пользу продления ленд-лиза: 407 – «за», 6 – «против». Сенаторы уложились в один день, утвердив закон с таким же подавляющим преимуществом: 82 голоса «за» и ни одного «против» [23]. Необходимость беречь единство Антигитлеровской коалиции обусловила краткость и спокойный ход дебатов. Однако высказывания парламентариев относительно нежелательности использования ленд-лиза в послевоенный период указывали на то, что в недалеком будущем (ленд-лиз был продлён на 1 год) данная проблема может быть поднята на Капитолийском холме со всей серьёзностью. Вполне закономерно, что в январе 1944 г. новый американский посол в Москве А. Гарриман в своей переписке с Госдепартаментом предлагал сделать основой послевоенной помощи Советскому Союзу долгосрочный американский кредит на закупку в США необходимого оборудования и материалов [24].

Правоту посла частично подтвердили дебаты в Конгрессе весной 1944 г., посвящённые пролонгации Закона о ленд-лизе на очередной 12-месячный срок. На слушаниях в комитете по иностранным делам Палаты представителей законопроект (H.R. 4254) получил единогласную поддержку его членов. В заключении комитета, переданном в палату, отмечалось, что ленд-лиз является «первой военной необходимостью» [25].

Новый законопроект несколько отличался от всех предыдущих: комитет внёс в оригинальный текст закона поправку к параграфу 3(b), который полностью отдавал в руки президента определение условий ленд-лиза в рамках каждого отдельного соглашения. Дополнение, предложенное конгрессменом Э. Шиффлером и доработанное его коллегами Уодсвортом и Мундтом, разрешало президенту принимать «обязательства со

стороны Соединённых Штатов в отношении послевоенной экономики и оборонной политики» только при соблюдении «установленных конституционных процедур» [26]. Конгрессменам было очевидно: инициатива Шиффлера направлена на то, чтобы «помешать распространению ленд-лиза на послевоенное планирование и послевоенные отношения с различными странами» [27]. Сам автор поправки не скрывал своего желания поставить под контроль Конгресса выработку условий, на которых оказывается американская помощь [28]. Из выступлений конгрессменов, выступивших в поддержку поправки, достаточно явно следовало, что Конгресс не будет столь лоялен к получателям американской помощи, как администрация Рузвельта. «Дни, когда мы всё раздавали без малейшей перспективы возврата, прошли», – заявил конгрессмен Спрингер [29].

В речах законодателей, окрашенных в негативные тона, преобладал достаточно абстрактный образ союзника, который пользовался американским великодушием, но не спешил разделить американские идеалы и пополнить союзническую «копилку» своими поставками. Конкретных претензий в адрес союзников было высказано немного. Советский Союз был упомянут считанное число раз. В ходе комитетских слушаний ряд парламентариев был обеспокоен распространяемыми токийским радио слухами о том, будто СССР обменивает в Японии поставляемые по ленд-лизу самолёты на искусственный каучук, после чего японцы используют американскую авиацию против американцев на Тихом океане. Слухи эти были опровергнуты сотрудниками Государственного департамента, о чём глава внешнеполитического комитета Блум не замедлил проинформировать остальных членов палаты [30]. В разгар дебатов конгрессмен Д. Ричардс, рассуждая об эгоистичности отдельных союзников, осудил намерение советского руководства решить польский вопрос своими методами без консультаций с Вашингтоном [31]. 19 апреля нижняя палата одобрила предложенный вариант закона вместе с поправкой Шиффлера. Законопроект поддержали 334 конгрессмена, и только 20 проголосовали против него [32].

Профильный комитет Сената несколько дней спустя одобрил переданный из нижней палаты законопроект. Сенаторы не были склонны увеличивать значение одиозной поправки Шиффлера. Открывая дебаты, Коннэлли и Д. Данахер пришли к выводу, что к моменту «окончательного урегулирования» президент не будет рассматривать поправку как сдерживающий фактор, а до этого ему ничего не мешает принимать обязательства по оказанию помощи [33].

В верхней палате Конгресса беспокойство консерваторов относительно возможности исполь-

зования ленд-лиза после окончания войны носило чуть более выраженный характер. Лидер консервативных республиканцев Р. Тафт недоумевал, почему строительство нефтепровода из Саудовской Аравии финансируется из фондов ленд-лиза, хотя этот объект, по мнению сенатора из Огайо, носил совершенно невоенный характер [34]. Ванденберг, поддерживая поправку Шиффлера, подчеркнул, что положения статьи 7 закона, обязывающие получателей помощи «устранить все формы дискриминации в международной торговле», автоматически подразумевают главенствующую роль Конгресса. Мичиганец был непримиримо настроен в отношении использования ленд-лиза для невоенных целей, полагая, что закон «ни на одну минуту и ни на один доллар не должен распространяться на послевоенный период». Глава внешнеполитического комитета Коннэлли, будучи главным выразителем взглядов исполнительной власти, вынужден был признать, что Конгресс никогда не намеревался «сделать так, чтобы ленд-лиз служил иной цели, кроме как оказанию помощи в военных операциях в ходе этой войны» [35].

Обсуждение завершилось 8 мая 1944 г. одобрением законопроекта. «Против» проголосовал только один сенатор, «за» – 63 [36]. Однако главным политическим итогом дебатов в палатах следует признать проявившуюся со всей очевидностью оппозицию парламентариев к использованию ленд-лиза для целей послевоенного восстановления. Выпады критически настроенных сенаторов и конгрессменов на тот момент не носили сколько-нибудь ярко выраженного антисоветского характера, однако было понятно, что консервативно настроенные законодатели не намерены делать послаблений для союзников, поведение которых на международной арене не оправдывает их ожиданий.

Лидеры Конгресса осознавали, что пострадавшим в войне странам будет крайне трудно обойтись без финансовой помощи США. Законодатели принципиально не возражали против выдачи кредитов иностранным государствам на нужды послевоенного восстановления, но при обязательном условии строгого парламентского контроля за ними, а также ограниченности выделяемых сумм. Так, Ванденберг подчёркивал, что для финансирования послевоенных программ должны применяться настоящие кредиты, а не «бухгалтерские схемы, посредством которых мы сами же оплатим свой экспорт» [37]. Его коллега Тафт, отличавшийся особым консерватизмом в финансовой сфере, и вовсе предлагал ограничить общую сумму послевоенных иностранных кредитов 6 млрд долларов [38].

Администрация Рузвельта оказалась в сложной ситуации. С одной стороны, нежелание Кон-

гресса «спонсировать» ленд-лизом экономическое восстановление других стран. С другой стороны, специальное кредитование также наталкивалось на ряд трудностей. Оставался в силе Акт Джонсона 1934 г., запрещавший предоставление кредитов государствам-должникам, к которым относился СССР – за советским правительством числились ещё царские долги. Кроме того, фонды Экспортно-импортного банка, через который можно было бы предоставить кредиты, не превышали 700 млн долларов и уже были сильно истощены.

С конца 1944 г. Белый дом начал подстраиваться под Конгресс в вопросах ленд-лиза. В ноябре Рузвельт отменил практически принятое решение увеличить поставки в Великобританию сверх её военных нужд на период войны с Японией. Одновременно администрация несколько раз давала понять через прессу, что не намерена продлевать программы ленд-лиза на послевоенный период. Официальные заявления не вызывали доверия у республиканской оппозиции [39].

В начале 1945 г. «кредитный вариант» оказания помощи СССР приобрёл новый импульс в своём развитии. 1 января министр финансов Г. Моргентау предложил Рузвельту выделить советскому правительству кредит размером 10 млрд долларов под 2% годовых на приобретение американских товаров. Предполагалось, что Москва будет возвращать кредит преимущественно поставками стратегического сырья [40]. 3 января Молотов на встрече с Гарриманом сделал официальный запрос на предоставление Советскому Союзу шестимиллиардного кредита на 30 лет под 2,5% годовых. Цель кредита была очерчена предельно ясно – закупки в США товаров, необходимых для восстановления советской экономики [41].

Глава американского государства весьма сдержанно встретил предложения Моргентау. Также он не намеревался реагировать на предложения Молотова до тех пор, пока не встретится в Ялте со Сталиным. «Полагаю, что очень важно сдержаться и не давать им никаких финансовых обещаний до тех пор, пока мы не получим то, что нам нужно», – заявил президент своему министру при личной встрече [42]. Очевидно, что Рузвельт расценивал вопрос о кредите как весомый козырь в грядущих крымских переговорах.

Определённые успехи Рузвельта, достигнутые на Ялтинской конференции в феврале 1945 г., вполне могли претендовать на признание в обществе и политическом истеблишменте с оценкой «то, что нам нужно», однако они не решали имеющихся трудностей в сфере взаимодействия с Конгрессом. Ещё в январе Рузвельт обратился к законодателям с просьбой отменить Акт Джонсона и расширить кредитные возможности Экспортно-импортного банка, но не придал этим мерам перво-

очередной значимости и не настаивал на срочном рассмотрении данных вопросов [43].

Представители исполнительной власти пытались поддержать положительный имидж ленд-лиза в глазах парламентариев. В феврале 1945 г. глава Администрации внешнеэкономической помощи Л. Кроули вынужден был в очередной раз развешивать перед Комитетом по иностранным делам Палаты представителей слухи о нецелевом использовании американской помощи британцами и русскими. Военный министр Г. Стимсон, появившись в стенах того же комитета, пытался доказать конгрессменам, что ленд-лиз оказался наиболее эффективным средством завоевания советского доверия и именно он должен стать одной из основ будущего «союза наций» [44]. Однако уже через несколько недель стало ясно, что «рейтинг» ленд-лиза под сводами Капитолия подошёл к критической отметке.

Когда в марте 1945 г. Палата представителей приступила к рассмотрению нового законопроекта о пролонгации ленд-лиза (H. R. 2013), неприятие конгрессменами послевоенного использования американской помощи проявилось с новой силой. В ходе комитетских слушаний Кроули выступил с дежурными заверениями о принципиальном намерении исполнительной власти не использовать ленд-лиз для нужд послевоенного восстановления. Однако республиканцы требовали законодательно оформленных гарантий. Конгрессмен Д. Ворис предложил поправку, прямо запрещающую использование фондов ленд-лиза для оказания иностранным государствам помощи, не связанной с ведением боевых действий в ходе текущей войны. Опасаясь спровоцировать рост подозрительности со стороны конгрессменов, администрация Рузвельта не стала жёстко противодействовать требованиям оппозиционеров. Максимум, что удалось сделать Кроули, – снабдить поправку Вориса оговоркой, позволявшей адресатам поставок получить причитающиеся им грузы по уже заключённым соглашениям, но с условием последующей оплаты [45]. Комитет рекомендовал палате одобрить внесённую поправку, поскольку его члены были уверены в том, что «чёткое выражение позиции Конгресса предотвратит дальнейшие недоразумения». Мундт, давно слышавший одним из главных противников послевоенного ленд-лиза, торжествовал и подчёркивал, что отныне послевоенное применение ленд-лизовских фондов будет возможно «только при самом вопиющем нарушении замысла Конгресса» [46].

В верхней палате законопроект столкнулся с ещё большими трудностями. Относительно безболезненно провести законопроект через профильный комитет Сената исполнительной власти помогли только приятельские отношения меж-

ду Кроули и Ванденбергом [47]. Однако в ходе дебатов в палате предложенный вариант закона подвергся резкой критике со стороны Тафта. Влиятельный республиканец полагал, что сделанное из поправки Вориса исключение сводило к нулю всю её практическую ценность. Палата представителей своими действиями де-факто одобрила предоставление послевоенных кредитов из фондов ленд-лиза. Сенатор из Огайо подчёркивал, что он принципиально поддерживает кредитование зарубежных государств, но в строго ограниченных размерах – не более 3 млрд долларов на ближайший год. По его же оценкам сумма помощи по уже заключённым с Великобританией, Советским Союзом и Францией соглашениям, намного превысила данный порог. Единственным способом уберечь Соединённые Штаты от грядущего банкротства Тафт видел удаление из законопроекта внесённой оговорки [48].

Предложение Тафта вызвало бурную реакцию в Сенате. Его инициативу поддержали не только сенаторы, имеющие репутацию изоляционистов (У. Лэнджер, К. Уэрри, Х. Батлер), но и такие ярые сторонники внешнеполитического курса Рузвельта, как Д. Болл и Д. Бёртон. В разгар дебатов их поддержали Ванденберг, а также демократы М. Тайдингс и А. Эллендер [49]. Голосование по предложению Тафта было драматичным. Голоса разделились поровну. Решающей стала позиция вице-президента Г. Трумэна. Он выступил за сохранение варианта, поступившего из нижней палаты [50]. Предложенная сенатором Уэрри поправка, запрещающая применение фондов ленд-лиза для оплаты поставок союзникам «любых механизмов, приборов и оборудования, пригодных к использованию в сельском хозяйстве», была провалена с более уверенным перевесом в голосах (29 – 47) [51]. Многострадальный законопроект был в итоге одобрен Сенатом и подписан президентом Г. Трумэном 17 апреля 1945 г. [52]

Следует отметить, что поправка Вориса не была самым радикальным вариантом из всех, что потенциально могли рассматриваться на Капитолийском холме. Польское лобби, являвшееся источником многих антисоветских выпадов (в том числе и в вопросе ленд-лиза), отметилось с негативной стороны. Конгрессмен Э. О'Конски поместил в протокол заседания нижней палаты петицию, призывавшую Конгресс приостановить оказание помощи Москве и Лондону «до тех пор, пока коммунистическая Россия и Великобритания не гарантируют публично политическую независимость и территориальное единство польской нации» [53].

В сравнительно лояльных материалах Конгресса Советский Союз сравнивался с зарвавшимся нападающим спортивной команды, который «иг-

рает в атаке и забивает все мячи», но при этом забывает о том, что эти мячи (т. е. военные победы) – заслуга всей команды [54]. Журналист «Вашингтон пост» Э. Лидли, чья статья была приобщена к протоколам Конгресса конгрессмен Э. Роджерс, напоминал своим читателям (а заодно и законодателям), что «атакующие удары Красной Армии в не меньшей степени американское достижение» и это «должны понимать советский народ и советское правительство» [55].

После того как Л. Кроули 14 мая официально объявил о продолжении поставок ленд-лиза европейским странам, не находящимся в состоянии войны с Японией, в сторону администрации полетели обвинения в нарушении данных Конгрессу обещаний. Сенатор от Нью-Гэмпшира С. Бриджес указывал своим коллегам на то, что если Сенат проявил бы больше решительности и настоял на удалении двусмысленной оговорки, то законодатели имели бы чёткие гарантии и могли бы не полагаться на заявления представителей исполнительной власти. Бриджес, а также Тафт и Х. Башфилд полагали, что поставки СССР, Франции и Нидерландам прямо противоречили устным обязательствам администрации не использовать ленд-лиз в послевоенный период [56].

В конце мая пятеро конгрессменов-республиканцев (Ворис, Мундт, Б. Джонкман, Л. Смит, Р. Чиперфильд) обратились с открытым письмом к президенту Трумэну, в котором требовали прояснить позицию Белого дома в отношении послевоенного ленд-лиза. Республиканцы настаивали на том, чтобы правительства Франции, Бельгии и Нидерландов оплачивали американские поставки, сделанные после 8 мая, за наличные доллары. «Подобные принципы должны быть применимы и ко всему остальному ленд-лизу», – утверждали в своём послании конгрессмены. Заключение часть письма сводилась к неприкрытому политическому торгу с новоиспечённым президентом: в случае ограничения ленд-лиза ему обещалась поддержка в «других важных вопросах». Если же Трумэн под предлогом войны с Японией продолжит поставки России, Франции и Нидерландам, то члены нижней палаты были готовы «считать себя одураченными» [57].

Негативные настроения, набиравшие силу в стенах Конгресса, заставили исполнительную власть поздней весной 1945 г. более предметно рассмотреть вопрос о предоставлении Советскому Союзу долговременного кредита. В апреле 1945 г. директор Управления финансов и развития Госдепартамента Э. Колладо рекомендовал Стеттиниусу после окончания работы конференции Объединённых Наций в Сан-Франциско законодательно урегулировать вопрос об увеличении ресурсов Экспортно-импортного банка и предоставить через него России кредит, «если

позволят политические условия» [58]. Однако речь шла уже не о шести и тем более не десяти миллиардах долларов, а только об одном миллиарде и под большой процент. 2 июня Д. Грю, первый заместитель Стеттиниуса, информировал Гарримана о том, что администрация намерена расширить кредитные возможности Экспортно-импортного банка [59].

Одновременно предпринимались попытки умиротворить фрондирующих парламентариев. Новый президент прекрасно осознавал, что не сможет в сфере внешней политики обойтись без поддержки Конгресса [60]. В течение мая – июня 1945 г. представители Госдепартамента во главе с Д. Ачесоном «бешено лоббировали» ряд экономических инициатив администрации (кроме Экспортно-импортного банка это были Бреттон-Вудские соглашения о создании Международного валютного фонда и Международного банка реконструкции и развития, а также Закон о взаимных торговых соглашениях) среди законодателей [61]. Влиятельнейший председатель Комитета по ассигнованиям К. Маккеллар был приглашён на совещание Трумэна с министрами. Кроме того, президент провёл неофициальную встречу с Тафтом и экс-президентом Г. Гувером [62].

Усилия администрации возымели своё действие. В июле 1945 г. в Конгресс был внесён законопроект, предусматривающий расширение капитала Экспортно-импортного банка до 3,5 млрд долларов, а также отмену положений Акта Джонсона, запрещавших кредитование правительств государств-должников. Дебаты были непродолжительными и не сопровождались ожесточёнными спорами. В Палате представителей республиканец Э. Дирксен предложил поправку, запрещающую предоставление кредитов государствам, отказывающимся следовать принципам Атлантической хартии. Данная инициатива была направлена против СССР и Великобритании, не скрывавших своей приверженности политике баланса сил и сфер влияния, однако она не нашла поддержки среди большей части конгрессменов. В верхней палате Тафт вновь поднял тему подмены кредитов ленд-лизом, однако также не нашёл понимания среди большинства своих коллег. Законопроект был уверенно одобрен обеими палатами и подписан Трумэном 31 июля 1945 г. [63] Отныне исполнительная власть получала техническую возможность предоставить Советскому Союзу кредит на нужды послевоенного восстановления в пределах 1 млрд долларов.

Усиливающиеся политические противоречия между бывшими союзниками довольно быстро оттеснили на задний план вопросы экономического сотрудничества США и СССР. Холодная война, ставшая фактом к концу 1940-х гг., на долгое время сняла с повестки дня масштабные

экономические проекты, свободные от идеологических антагонизмов и враждебного восприятия. Летом 1945 г. Рубикон ещё не был перейдён, мосты не были сожжены. И Конгресс в этом плане являлся не исключением, а скорее подтверждением общей тенденции.

В рассмотренный период образ СССР в глазах американских парламентариев претерпел скорее отрицательную динамику развития, которая пока не приняла необратимого характера. С одной стороны, в последние месяцы войны на фоне политических противоречий почти исчезло восприятие Советского государства как главной «ударной силы» антигитлеровской коалиции, что предопределяло сравнительно безболезненную пролонгацию ленд-лизского законодательства в предыдущие годы. По мере приближения победы аргументы военно-стратегического характера постепенно теряли убедительность в глазах политиков Капитолия. Всё больше становился соблазн обусловить предоставление помощи политическими условиями. Также набирал обороты и фактор соперничества институтов власти: в Конгрессе без восторга относились к определяющей роли Белого дома в управлении ленд-лизом и всегда были готовы увеличить свое влияние на программы зарубежной помощи.

С другой стороны, Советский Союз всё ещё воспринимался как партнёр, работа с которым не лишена проблем, но способна давать положительные результаты. Фактически поставив крест на использовании ленд-лиза для послевоенных задач, американские сенаторы и конгрессмены не отрицали как таковую возможность американо-советского сотрудничества. Будущее этого сотрудничества в последние недели Второй мировой войны оставалось неопределённым.

Примечания

1. *Сунрун М. Н.* Ленд-лиз в стратегии антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны // Россия и США: политика и дипломатия в XX–XXI вв. М., 2008. С. 78.

2. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. 1941–1945. М., 1984. С. 200.

3. Картина советско-американских, а затем и российско-американских переговоров вокруг размеров и порядка выплаты задолженности Москвы дана в монографии Н. В. Бутениной (См.: *Бутенина Н. В.* Ленд-лиз: сделка века. М., 2004. С. 164–178).

4. *Поздеева А. В.* Англо-американские отношения в годы Второй мировой войны 1941–1945. М., 1969; *Чузаков А. М.* Военно-экономическое сотрудничество СССР с США и Великобританией в годы Второй мировой войны. М., 1972; *Сунрун М. Н.* Ленд-лиз и северные конвои. М., 1997; *Загадки ленд-лиза.* М., 2000; *Бутенина Н. В.* Указ. соч.; *Краснов В. Н., Краснов И. В.* Ленд-лиз для СССР, 1941–1945. М., 2008.

5. *Matloff M., Snell E. M.* Strategic Planning for the Coalition Warfare, 1941–1942. Wash., 1953;

Dawson R. Decision to Aid Russia, 1941: Foreign Policy and Domestic Politics. Chapel Hill, 1959; *Kimball W. F.* The Most Unsordid Act.: Lend-Lease, 1939–1941. Baltimore, 1969; *Jones R. H.* Roads to Russia: United States Lend-Lease to the Soviet Union. Norman, 1969; *Herring G. C.* Aid to Russia, 1941–1946. Strategy, Diplomacy, the Origins of Cold War. N. Y.; L., 1973. *Van Tuyl H. P.* Feeding the Bear: American Aid to the Soviet Union, 1941–1945. N. Y., 1989; *Weeks A. L.* Russia's Life-saver : Lend-lease Aid to the USSR in World War II. Lanham, 2004.

6. *Herring G.* Op. cit. P. XIV–XVI.

7. *Поздеева А. В.* Ленд-лиз для СССР: дискуссия продолжается // Вторая мировая война: актуальные проблемы. М., 1995. С. 327.

8. По итогам промежуточных выборов Демократическая партия сохранила контроль над Сенатом (58 мест) и формальное большинство в Палате представителей (218 мест), однако де-факто потерпела поражение – таких численных потерь фракции демократов не имели с 1920-х гг. Извечные соперники демократов, республиканцы, приобрели 46 новых мест в нижней палате (всего – 208) и 9 (всего 38) – в верхней. (Политические партии США в новейшее время / под ред. Н. В. Сивачёва. М., 1982. С. 272.)

9. *Herring G.* Op. cit. P. 91.

10. *Данн Д.* Между Рузвельтом и Сталиным: американские послы в Москве. М., 2004. С. 268–269.

11. *Herring G.* Op. cit. P. 92.

12. Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП). Ф. 06. Оп. 5. П. 29. Д. 333. Л. 23–24.

13. Там же. Л. 24–25.

14. Там же. Л. 27.

15. FRUS. 1943. Vol. III. P. 628–629.

16. *Herring G.* Op. cit. P. 93.

17. Congressional Record. Proceedings and Debates of 78th Congress (далее – CR). Vol. 89. Wash., 1943. P. 1732–1733.

18. АВП. Ф. 06. Оп. 5. П. 38. Д. 479. Л. 1.

19. CR. Vol. 89. P. 1739, 1742.

20. Ibid. P. 1745.

21. Ibid. P. 1737, 1742.

22. Ibid. P. 1846.

23. Ibid. P. 1815, 1853.

24. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. (далее – FRUS). 1944. Vol. IV. Wash., 1967. P. 1032–1037.

25. CR. Vol. 90. Wash., 1944. P. 3507.

26. Ibid. P. 3517.

27. Ibid.

28. Ibid. P. 3543.

29. Ibid. P. 3541.

30. Ibid. P. 3515.

31. Ibid. P. 3537.

32. Ibid. P. 3581–3582.

33. Ibid. P. 3998.

34. Ibid. P. 4044.

35. Ibid. P. 4097.

36. Ibid. P. 4106.

37. Цит. по: *Herring G.* Op. cit. P. 166.

38. Taft R. Government Guarantee of Private Investment Abroad // Vital Speeches of a Day. Vol. 11. 1 August 1945. P. 634–638.

39. *Herring G.* Op. cit. P. 166, 173.

40. FRUS. 1945. Vol. V. P. 937–938, 948–949.

41. Ibid. P. 942–944.
42. *Blum M.* From Morgenthau Diaries. Vol. 3. Boston, 1967. P. 305.
43. Public Papers and Addresses of Franklin Delano Roosevelt. Vol. XIII. N. Y., 1950. P. 447–448, 553.
44. *Jones R.* Op. cit. P. 254–255.
45. *Gaddis G.* The United States and the Origins of Cold War. N. Y., 1972. P. 194–195.
46. CR. Vol. 91. Wash., 1945. P. 2120–2121, 2124.
47. *Herring G.* Op. cit. P. 188.
48. CR. Vol. 91. P. 3198–3202, 3218–3222.
49. Ibid. P. 3232–3246.
50. Ibid. P. 3246.
51. Ibid. P. 3254.
52. *Jones R.* Op. cit. P. 255.
53. Ibid. P. A1330.
54. CR. Vol. 91. P. A1375.
55. Ibid. P. A470.
56. Ibid. P. 4689–4690.
57. Ibid. P. A2626–2627.
58. FRUS. 1945. Vol. V. P. 997–998.
59. Ibid. P. 1011–1012.
60. *Truman H.* The Memoirs. Vol. 1. Year of Decision. N. Y., 1956. P. 231–232.
61. *Acheson D.* Present at the Creation. N. Y., 1969. P. 106–108.
62. *Herring G.* Op.cit. P. 223.
63. CR. Vol. 91. P. 7535–7548, 7827–7841.

УДК 343.81

*Н. С. Артемьев, А. М. Розуван***ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКОННОСТИ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ
УЧРЕЖДЕНИЙ И ИХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ**

В статье рассматриваются сущность, цели, виды и формы контроля над деятельностью исправительных учреждений и их должностных лиц в Российской Федерации. Авторы приходят к выводу, что наибольшей значимостью в российской пенитенциарной системе обладают ведомственный, прокурорский и судебный контроль.

The article discusses the nature, purpose, types and forms of control over the activities of correctional officers and their officials in the Russian Federation. The authors conclude that the greatest significance in the Russian penitentiary system have departmental, prosecutorial and judicial control.

Ключевые слова: пенитенциарная система, законность, система исправительных учреждений.

Keywords: prison system, law, the correctional service.

Исполнение наказания является завершающей стадией уголовно-правового принуждения лица, совершившего преступление. От эффективности наказания и качества его исполнения во многом зависит результативность деятельности всей уголовной юстиции государства в вопросе борьбы с преступностью. Можно своевременно раскрыть преступление, тщательно расследовать уголовное дело, грамотно организовать судебный процесс, вынести законный и обоснованный обвинительный приговор, но если осужденный, находясь в исправительном учреждении, не почувствует наказания, если этого наказания как предупредительной меры не осознают другие, если, наконец, что самое главное, не принять всех необходимых мер для исправления осужденных, то вся предыдущая профилактическая работа, а также деятельность органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда будет сведена на нет.

В решении указанной задачи заинтересовано все общество, поэтому оно через систему государственных и общественных институтов устанавливает постоянный контроль за деятельнос-

тью персонала исправительных учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы.

«Под контролем за деятельностью исправительных учреждений следует понимать систему наблюдения и проверки соответствия деятельности сотрудников ФСИН России требованиям уголовно-исполнительного законодательства с целью выявления и пресечения имеющихся нарушений законности и их предупреждения в будущем» [1].

Основные цели контроля: обеспечение законности в деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, и их должностных лиц; поддержание стабильного уровня законности и правопорядка в ИУ; повышение эффективности наказаний.

Сущность контроля за деятельностью исправительных колоний общего и строгого режимов заключается в том, что уполномоченные на то государственные органы и общественные организации, используя организационно-правовые способы и средства, выясняют, не допущены ли в деятельности подконтрольных учреждений и органов УИС и их должностных лиц какие-либо нарушения законности, и, если таковые имеются, то своевременно устраняют их, восстанавливают нарушенные при этом права, привлекают виновных к ответственности, принимают меры по предотвращению нарушений законности и служебной дисциплины.

Контроль как способ обеспечения законности в деятельности исправительных учреждений и их должностных лиц характеризуется определенными признаками. Д. М. Овсянко, мнение которого мы разделяем, выделяет следующие признаки [2]:

– между контролирующим органом (должностным лицом) и подконтрольным объектом в большинстве случаев существуют отношения подчиненности или подведомственности (лучше всего этот принцип просматривается в ведомственном контроле за деятельностью ИУ);

– объектом контроля является как законность, так и целесообразность деятельности ИУ. Закон (нормативный правовой акт), как правило, предоставляет администрации ИУ определенную свободу выбора, не предлагая жесткой модели поведения для каждой конкретной ситуации, отсюда – необходимость строгого контроля не только за законностью, но и за целесообразностью действий контролируемых лиц (хотя все сферы

деятельности ИУ строго регламентированы в законе, отдельные направления, например воспитательная работа, труд осужденных, предполагают инициативу представителей администрации, адаптацию к конкретным условиям и т. п.);

– субъект контроля наделяется правом отменять либо обжаловать (опротестовывать) незаконные решения и действия сотрудников ИУ;

– в соответствующих случаях контролирующей вправе применять к нарушителям законности меры воздействия.

Наряду с признаками контроля в науке принято выделять его принципы: законности, объективности, независимости, гласности, сохранения государственной, служебной и иной охраняемой законом тайны.

В зависимости от того, на какой стадии деятельности исправительных учреждений проводится проверка, различают предварительный, текущий и последующий контроль.

Контроль, осуществляемый за учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы со стороны других органов (судебной власти, прокуратуры, общественных организаций), именуется внешним контролем, а осуществляемый вышестоящими органами внутри УИС, – внутренним.

Контроль за деятельностью должностных лиц исправительных учреждений имеет большое социально-правовое значение. Прежде всего, в процессе контроля за исполнением уголовных наказаний в виде лишения свободы обеспечивается соблюдение принципа законности. Несмотря на резкий всплеск преступности в стране, профессионально-целевые задачи борьбы с нею должны достигаться на основе и во исполнение закона. Иные формы деятельности правоохранительных органов, в том числе исполняющих наказания, формы и методы, не основанные на строгом соблюдении закона, дискредитируют государство в современных условиях. Таким образом, контроль служит эффективным средством обеспечения персоналом исправительных учреждений прав и законных интересов осужденных.

Обеспечение правового положения лиц, отбывающих наказания, путем различных форм государственного и общественного контроля признано приоритетной задачей в ряде международных соглашений с участием Российской Федерации. Введение международного, расширение национальных форм контроля (учреждение должности Уполномоченного по правам человека в РФ) за деятельностью персонала по обращению с осужденными, особенно в местах лишения свободы, придает особую актуальность рассматриваемым вопросам.

Контроль за деятельностью персонала одновременно служит средством выявления и устранения причин и условий нарушений законности

в исправительных учреждениях. Он также влияет и на совершенствование правовой основы законности, особенно ведомственных нормативных правовых актов, в случае противоречия их действующему законодательству. Информация о применении и исполнении законов и основанных на них нормативных правовых актов позволяет судить и о качестве самих законов, пробелах и противоречиях, имеющихся в них.

Вскрывая имеющиеся нарушения законности в правоприменительной деятельности исправительных учреждений, определяя наиболее целесообразные меры взыскания за них, контроль формирует правосознание персонала, ориентирует его на безусловное и точное соблюдение законов. И в этом отношении он имеет не только профилактическое, но и воспитательное значение.

Контроль за деятельностью персонала исправительных учреждений не самоцель, а необходимое средство повышения эффективности процесса исполнения наказания и применения к осужденным исправительного воздействия. В процессе контроля становится возможным обнаружить и устранить выявленные в деятельности персонала недостатки.

Значение контроля за деятельностью исправительных учреждений и их должностных лиц проявляется также в том, что он позволяет экономно расходовать и перераспределять выделяемые государством на содержание Федеральной службы исполнения наказаний материальные средства, столь необходимые стране для решения иных социальных задач.

Значительная «тяжесть» обеспечения законности в деятельности персонала исправительных учреждений в демократическом государстве лежит на самом обществе. Контроль за деятельностью персонала, осуществляемый с использованием средств массовой информации, общественных форм, позволяет лучше информировать общественность об условиях отбывания наказания в том или ином учреждении, экономических и иных трудностях, стоящих перед уголовно-исполнительной системой в целом. Это, в свою очередь, способствует снижению социального напряжения в обществе, вызванного наличием различных взглядов на темпы и цели проводимых в уголовно-исполнительной системе реформ. Может быть, и не всегда в каждом конкретном случае отдельным представителям общественности либо их объединениям удастся восстановить то или иное правоотношение в соответствии с положениями уголовно-исполнительного закона. Но здесь важна позиция, принципиальная настроенность, готовность стоять за законы даже в том случае, когда очевиден проигрыш, поскольку только массовые общественные выступления в пользу права, закона и законности могут посте-

пенно изменить восприятие названных явлений. Рано или поздно обществу, всем людям придется осознать, что законность – нужная социальная ценность, вне утверждения которой очень многое теряется.

И последним после государственных и общественных институтов, но первым по своей внутренней энергии и силе средством обеспечения принципа законности и лучшим «контролером» в сфере исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы следует назвать человека. Все «формализованные» институты приводятся в движение его мыслью, чувством и поступком. Если сотрудник ФСИН России инертен, безразличен, неуважителен к закону и всему, что с ним и вокруг него происходит, то вряд ли можно надеяться, что закон как фактор жизни состоится, а законность кем-либо и где-либо будет обеспечена.

Более ста лет назад немецкий правовед Рудольф Иеринг в известном сочинении «Борьба за право» сформулировал ряд мыслей, которые, скорее всего, будут актуальны всегда. Они напрямую относятся к проблеме обеспечения законности в исправительных колониях общего и строгого режимов и, как нам кажется, должны быть усвоены всеми, кто понимает ее цель и сущность. Вот некоторые из них: «Жизнь права есть борьба, борьба народов, государственной власти, сословий, индивидуумов; борьба за право есть обязанность правомочного по отношению к себе самому; борьба за право есть поэзия характера; право есть для личности моральное условие ее существования, а защита его – ее собственное моральное основание; защита права есть обязанность перед обществом; каждый есть прирожденный борец за право в интересах всего общества; борьба есть вечная работа права» [3].

Таково в общем назначение контроля за деятельностью исправительных учреждений.

Достижение целей и соблюдение принципов контроля не предполагают образование единого и всеобъемлющего контрольного органа, стоящего над всеми ветвями власти, что противоречило бы принципу разделения властей, поэтому контрольные полномочия за деятельностью уголовно-исполнительной системы установлены законодательством отдельно по каждому виду государственного контроля [4].

Виды и порядок контроля за деятельностью исправительных учреждений по исполнению наказаний определены в гл. 3 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и конкретизированы в федеральных законах РФ и нормативно-правовых актах соответствующих министерств и ведомств.

Виды контроля могут быть классифицированы по различным основаниям. В зависимости от субъектов, которые осуществляют контроль, раз-

личаются международный, государственный и общественный контроль.

Так, деятельность персонала исправительных учреждений находится под пристальным вниманием международного сообщества. Дело в том, что многие государства мира являются участниками международных соглашений, закрепляющих общепризнанные стандарты обращения с осужденными, соблюдение их политических, гражданских и социально-экономических прав и свобод. Не составляет исключения и Российская Федерация, которая подписала почти все международные соглашения в этой сфере. В связи с этим за деятельностью персонала ИУ как основного субъекта соблюдения правил обращения с осужденными устанавливается не только национальный, внутригосударственный, но и международный контроль.

Основными межгосударственными организациями, осуществляющими контрольные полномочия в уголовно-исполнительной системе России, являются Организация Объединенных Наций и Совет Европы.

Международный контроль за исправительными учреждениями осуществляется в следующих формах:

- периодическое представление Российской Федерацией докладов о соблюдении прав осужденных, находящихся в местах лишения свободы;
- сообщение иностранного государства о нарушении прав и законных интересов, применении пыток, других бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания к осужденным;
- индивидуальные жалобы лиц, находящихся под юрисдикцией России, на нарушения в ИУ;
- посещение учреждений и органов, исполняющих наказания.

Государственный контроль за деятельностью персонала исправительных учреждений имеет несколько видов. В нем следует выделить контроль органов государственной власти и органов местного самоуправления, судебный контроль и прокурорский надзор.

К органам государственной власти относятся Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума) Российской Федерации и Правительство Российской Федерации.

Контрольные функции Президента РФ вытекают из его правового положения как главы государства и гаранта Конституции РФ, прав и свобод граждан, в том числе и осужденных (последние остаются гражданами России). Система президентского контроля включает в себя рассмотрение предложений, заявлений и жалоб осужденных, их адвокатов и родственников, общий контроль за уголовно-исполнительной системой,

входящей в структуру исполнительной власти. На основании ст. 89 Конституции РФ Президент РФ осуществляет помилование. Важную роль в осуществлении президентского контроля за соблюдением законности в исправительных учреждениях играют полномочные представители Президента в регионах Российской Федерации.

Парламентский контроль за учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы осуществляется в процессе деятельности депутатов Государственной Думы и членов Совета Федерации, в том числе по разрешению обращений избирателей. Так, согласно ст. 13 закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» Государственная Дума или Совет Федерации вправе обратиться с парламентским запросом к руководителям федеральных органов государственной власти или органов государственной власти субъектов РФ. В числе вопросов, входящих в компетенцию этих органов и включаемых в запрос, могут быть вопросы деятельности персонала учреждений и органов, исполняющих наказания. Федеральное Собрание РФ контролирует УИС путем рассмотрения предложений, заявлений и жалоб осужденных и иных заинтересованных лиц.

Правительство Российской Федерации в соответствии со ст. 4 ФКЗ «О правительстве Российской Федерации» в пределах своих полномочий организует исполнение Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, указов Президента Российской Федерации, международных договоров Российской Федерации, осуществляет систематический контроль за их исполнением федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, принимает меры по устранению нарушений законодательства Российской Федерации. Ст. 19 указанного ФКЗ закрепляет полномочия Правительства Российской Федерации в сфере обеспечения законности, прав и свобод граждан (осужденных), борьбы с преступностью.

Большое значение в контроле за деятельностью персонала исправительных учреждений имеет ведомственный контроль как разновидность контроля органов федеральной исполнительной власти. Следует заметить, что в законе «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», а именно в гл. VII «Контроль за деятельностью уголовно-исполнительной системы», упоминание о судебном контроле и прокурорском надзоре отсутствует. В ст. 38 данного закона указано лишь, что органы государственной власти субъектов РФ контролируют деятельность учреждений, исполняю-

щих наказания, в пределах и порядке, установленных законодательством РФ. По нашему мнению, данная формулировка слишком расплывчатая, налицо упущение законодателя, пробел в праве. Закон «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» для всех без исключения исправительных учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы, является основополагающим и руководящим после Уголовно-исполнительного кодекса РФ нормативным актом, поэтому в нем должны быть продублированы, а еще лучше уточнены закрепленные в УИК РФ цели и порядок проведения судом и прокуратурой проверок соблюдения законности в деятельности исправительных учреждений.

Формы контроля за деятельностью персонала исправительных учреждений со стороны органов государственной власти субъектов Российской Федерации аналогичны указанным выше.

Контроль Уполномоченного по правам человека, не являющийся, на наш взгляд, полноценным государственным контролем, занимает промежуточное положение между государственным и общественным контролем и является независимой и самостоятельной формой обеспечения законности в УИС. Ограниченность данного вида контроля состоит в том, что «Федеральный конституционный закон Российской Федерации “Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации” не предусматривает властных рычагов для осуществления Уполномоченным своих прав» [5], требования Уполномоченного об устранении того или иного выявленного им нарушения законности в ИУ необязательны для исполнения, администрация учреждения вправе не согласиться с ними. В таких случаях роль Уполномоченного сводится к обязанности обратить внимание на нарушения компетентных должностных лиц.

«Контроль Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за деятельностью исправительных учреждений осуществляется путем защиты прав и законных интересов лиц, попадающих в сферу деятельности уголовно-исполнительной системы, а именно осужденных, их родственников и сотрудников персонала» [6].

Деятельность Уполномоченного в этой сфере регламентирована ФКЗ «Об уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», частично УИК РФ и ФЗ РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы». В соответствии с указанными законодательными актами Уполномоченный принимает и рассматривает жалобы на нарушения законности в ИУ; обжалует в суды общей юрисдикции незаконные действия должностных лиц ИУ; обращается в компетентные органы с

ходатайствами о возбуждении дисциплинарного производства либо уголовного дела в отношении виновных сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний; посещает ИУ, а также периодически направляет специальные доклады о нарушениях прав граждан в УИС Президенту РФ, в Государственную Думу, Правительство РФ, заинтересованные министерства и ведомства.

Деятельность исправительных учреждений, связанная с исполнением наказаний в виде лишения свободы, находится под контролем не только международных организаций и государственных структур, но и общественности.

Согласно ч. 2 ст. 23 УИК РФ общественные объединения могут осуществлять контроль за деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания, на основании и в порядке, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Однако несмотря на то, что до настоящего времени закон, регулирующий контроль общественных объединений, не принят, общественный контроль за деятельностью исправительных учреждений имеет место.

Общественный контроль подразделяется на определенные виды. Это контроль общественных объединений за порядком и условиями отбывания наказания, контроль правозащитных организаций и средств массовой информации, осуществляемый в специфических формах. Так, при каждом региональном управлении ФСИН созданы общественные советы, которые рассматривают деятельность подразделений ФСИН, при выявлении недостатков вносят предложения по их устранению.

Определенную роль в воспитании осужденных вносят попечительские советы, созданные при всех ИК и играющие положительную роль в воспитании осужденных.

При Министерстве юстиции России также действует Общественный совет, осуществляющий общее руководство общественными организациями, правомочными контролировать исправительные учреждения [7].

По сферам деятельности, подвергающимся контролю, последний также подразделяется на отдельные виды. Применительно к исправительным колониям можно выделить контроль за деятельностью персонала в сферах обеспечения режима отбывания наказания, привлечения осужденных к труду, производственно-хозяйственной и финансовой деятельности, проведения воспитательной работы и обучения осужденных, их материально-бытового обеспечения и медицинского обслуживания.

В зависимости от вида контроля и сфер, которые подвергаются контрольной деятельности, различаются следующие формы контроля:

- представление отчетности, в том числе и статистической;
- ревизии, запросы, инспектирование, проверка исполнения, согласование;
- обжалование незаконных действий должностных лиц ИУ;
- посещение исправительных учреждений;
- личный прием осужденных, ознакомление с их личными делами и другими документами и т. п.

За длительную историю человечества были перепробованы и другие способы, формы и процедуры контроля за законностью, в том числе и в сфере исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы, и практически все они показали ограниченность своих возможностей. Скорее всего, причина такого положения состоит в том, что соответствующие средства не применялись с необходимой последовательностью и, главное, системностью. Мы считаем, что в вопросе контроля за обеспечением законности в любой деятельности, в том числе по исполнению наказаний в виде лишения свободы, основную позицию занимает не количество контролируемых структур, а качество, профессионализм их деятельности, которая должна быть непрерывной, одновременной, всесторонней, комплексной, системной, слаженной и пр.

Занимаясь изучением проблем обеспечения принципа законности в деятельности исправительных учреждений, мы пришли к выводу, что наиболее значимыми видами (формами) контроля за процессом исполнения наказаний в данных учреждениях являются три, причем в большей степени ведомственный контроль и прокурорский надзор и в меньшей – судебный контроль.

Примечания

1. Уголовно-исполнительное право России: учеб. / под ред. В. И. Селиверстова. М., 2003. С. 174.
2. См.: *Овсянко Д. М.* Административное право: учеб. пособие. М., 2001. С. 183–184.
3. *Иеринг Р.* Борьба за право. М., 1991. С. 5, 16, 33.
4. См.: *Овсянко Д. М.* Указ. соч. С. 186–187.
5. *Чернов С. К.* Институт уполномоченного по правам человека: современное состояние и перспективы развития // Роль государства и права в обеспечении личной, общественной и государственной безопасности / под общ. ред. Ю. С. Бадалянца. Рязань, 2004. С. 124.
6. Уголовно-исполнительное право России. С. 180.
7. См.: Положения об Общественном совете при Министерстве юстиции Российской Федерации: Приказ Минюста РФ от 30 июня 2003 г. // Рос. юстиция. 2003. № 10.

УДК 339.9

Д. Г. Домрачев

О НЕОТЛОЖНЫХ МЕРАХ ПО ПОВЫШЕНИЮ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РОССИЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ВО ВСЕМИРНУЮ ТОРГОВУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ

Интеграция Российской Федерации в мировую экономику в связи со вступлением во Всемирную торговую организацию требует разработки и принятия государством комплекса мер, направленных на повышение конкурентоспособности российских предпринимателей и устранение необоснованных административных барьеров.

Integration of Russia into the world economy due to the WTO entry requires the development and decision-making, aimed at improving the competitiveness of Russian entrepreneurs and eliminating unnecessary administrative barriers.

Ключевые слова: контрольно-надзорные органы, нормативно-правовые акты, меры административного воздействия, формы и методы государственного надзора, анализ нормативно-правового регулирования в зарубежных странах, предложения по совершенствованию законодательства.

Keywords: control and supervisory authorities, regulations, administrative measures, forms and methods of state supervision, analysis of normative legal regulation in foreign countries, proposals to improve the legislation.

Со вступлением Российской Федерации во Всемирную торговую организацию все более острыми становятся проблемы развития в нашей стране малого и среднего бизнеса как основы экономического благополучия государства, сохранения его конкурентоспособности по отношению к аналогичным субъектам предпринимательства в зарубежных странах.

В связи с этим все большую тревогу и озабоченность в обществе вызывает ситуация, сложившаяся по поводу правоотношений, возникающих между предпринимателями и контрольно-надзорными органами при реализации ими своих полномочий.

По данным Минэкономразвития, на сегодняшний день в Российской Федерации контрольно-надзорную деятельность осуществляют 52 органа исполнительной власти. Ежегодно ими осуществляется более 2,8 млн проверок, по результатам которых накладывается более 2 млн административных взысканий на сумму около 1,8 млрд рублей, причем количество проводимых проверок неуклонно растет.

В ряде случаев в действиях надзорных органов просматривается не профилактическая, а

карательная направленность, то есть установка на применение должностными лицами в случаях выявления, пусть даже и незначительных, легко устранимых нарушений, максимально жестких административных мер.

В то же время проверяемыми субъектами часто становятся предприятия малого бизнеса, допустившие не опасные нарушения соответствующих правил, и применение к ним даже минимального размера административного штрафа может повлечь существенное ухудшение их финансового состояния, а иногда и создать угрозу прекращения их деятельности.

Например, санкция ч. 1 ст. 7.3 КоАП РФ за пользование недрами без лицензии предусматривает минимальный размер административного штрафа на юридических лиц в размере 800 000 рублей.

При этом в практике применения указанной нормы очень часто возникают ситуации, когда к административной ответственности привлекаются сельскохозяйственные предприятия за эксплуатацию без лицензии переданных им муниципальными образованиями или перешедших к ним от бывших колхозов и совхозов водозаборных скважин, используемых в том числе для водоснабжения населенных пунктов.

В соответствии с санкцией ст. 8.2 КоАП РФ за несоблюдение экологических и санитарно-эпидемиологических требований при обращении с отходами производства и потребления предусматривает минимальный размер административного штрафа на юридических лиц 100 000 рублей. При этом в практике применения указанной нормы нередко возникают ситуации, когда к административной ответственности привлекаются небольшие предприятия за нарушение правил ведения документации по учету образующихся у них отходов.

Аналогично обстоят дела в сфере надзора за пожарной безопасностью, где в соответствии с санкцией ст. 20.4 КоАП РФ штраф составляет 150 000 рублей, и подобные примеры можно привести по многим другим возникающим в контрольно-надзорной сфере правоотношениям.

При этом объектом проверок является соблюдение огромного количества постоянно меняющихся правил, нормативов и стандартов, которые предпринимателю практически невозможно своевременно и в полном объеме изучить и уж тем более обеспечить исполнение.

Например, при контроле соблюдения норм пожарной безопасности и требований в сфере защиты населения от чрезвычайных ситуаций сотрудниками МЧС проверяется исполнение требований не менее 18 нормативно-правовых актов, включая различные федеральные законы, постановления правительства, технические регламенты и правила.

Во многих случаях эти требования выглядят совершенно абсурдно как с точки зрения их целесообразности, так и с точки зрения здравого смысла.

Чем, например, можно объяснить требования МЧС о необходимости нахождения в офисе предприятия, не осуществляющего опасную производственную деятельность и не находящегося в зоне боевых действий, противогазов на каждого сотрудника? При этом МЧС не выдвигает подобных требований в отношении граждан, проживающих в том же доме, где находится данный офис.

Вместе с тем, как известно, тяжкие последствия чрезвычайной ситуации, связанной с наводнением в Крымске, имели место отнюдь не по причине невыполнения предпринимателями тех или иных правил и норм.

Отмечены случаи, когда к предпринимателям предъявляются требования об устранении не соответствующих противопожарным нормам минимальных расстояний между капитальными объектами, то есть фактически – о переносе зданий.

В то же время анализ реализации государственных надзорных функций в зарубежных экономически развитых странах показывает, что деятельность контрольных органов в них сосредоточена в основном на профилактике возможных правонарушений и негативных последствий, а не на их выявлении.

Например, в Латвии инспектора надзорных органов проходят специальное обучение и тренинги в качестве консультантов и любым проверкам субъектов бизнеса обязательно предшествуют соответствующие консультации по разъяснению требований нормативно-правовых актов в соответствующей сфере и порядка их исполнения.

Очевидно, что применение подобной практики в нашей стране, например, путем проведения соответствующими надзорными органами обучающих и консультационных семинаров за 1–2 месяца до плановой проверки, позволило бы своевременно устранить хозяйствующим субъектам возможные нарушения и нивелировать неблагоприятные последствия.

В ФРГ меры административного воздействия применяются к юридическим лицам только в случаях невыполнения ими выданных ранее по результатам проверок предписаний.

А в странах Бенилюкс и Франции в надзорной сфере действует режим «добропорядочной ошибки», то есть административные наказания не применяются в отношении предпринимателей, допустивших нарушения, но при этом обратившихся в надзорный орган за технической консультацией по своей инициативе.

Опыт становления экономики зарубежных стран и анализ их нормативно-правовой базы показывают, что нормальное развитие предпри-

нимательства возможно только при установлении между государством и бизнесом партнерских отношений, единых, стабильных и неизменных правил, определяющих взаимные права и обязанности и дающих возможность самому бизнесу участвовать в решении возникающих проблем (саморегулирование).

Очевидно, что в сложившейся ситуации назрела срочная необходимость принять на государственном уровне меры по принципиальному изменению порядка и условий осуществления органами исполнительной власти контрольно-надзорных функций и правоприменительной деятельности.

С нашей точки зрения, эти меры должны быть направлены на решение следующих задач.

1. В действующем административном законодательстве России не определены общие правовые основы организации и деятельности административно-контрольных и административно-надзорных органов, то есть основы их административно-правового статуса.

Между тем установление общих правовых основ функционирования органов государственного контроля (надзора) в федеральном административном законодательстве представляется необходимым в целях обеспечения четкого и единообразного правового регулирования деятельности названных органов, осуществляющих различные виды административного контроля и надзора, создания необходимых правовых гарантий защиты прав подконтрольных (поднадзорных) субъектов, исключения необоснованного и незаконного вмешательства указанных органов в деятельность данных субъектов.

Эта задача может быть решена путем принятия федерального закона «Об административном контроле (надзоре) в Российской Федерации», проект которого уже разработан кафедрой государственно-правовых дисциплин Вятского государственного гуманитарного университета и может быть представлен в Государственную Думу.

2. В действующий КоАП РФ необходимо внести изменения и дополнения, направленные на дифференцированный и сбалансированный подход в решении вопросов об административной ответственности юридических лиц.

Эти поправки также разработаны и содержат следующие основные новеллы.

2.1. Существенное снижение минимальных размеров штрафных санкций по ряду статей с целью возможности их применения в отношении субъектов малого и среднего бизнеса.

Например, размер административного штрафа на юридических лиц по ст. 8.2 КоАП РФ целесообразно было бы установить в пределах от 5000 до 250 000 рублей вместо установленного в настоящее время от 100 000 до 250 000 рублей.

2.2. В целях предоставления судьям судов общей юрисдикции и арбитражных судов дополнительных возможностей для принятия объективных и справедливых решений по рассматриваемым ими делам об административных правонарушениях в гл. 4 КоАП РФ предлагается предусмотреть положение, в соответствии с которым судья в порядке исключения вправе снижать установленный санкцией подлежащей применению нормы Особенной части КоАП РФ или закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях минимальный размер административного штрафа (то есть «ниже низшего предела» по аналогии со ст. 64 УК РФ).

2.3. Законодательное закрепление в гл. 2 КоАП РФ нормы, исключающей привлечение к административной ответственности юридического лица в случае выдачи ему по результатам проверки предписания до истечения разумных сроков его исполнения, за исключением случаев совершения юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями таких нарушений действующего законодательства, которые повлекли причинение имущественного ущерба, вреда жизни и(или) здоровью людей, объектам животного и растительного мира, окружающей среды, объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры), безопасности государства, возникновение чрезвычайных ситуаций либо создали реальную угрозу наступления указанных последствий.

3. Необходимо провести полную ревизию действующих в настоящее время и обязательных для исполнения правил, нормативов и стандартов с целью максимального сокращения возлагаемых государством на предпринимателей и контролируемых им требований, многие из которых, как отмечалось выше, не оправданы целесообразностью и необходимостью, но ложатся на субъекты малого и среднего бизнеса тяжким финансовым бременем, чрезмерно ограничивают свободу предпринимательства и частной собственности.

4. Законодательно закрепить административную и уголовную (в зависимости от тяжести последствий) ответственность должностных лиц органов исполнительной власти и местного самоуправления за нарушение законных прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, допущенных в ходе реализации надзорных полномочий или ином вмешательстве в их хозяйственно-экономическую деятельность.

5. Со стороны государства требует коренного изменения сам подход к решению вопросов обеспечения субъектами правоотношений установленных правил и норм, изменения форм и методов контрольно-надзорной деятельности.

Предлагается, например, нормативно закрепить требование об обязательном заблаговремен-

ном проведении надзорными органами консультаций (семинаров) по вопросам, составляющим предмет предстоящей плановой проверки.

6. Необходимо исключить количественные критерии оценки эффективности деятельности надзорных структур (по числу выявленных правонарушений, наказанных субъектов и суммам наложенных административных штрафов) и давать оценку исключительно по конечному результату – уровню защищенности общества от неблагоприятных последствий процессов жизнедеятельности человека.

Таким образом, можно сделать вывод, что без реализации государством в ближайшее время указанных и других мер невозможно обеспечить нормальные конкурентные условия для российских предпринимателей при интеграции России в ВТО.

УДК 342.56(470)

А. В. Семенов

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ НАРОДНЫХ СУДОВ РСФСР В 1917–1922 гг.

В статье анализируются предпосылки и сущность двух проектов институционализации советской системы народных судов в 1917–1922 гг. – левых эсеров и большевиков. Автор приходит к выводу, что реализация идеи «единого народного суда» в условиях революции и Гражданской войны была обусловлена не только теоретическими выкладками социал-демократов и политическими разногласиями между различными партиями и союзами, но и объективными социально-культурными особенностями российского общества начала XX в.

This paper analyzes the background and nature of the two projects to institutionalize the Soviet system of people's courts in 1917–1922 – left socialist-revolutionaries and the Bolsheviks. The author comes to the conclusion that the implementation of «uniform people's court» during the Revolution and the Civil War depended not only on the theoretical calculations of Social Democrats and political differences between various parties and unions, but was also dictated by the objective social and cultural peculiarities of Russian society in the early twentieth century.

Ключевые слова: советская судебная система, местный народный суд, народный окружной суд, единый народный суд.

Keywords: Soviet legal system, the local People's Court, People's District Court, uniform People's Court.

Октябрьский переворот 1917 г. и последующие революционные преобразования российского общества носили глубокий системный характер. На смену старым государственным органам, отягощенным пережитками феодальных отношений, пришли новые учреждения, свободные от сословных ограничений и слабо связанные с

прежней исторической традицией развития российского политического строя. Вместе с тем серьезное влияние на становление советской государственной системы оказывала идеология революционных партий и в первую очередь учение В. И. Ленина. В результате Советская Россия на некоторое время стала своеобразным полигоном для практической апробации радикальных идей, разрабатывавшихся в рамках социал-демократического движения в конце XIX – начале XX в. В ходе преобразовательской деятельности одни идеологические постулаты находили успешное применение в реальной жизни, другие – не прошли проверку временем и были отвергнуты как несвоевременные или неэффективные. Период 1917–1922 гг. во многом был переломным в истории нашей страны; наполненный огромным количеством разноплановых событий, обремененный военными действиями и сложной внешнеполитической обстановкой, он требует новых исследований и новых концептуальных подходов к осмыслению русской революции и последовавшей за ней Гражданской войны.

Предметом нашего исследования является становление судебной системы советских народных судов в 1917–1922 гг. В годы революции и Гражданской войны народные суды были основной судебной инстанцией, рассматривавшей как уголовные, так и гражданские дела. Вместе с тем тяжкие и особо тяжкие уголовные дела в рассматриваемый период были подсудны специализированным военизированным судам – революционным трибуналам [1]. Однако это обстоятельство несколько не умаляет того значения, какое народные суды имели в части отправления правосудия. Ведь именно народные суды были самой первой и максимально приближенной к народу инстанцией, рассматривавшей споры, возникавшие в повседневной жизни людей.

В ходе институционализации советских народных судов в 1917–1922 гг. можно выделить два основных этапа, отличающихся различными подходами к структурированию судебной системы.

Первый период охватывает 1917–1918 гг., когда построение новых судов происходило под сильным влиянием левых эсеров, входивших в состав Совета народных комиссаров до лета 1918 г. На данном этапе предполагалось создание многозвенной судебной системы с воспроизводством ряда элементов, характерных для дореволюционных российских судов. По аналогии с прежним строением дореволюционных судебных установлений первые декреты предполагали развитие двух уровней новой советской судебной системы – «мировой» и «общей» юстиции. Основным звеном «мировой» юстиции становился местный народный суд. Местные суды должны были избираться на основании прямых демократических выборов, а

до назначения таковых, временно, – уездными, городскими, районными или волостными советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Народные заседатели приглашались на каждую сессию по особым спискам. Составление списков заседателей и определение очереди их явки на сессии возлагалось на региональные советы. На основании ст. 2 Декрета о суде № 1 местным судам были подсудны гражданские дела с ценой иска не более 3000 рублей и уголовные дела по преступлениям, за совершение которых предусматривалось наказание в виде лишения свободы сроком до двух лет [2]. Декрет о суде № 3 существенно расширил подсудность местного суда: цена иска по гражданским делам возросла до 10 000 рублей, по уголовным делам максимальный срок лишения свободы, налагаемый народным судом, увеличивался до пяти лет [3].

Начиная с Декрета о суде № 1, в советском судопроизводстве отменялся апелляционный порядок обжалования судебных решений. Кассационной инстанцией по отношению к местным судам становился уездный, а в столицах – столичный съезд местных судей. Основанием для кассационного пересмотра дела была жалоба, поданная не позднее 7 дней после вынесения приговора. Съезды местных судей занимались не только пересмотром приговоров и судебных решений нижестоящих судов. В условиях революции система советского права еще только проходила стадию становления и страдала значительными пробелами и противоречиями. И на местах именно съезды местных судей взяли на себя функции разъяснения правоприменительной практики советских нормативных актов [4].

В систему судов «общей» юстиции входили окружные народные суды, охватывавшие в своей деятельности несколько уездов, составлявших судебный округ по прежнему законодательству. Члены окружных судов избирались местными советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов по округам. На общем собрании окружных судей избирался председатель суда, а также формировались составы уголовного и гражданского отделений. Работа окружного суда носила коллегиальный характер. Решение дел по существу в гражданском отделении осуществлялось в составе трех судей и четырех народных заседателей, в уголовном отделении – в составе судьи и двенадцати народных заседателей. Окружным судам были подсудны все уголовные и гражданские дела, превышавшие компетенцию местных народных судов.

Кассационной инстанцией по отношению к окружным судам должны были стать областные народные суды. Члены областных судов избирались общим собранием окружных судей одной области. В ст. 5 Декрета о суде № 2 подчерки-

валось, что при рассмотрении дела в кассационном порядке «суд имеет право отменить решение не только по формальным нарушениям, признанным им существенными, но и в том случае, если признает, что обжалованное решение явно несправедливо» [5]. После отмены приговора дело должно было передаваться на новое рассмотрение в новом составе судебного присутствия.

Своеобразным органом судебного надзора должен был стать учреждаемый в Петрограде Верховный судебный контроль. В его состав предполагалось включить представителей от областных народных судов на срок не свыше одного года с правом отзыва как со стороны окружных судов, так и советов. Главной целью создания судебного контроля объявлялось достижение единообразия кассационной практики народных судов. В случае обнаружения противоречий в толковании законов различными кассационными инстанциями Верховный судебный контроль мог выносить объединяющие принципиальные решения, которые кассационными инстанциями должны приниматься как неукоснительное руководство. Кроме того, при обнаружении неустранимых противоречий между действующим законом и народным правосознанием Верховный судебный контроль мог выходить с представлениями о необходимости принятия нового закона в законодательные органы.

Таким образом, Верховный судебный контроль должен был обладать высокой долей самостоятельности. Во-первых, формирование его состава происходило без прямого участия советов или партийных органов. Во-вторых, отменять решения судебного контроля мог «только законодательный орган советской власти». Подобная независимость высшего надзорного судебного органа не вписывалась в большевистскую концепцию построения судебной системы. Разрыв коалиции с левыми эсерами и разгоравшаяся Гражданская война заставили советское руководство внести коррективы в процесс судебного строительства. Согласно ст. 8 Декрета о суде № 3, вместо областных судов и судебного контроля предписывалось создание кассационного суда в Москве. Формирование состава кассационного суда находилось в руках Центрального исполнительного комитета и Народного комиссариата юстиции.

На первом этапе развития советской судебной системы народные судьи обладали широкими полномочиями как на стадии досудебного разбирательства, так и в ходе судебного следствия. Народные судьи обладали правом возбуждения уголовного дела, выносили коллегиальное постановление о личном задержании и предании суду. В процессе досудебного следствия судьи рассматривали жалобы на действия и определения следственных комиссий. Окружные народ-

ные суды могли вернуть материалы дела в следственную комиссию, если основания для привлечения обвиняемого к уголовной ответственности были признаны судьями недостаточными [6].

На стадии судебного следствия судья при соблюдении формальных требований открывал судебное заседание, заслушивал выступление тяжущихся сторон. По решению судьи из коллегии правозащитников приглашались общественный обвинитель и защитник. Вместе с тем суд обладал правом отказа от участия в судебном следствии профессиональных защитников по своему усмотрению.

Таким образом, система советских народных судов, созданная к лету 1918 г., состояла из двух уровней: «мировой» юстиции – местных народных судов и уездных съездов местных народных судей – и «общей» юстиции – окружных судов и кассационного суда в столице. Подобное построение судебных органов имело ряд достоинств и недостатков, которые, в свою очередь, носили как объективный, так и субъективный характер. Основная причина отказа от дореволюционной судебной системы и советского судоустройства первого этапа (1917–1918 гг.) заключается в том, что в крестьянской, малограмотной стране, каковой являлась Россия в начале XX в., функционирование судов, разделенных на несколько территориально оторванных друг от друга уровней, состоявших из профессиональных юристов, опиравшихся на тома непонятного для простого народа свода законов материального и процессуального права, вряд ли было возможным. На смену ему должен был прийти суд скорый, приближенный к месту проживания граждан, состоящий из лиц, равных большинству населения по социальному статусу, понятный как по содержанию применяемых норм права, так и по процессуальной форме. И отношение большевиков к построению советской судебной системы в большей степени соответствовало народным ожиданиям. В частности, В. И. Ленин в работе «Государство и революция» ратовал за максимальное упрощение процедуры государственного управления, в том числе и судопроизводства, полагая, что «специфическое “начальствование” государственных чиновников можно и должно тот час же... начать заменять простыми функциями “надсмотрщиков и бухгалтеров”, функциями, которые уже теперь доступны уровню развития горожан вообще и вполне выполнимы “за заработную плату рабочего”». По мере развития пролетарской революции будет происходить «отмирание» всякого чиновничества и тем самым создаваться такой порядок, «когда все более упрощающиеся функции надзора и отчетности будут выполняться всеми по очереди, будут затем становиться привычкой и, наконец, отпадут, как особые функции особого слоя людей» [7].

К ликвидации окружных судов большевиков также подталкивала практика работы советских судов в первом полугодии 1918 г. Народный комиссар юстиции Д. Курский называл четыре причины перехода к системе единых народных судов. Во-первых, одним из отличий местных судов от окружных являлось большее число заседателей в последнем (четыре для гражданских и двенадцать для уголовных отделений). Однако, по мнению Курского, и в системе единого народного суда было возможно увеличение заседателей по наиболее сложным делам, в особенности уголовным. Во-вторых, подавляющее большинство дел прежних окружных судов (примерно $\frac{3}{4}$ от общего числа) в соответствии с декретами о суде было подсудно местным народным судам. В-третьих, национализация земли и промышленных предприятий, ограничение частной собственности неизбежно вели к сокращению «крупных» исков, которые могли быть подсудны окружным судам. В-четвертых, окружной суд не отвечал одному из основных требований, предъявляемых к советским народным судам, – территориальной близости к населению. Д. И. Курский по этому поводу отмечал: «Мы имеем факты, говорящие о том, что окружной народный суд на местах всю свою деятельность сосредоточивает на выездных сессиях. По идее окружной суд должен быть в центре, он должен представлять собой специальный аппарат для рассмотрения сложных уголовных и гражданских дел, – в действительности же он выезжает из этого центра и приближается к населению» [8]. А в условиях военных действий, охвативших большую часть страны, право кассационного обжалования судебного решения в инстанциях, удаленных от места вынесения приговора, становилось затруднительным и иногда невозможным в принципе.

Второй период развития советской судебной системы начался в конце 1918 г. и продолжался до судебной реформы 1922 г. Основным звеном судебной системы судов общей юрисдикции становился народный суд, действовавший в пределах района, уездного или городского. В городах судьи избирались общими собраниями районных или городских советов рабочих и крестьянских депутатов, в уездах – исполнительными комитетами уездных советов. При рассмотрении определенных категорий дел вместе с судьей в судебном следствии участвуют народные заседатели, кандидатуры которых утверждаются исполнительными комитетами советов. «Положение о народном суде РСФСР» от 30.11.1918 г. предусматривало формирование трех судебных составов: 1) одного постоянного народного судьи; 2) постоянного народного судьи и двух очередных народных заседателей; 3) постоянного народного судьи и шести народных заседателей.

В соответствии со ст. 9 «Положения» при рассмотрении уголовных и гражданских дел «очередные народные заседатели во всех стадиях судебного разбирательства пользуются одинаковыми правами с постоянным народным судьей, решая совместно с ним вопросы о факте преступления, наказания, присуждения исковых требований, или отказе в иске, и все вопросы, возникающие при разборе дел» [9].

Народному суду в пределах района были подсудны все уголовные и гражданские дела за исключением дел, подсудных революционным трибуналам (дела о контрреволюционных деяниях и выступлениях, саботаже, дискредитировании советской власти и шпионаже). Если революционный трибунал признавал дело не имеющим политического значения, то оно могло быть передано в народный суд.

Кассационной инстанцией по отношению к народным судам стали советы народных судей, образуемые на уровне губерний. Прежние съезды местных судей подлежали упразднению. В состав совета народных судей входили: председатель совета судей и его заместитель, постоянные члены совета народных судей (от двух до пяти человек) и народные судьи губернии по очереди. Председатель, заместитель председателя и постоянные члены совета народных судей избирались губернскими съездами народных судей округа и утверждались исполнительными комитетами губернских или городских советов рабочих и крестьянских депутатов.

Структура совета народных судей включала в себя: 1) президиум в составе председателя, его заместителя и постоянных членов совета судей; 2) уголовные и гражданские отделения, во главе которых находились члены президиума. «Положение о народном суде РСФСР» от 30.11.1918 г. предусматривало образование в рамках совета народных судей двух судебных составов: а) для рассмотрения кассационных жалоб – два члена президиума и три народных судьи; б) для рассмотрения частных жалоб и жалоб на отдельные действия народных судов – один член президиума и два народных судьи. В соответствии с «Положением о народном суде РСФСР» от 21.10.1920 г. для разбора всех кассационных и частных жалоб образовывался один судебный состав – один член президиума и два народных судьи [10].

Кассационные жалобы должны были передаваться или через народный суд, который вынес приговор или решение, или непосредственно в совет народных судей. Срок подачи кассационной жалобы увеличивался до одного месяца со дня объявления приговора.

Положение о народном суде от 30 ноября 1918 г. предусматривало отказ от создания кас-

сационного суда в Москве: «Пересмотр дел в кассационном порядке производился в губернских советах народных судей, а последние не рассматривали дела по первой инстанции. При этих условиях не было необходимости в существовании специального кассационного суда в центре республики» [11].

Система «единого народного суда» имела ряд существенных недостатков. Во-первых, к таковым относится низкий образовательный уровень народных судей. Если декреты о суде № 1–3 разрешали принимать на судебские должности работников прежних судебных установлений, то в «Положении о народном суде» от 30 ноября 1918 г. к кандидатам на должность судьи предъявлялся определенный социально-политический ценз. В результате и без того невысокий образовательный и квалификационный уровень судебных работников стал неуклонно снижаться. Во-вторых, замыкание судебного разбирательства на уровне уездов и губерний и, как следствие, отсутствие единого органа судебного надзора приводили к потере контроля над работой кассационных инстанций – губернских советов судей. Сложившееся положение мешало и обобщению судебной практики в рамках всей судебной системы.

Окончание Гражданской войны потребовало проведения новой судебной реформы в России. Главной задачей стала ликвидация чрезвычайных органов революционного правосудия и завершение формирования единой централизованной системы советских судов. В 1922 г. постановлением ВЦИК было утверждено новое «Положение о судеустройстве РСФСР», отменившее действие прежнего законодательства [12]. Начался новый этап в развитии советской судебной системы.

Таким образом, советские народные суды изначально формировались как система единообразных судебных органов, обладавших общей юрисдикцией. Имевшиеся на первом этапе на местах отклонения от утвержденных центром положений и инструкций не были системными, носили временный характер и были связаны с трудностями переходного периода в целом. В 1917–1918 гг., на первом этапе становления советских судов, новые органы правосудия имели некоторые черты, присущие прежней судебной системе. Сохранялось деление судов на «мировую» (местный народный суд) и «общую» (окружной суд) юстицию. Территориальная подсудность местных народных судов почти полностью совпадала с территориальной подсудностью ста-

рых мировых судей. Категории дел, рассматривавшиеся в новом советском народном суде, были практически идентичны подсудности прежних мировых судов.

Однако социальные, культурные и политические особенности российского общества переломного периода в истории России XX в. (1917–1922 гг.) не позволили укрепить и расширить демократизированную судебную систему, создаваемую при активном участии левых эсеров. Уже в конце 1918 г. большевики, руководствуясь идеями максимального упрощения судопроизводства и приближения его к населению, реализовали свой проект «единого народного суда». Недостатки, присущие единому суду, стали выявляться по мере окончания Гражданской войны, и реформа 1922 г. частично возродила те элементы построения судебной системы, которые были отвергнуты ранее.

Примечания

1. Создание революционных трибуналов в 1918 г. шло быстрее, чем образование народных судов. Поэтому на местах в первое время трибуналы были вынуждены рассматривать уголовные дела, не входившие в подсудность этих чрезвычайных судебных органов. По мере открытия советских народных судов в районах и уездах революционные трибуналы освобождались от неподсудных им дел путем их передачи в местные суды.
2. Декрет о суде № 1 // «Собрание Узаконений» (СУ). 1917. № 4. Ст. 50.
3. Декрет о суде № 3 // СУ. 1918. № 52. Ст. 589.
4. Например, материалы работы Слободского и Яранского уездных съездов местных народных судей Вятской губернии свидетельствуют о том, что весной и летом 1918 г. на распорядительных заседаниях съездов рассматривались вопросы толкования и правоприменения норм брачно-семейного права, декретов об отмене наследования и о суде (см. Государственный архив Кировской области. Ф. Р-404. Оп. 1. Ед. хр. 199. Л. 8–9).
5. Декрет о суде № 2 // СУ. 1918. № 26. Ст. 378.
6. Об организации и действии местных народных судов (инструкция) // СУ. 1918. № 53. Ст. 590.
7. Ленин В. И. Государство и революция // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. М., 1965. С. 49–50.
8. Курский Д. И. О едином народном суде // Курский Д. И. Избранные статьи и речи. М., 1958. С. 55.
9. Положение о народном суде РСФСР от 30.11.1918 г. // СУ. 1918. № 85. Ст. 889.
10. Положение о народном суде РСФСР от 21.10.1920 г. // СУ. 1920. № 83. Ст. 407.
11. Кожевников М. В. История советского суда. 1917–1956. М., 1957. С. 75.
12. Положение о судеустройстве РСФСР от 11.11.1922 г. // СУ. 1922. № 691.

Д. К. Ярославцева

МЕТОД ТОЛКОВАНИЯ КОНСТИТУЦИИ США: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ, ОБЩАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ

В статье анализируются понятие и сущность методов толкования норм права, а также дается характеристика основным методам толкования Конституции США.

The article deals with the concept and essence of the methods of interpretation of legal norms; it also defines the basic methods of interpretation of the United States Constitution.

Ключевые слова: Конституция США, Верховный суд США, судебный конституционный контроль, конституционное толкование, метод толкования.

Keywords: the constitution of the USA, the Supreme Court of the USA, judicial review, the constitutional interpretation, method of interpretation.

Толкование федеральной Конституции, даваемое управомоченным органом, – это общеобязательное разъяснение содержащихся в тексте Конституции понятий, формулировок, норм. Толкование норм Конституции предполагает также и уяснение смысла, вложенного в конституционную норму правотворческим органом, для ее правильного применения.

Если на первом этапе действия Конституции толкование связано преимущественно с ее текстом, то на последующих этапах перед интерпретатором (особенно если Конституция «жесткая», то есть внесение в нее поправок и изменений затруднено, а именно такой и является Конституция США) встает более сложная задача корреляции конституционных норм и новых общественных отношений. При этом не стоит забывать, что толкование Конституции не должно использоваться как способ скрытого пересмотра Конституции, отказа от применения ее принципов и норм, переставших отвечать интересам господствующих в обществе политических сил.

О результатах, которые может дать толкование конституционных норм и Конституции в целом, свидетельствует Основной закон США, долголетие которого во многом связано с деятельностью Верховного суда по его толкованию.

Можно сказать, что толкование Конституции США состоит в преодолении Верховным судом неопределенности в понимании ее положений, в выяснении ее объективного смысла и выявлении содержащихся в ней позитивных правовых принципов. Тем самым, во-первых, устраняются погрешности и пробелы законодателя, а во-вторых,

идет обогащение понятий и уточнение значения слов, применяемых в Основном законе.

Метод толкования Конституции в действиях Верховного суда США – это совокупность способов и средств, т. е. приёмов, с помощью которых ведется правоинтерпретационная деятельность Суда, направленных на разъяснение содержащихся в тексте Конституции понятий, формулировок и уяснение смысла, вложенного в конституционную норму правотворческим органом, для ее правильного применения. За приёмами толкования права следуют принципы и правила толкования, на которых каждый конкретный приём толкования права основывается.

Среди отечественных теоретиков права специальное внимание вопросам толкования права в своих работах уделяют С. С. Алексеев, Е. В. Васильковский, Н. Н. Вопленко, Н. В. Витрук, Г. А. Гаджиев, Б. П. Спасов, А. С. Пиголкин, А. Ф. Черданцев, Ю. А. Тихомиров и др. Что касается зарубежных исследователей, к числу которых можно отнести Дж. Уилсона, Р. Дворкина, Б. Фитцджеральда, Д. Хаурда и других, то специфика англосаксонской правовой системы, к которой относятся и Соединенные Штаты, достаточно долго, по мнению Е. Б. Абдрасулова, «направляла юридическую мысль на решение вопросов применения и толкования прецедентного права, а теория толкования закона не получила развития в силу, во-первых, большого объема применения прецедента, а во-вторых, отношения судей к закону, который рассматривался в качестве необходимого «зла», разрушающего гармонию общего права» [1].

Стоит отметить, что Основной закон американцев живёт постольку, поскольку его соблюдают граждане и применяют должностные лица, органы государственной власти, а применяя Закон, и органы власти, и должностные лица должны его осмыслить, то есть, другими словами, истолковать определенным способом [2]. И это толкование, как показывает практика, может разойтись и с «буквой», и с «духом» Конституции как с критерием правомерности любых правовых актов [3]. Иначе говоря, Верховный суд США занимается не просто буквальным истолкованием текста закона, но учитывает и создает по многим делам правоприменительную практику, то есть высший судебный орган США оценивает не застывший на бумаге текст, а его живое, осуществляемое на практике звучание. При этом важным моментом является тот факт, что Верховный суд США не придерживается строго каких-либо единых правил или приёмов конституционного толкования. Формы его меняются и зависят не только от характера конституционных предписаний.

Рассмотрим в общих чертах факторы, которые определяют в разных ситуациях выбор

судьями высшего судебного органа США того или иного метода толкования Основного закона. Во-первых, наличие неоднозначных формулировок в законодательных актах, что приводит к различной, а порой и полярно противоположной их интерпретации судами, по-разному применяемыми в схожих ситуациях одни и те же правовые нормы. Во-вторых, одной из главных целей американского конституционализма XIX в. было конституционное закрепление и развитие буржуазных прав и свобод, присущих эпохе классического либерализма, конституционных принципов федерализма и разделения властей. При этом развитие осуществлялось не только за счет разработки и принятия в результате процедуры поправок новых конституционных положений, но и в значительной степени благодаря новому толкованию существующих конституционных норм и принципов, формулированию новых конституционно-правовых доктрин и концепций. В-третьих, использование тех или иных приёмов конституционного толкования зависит, прежде всего, от характера самих конституционных норм. В-четвертых, важное значение имеют также социально-экономические и политические факторы, определяющие общую ориентацию Верховного суда. И наконец, стоит учесть те правовые и психологические установки, которыми руководствуются судьи, по-разному оценивающие не только юридические свойства Конституции, но и свою собственную роль в ее толковании: коллективный характер интерпретационного процесса, в ходе которого сталкиваются различные взгляды судей, и выработка окончательного согласованного решения, принятого в ходе свободного обсуждения людьми, придерживающимися порой противоположных взглядов на соотношение «объективного» и «творческого (созидательного)» в истолковании.

Таким образом, в наиболее законченной форме можно считать, что модификация и трансформация решений Верховного суда США неизбежны. Причины этого кроются не столько в особенностях субъективных склонностей и взглядов самих судей, сколько в изменении и развитии самого государства: политической обстановки, экономики, общественного правосознания, правовой и политической культуры [4].

В то же время, как пишет Н. М. Карасев, необходимо весьма осторожно подходить к решению проблемы толкования нормативных правовых актов. Это связано с тем, что, используя механизм толкования с применением различных приёмов (логических, лингвистических и т. д.), можно наполнять толкуемую норму новым смыслом, не соответствующим первоначальной идее, которая ставилась при ее разработке. Это может привести, с одной стороны, к резкому снижению

качества законов (так как всегда можно будет действовать по принципу «Главное принять, а там истолкуем как нужно»), а с другой – к осложнению правоприменительной практики, ибо весьма непросто будет выяснять, какая норма и в какой ситуации должна действовать. Поэтому толкование должно быть выражено в более жесткой, усложненной форме [5].

Способы и приёмы, которыми руководствуется интерпретатор, основываются на определенных принципах (основополагающих началах, правилах) толкования. Как утверждает Е. В. Васильковский, «в каждом конкретном случае необходимо обладать знанием правил толкования» [6]. Действительно, правильная интерпретация норм закона невозможна без знания основных правил или способов толкования. Их основное содержание, обобщая работы российских и зарубежных авторов, сводится к следующему:

1) Конституция была признана законом, подлежащим толкованию, как любой другой акт;

2) суды общей юрисдикции вправе толковать Конституцию, но лишь для того, чтобы решать дела в соответствии с ней;

3) в случае возникновения противоречий или правовых коллизий между Конституцией или каким-либо законом суды обязаны применять Конституцию как высший закон государства либо те нормативные акты, которые соответствуют ей, – принцип прямого действия Конституции;

4) вопрос о неконституционности того или иного акта возникает лишь в случае его официального опубликования и вступления в силу [7];

5) если возникла коллизия правовых ценностей, охраняемых Конституцией, то не допускается одностороннее предпочтение и реализация одного за счет другого, – принцип практического соответствия;

6) отдельные нормы Конституции должны быть истолкованы так, чтобы они имели оптимальную силу действия, – принцип нормативной силы Конституции [8];

7) Верховный суд рассматривает вопрос о неконституционности не в рамках самостоятельного производства, а непосредственно в связи со слушанием какого-либо дела, тем самым устанавливая для всех судов обязательный прецедент применения или не применения нормативных актов [9];

8) Plain Meaning Rule – суды не должны изменять суть закона под видом его интерпретации;

9) The Mischief Rule – смысл толкования закона состоит в том, чтобы убедиться в действительном намерении законодателя и усилить эффективность его реализации (для этого необходимо, в частности, выяснить, во-первых, причину появления закона; во-вторых, обстоятельства,

при которых норма была издана; в-третьих, вред, которого хотели избежать, и, в-четвертых, цель, которую хотели достичь);

10) The Golden Rule – суд обязан применять закон так, чтобы избежать возможности абсурдного решения [10].

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы: во-первых, важнейшим источником судебно-конституционных доктрин (принципов, правил толкования) является судебная практика Верховного суда США; во-вторых, определяющим началом при толковании Конституции США выступает раскрытие истинного, объективного смысла ее положений; в-третьих, судебно-конституционные доктрины (принципы, правила толкования) не всегда имеют четкое нормативное закрепление; в-четвертых, главное в работе Верховного суда – то, какой подход он выберет в трактовке этих принципов; в-пятых, судебно-конституционные доктрины служат типовым методом разрешения сходных по характеру дел.

Метод толкования состоит из двух процедур. Во-первых, выявление значения каждого отдельного знака (слова), которые образуют соответствующие смысловые единицы, во-вторых, «установление значения всей правовой нормы или совокупности таких норм, а также права в целом на основе существующих связей между отдельными смысловыми единицами, с одной стороны, и связей правовых норм и права в целом с общественными и иными явлениями – с другой» [11].

В общей теории права существует несколько классификаций толкования норм права. В зависимости от субъектов выделяют официальное и неофициальное толкование (в нашем случае Верховный суд США является официальным субъектом, осуществляющим казуальное судебное толкование конституционно-правовых норм). В зависимости от средств выделяют грамматическое, логическое, систематическое, историческое, социологическое и другое толкование. В зависимости от объема толкование может быть буквальным, ограничительным или расширительным.

В огромном своде решений Верховного суда США также можно выделить те средства, которые используются в процессе толкования Конституции. В их числе – позитивистское и историческое осмысление конституционных норм; выявление целей, поставленных перед Конституцией ее авторами; структурный анализ Конституции как целостного документа; анализ функциональных характеристик конституционных норм; использование прецедентов; применение социологических подходов.

Можно сказать, что в законодательстве большинства стран мира и в США в частности отсутствует четкая регламентация способов толкова-

ния, которыми следует пользоваться при раскрытии смысла и содержания норм права [12]. Что касается большинства решений Суда, необходимо отметить, что они являются естественной попыткой судов истолковать Конституцию в соответствии со здравым смыслом, но по возможности близко к ее букве, выражающей намерения ее авторов. Однако в ряде случаев общепринятое в настоящее время истолкование Конституции находится в очевидном противоречии с смыслами «отцов-основателей».

Обобщая указанные выше средства и приемы толкования Конституции, необходимо отметить, что они варьируются от «текстуализма», т. е. «буквального толкования» (strict construction), и «судебного оригинализма», т. е. толкования, исходящего из выяснения действительных намерений законодателя (judicial activism), до «интерпретации на основе фундаментальных прав», т. е. «свободного (широкого) толкования (overbreadth construction) [13]». В первом случае «срабатывает» такое правило: правом является только то, что содержится в нормативных актах. В связи с этим выясняется не то, что хотел сказать законодатель, а только то, что он сказал в этом акте. Следовательно, толкуется не воля законодателя вообще, а воля законодателя, содержащаяся в правовых нормах. Во втором случае считается, что субъекты толкования могут понимать нормы закона лучше, чем их понимали законодатели, утверждая, что интерпретация закона может быть предельно расширительной, допускающей вложение совершенно нового смысла в общие формулировки Конституции и соответствующей правопреемству.

Более того, в ряде своих решений Верховный суд США использовал сложный метод толкования, заключающий в себе не один, а несколько самостоятельных методов. Это можно объяснить тем, что каждый метод дает возможность познать лишь какие-то отдельные стороны объекта. Отсюда возникает необходимость во «взаимной дополнительности» отдельных методов, что обусловлено, кроме всего прочего, тем, что каждый способ и прием толкования имеет определенные пределы своих познавательных возможностей. В конечном итоге в результате применения судами нетривиальных приемов интерпретации конституционное устройство США довольно значительно отличается от предусмотренного текстом самой Конституции.

В этом контексте как в теоретическом, так и в практическом плане необходимо всестороннее изучение каждого из указанных способов толкования в деятельности высшего национального судебного органа США и установление оптимальных пределов его интерпретационной деятельности.

Примечания

1. Абдрасулов Е. Б. Толкование закона и норм конституции: теория, опыт, процедура: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Алматы, 2003. С. 14.

2. Об этом говорит и известный французский правовед Р. Давид, который отмечает, что без учета толкования, только лишь путем ознакомления с текстом невозможно понять ни одного положения Конституции, в частности, решить вопрос о том, соответствует ли ей тот или иной закон. См.: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности: пер. с фр. В. А. Туманова. М.: Международные отношения, 2003. С. 213.

3. «Когда мы имеем дело с положениями Конституции США, – пишет О. Холмс, – то мы должны понять, что они применяются в жизни, развитие которой совершенно нельзя было предвидеть даже наиболее одаренным из ее создателей... Поэтому дело, которое находится перед нами, должно быть рассмотрено в свете нашего полного опыта, а не просто в свете того, что было сказано сотню лет назад». См.: Старченко А. Философия права и принципы правосудия в США. М.: Высш. шк., 1969. С. 15.

4. «Верховный Суд, в отличие от судов низшей инстанции, не связан собственными прецедентами. Таким образом, при случае, Суд будет аннулировать более ранний прецедент явно или косвенно... В последнем случае Суд участвует в процедуре, которая может использоваться для того, чтобы избежать политической или других типов критики», – считает С. Альмер. См.: Ulmer Sidney S. Supreme court policymaking and the constitutional law. N. Y., 1986. P. 26.

5. Карасев М. Н. Некоторые аспекты толкования норм права // Журнал российского права. 2000. № 11. С. 24.

6. Васильковский Е. В. Руководство к толкованию и применению закона. М.: Юридическое бюро «Городец», 1997. С. 38.

7. Клишас А. А. Конституционная юстиция в зарубежных странах. М.: Международные отношения, 2004. С. 18.

8. К. Грассхоф. Цит. по: Гаврилов Д. А. Правоприменительное толкование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Волгоград, 2000.

9. Сафонов В. Е. Институт судебного конституционного контроля в зарубежных странах. История, теория, практика. М.: Российская Академия Правосудия, 2003. С. 14.

10. Паджиев Х. И. Толкование права и закона. М., 2000. С. 85.

11. Лукич Р. Цит. по: Хабибулина Н. И. Толкование права: новые подходы к методологии исследования. СПб., 2001. С. 13.

12. Как заметил Р. Давид, «законодатель с похвальной мудростью никогда не считал, что можно установить определенные методы толкования; любые правила, которые могли бы быть изданы им в этой связи, не уменьшили бы свободу толкования. Нигде и никогда практика не придерживалась только одного из существующих методов толкования; стремясь найти справедливое решение, она комбинирует различные подходы». См.: Давид Р. Указ. соч. С. 85.

13. Более подробно см.: Goldberg Arthur J. Equal justice: The warren era of the Supreme Court. N. Y., 1972. P. 35–63.

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 398(=511.131)(045)

Т. Г. Владыкина

СИМВОЛИКА БЕРЕЗЫ В СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ УДМУРТОВ*

Образ березы в свадебной традиции удмуртов рассматривается в контексте мифологических представлений, где дерево выступает как медиатор природных сфер и/или как символ женского начала. Прослеживается связь образа богини-прародительницы с образами невесты-дерева/невесты-березы, невесты-зверя, невесты-птицы.

The image of the birch in the Udmurt wedding tradition is analyzed in the context of mythological conceptions, according to which the tree acts as the mediator of natural areas and/or as a symbol of the feminine. The connection of the image of the goddess-progenitress with the images of the bride-birch, bride-animal, bride-bird is traced.

Ключевые слова: мифологические представления; свадебная традиция удмуртов; дерево-медиатор; женское начало; зоо-, орнито-, фитоморфные образы невесты.

Keywords: the mythological notions; the Udmurt wedding tradition; tree-mediator; the feminine; zoo-, ornito-, phytomorphic images of the bride.

Одним из главных символов в мифопоэтической картине мира разных народов является дерево, объединяющее пространственные и временные параметры. Чаще всего оно выступает в роли медиативного звена, посредника, связующего по вертикали три сферы [1]. Актуализация отдельных свойств разных пород деревьев соотнесена с ритуальными ситуациями календарных или семейных обрядов, божествами и духами природных сфер. Так, у удмуртов дерево (береза, липа), растущее рядом с родовым святилищем, воспринималось как центр Земли/родины (*мудор*). Береза считалась деревом Бога-Творца (*Кылдысин*), сосна – Бога воздуха и небес, Всевышнего (*Ин(в)-мар*), ель – Бога погоды/атмосферы (*Куазь*) [2].

Дерево являлось ключевым элементом «вознесения» жертвы во время молений, восприни-

малось как природная «лестница в небо». Эта же ипостась дерева встречается и в других ритуальных ситуациях. Проникновение желающего обучиться тайному знанию (*туно*) в потусторонний мир совершается, согласно верованиям удмуртов, по дереву (березе, дубу) вниз головой, т. е. дереву, растущему «корнями вверх», иначе – зеркально спроецированному в иной мир [3]; колдун перевоплощается в зверя, например в медведя, на рябине [4].

Символика взбирания на дерево, по мнению исследователей мифологии сибирских народов, очень сложна [5], но более или менее прозрачна в обряде посвящения шамана, когда он должен был «вызреть» в гнезде «дерева-матери», на березе, и потому бегал вокруг деревьев по специально сооруженной березовой аллее, забирался и перепрыгивал через них, а иногда сидел на березе всю ночь [6].

Мифологическая основа фольклорно-этнографического корпуса текстов сибирских народов оказывается чрезвычайно важной для понимания удмуртского материала, сохранившего, несмотря на территориальную отдаленность, не просто типологическое сходство, но древние урало-алтайские параллели образов и мотивов, обусловленные этногенетическим родством и дающие возможность дешифровать символику обрядовых ситуаций и сложных ассоциативных связей песенных формул.

Береза в удмуртской традиции, как об этом уже было сказано выше, связана с одним из верховных божеств – Богом-Творцом (*Кылдысин*). В сформировавшейся триаде удмуртского пантеона он воспринимается как бог плодородия (*Му-Кылчин*). Эволюционировал из представлений о женском творящем начале – Матери-самке (*Калдык-мумы/Калтак*), которое проявляется в поздних чертах Кылдысина: он может предстать в облике и мужчины, и женщины; покровительствует женщинам, родам, вообще детям (*Нунь-Кылчин*), приплоду скота. В этой ипостаси обнаруживает типологические параллели с *Колтыш* уржумских марийцев и *Колтець* обских угров [7]. В древности жил среди людей, ходил по полям в образе старика в белой одежде, следил за посевами. Но люди распахали межи, и Кылдысину негде стало ходить, к тому же люди начали носить не белые, как он, а крашенные одежды. Оскорбившись, Бог покинул людей и удалился

* Статья подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и новации в истории и культуре». Проект № 2-П-6-1011 «Этнокультурное наследие Камско-Вятского региона: источники, материалы, исследования»

на небеса (по другой версии – под землю). Люди умоляли Кылдысина вернуться на землю. Однажды он появился на священной берёзе в виде белки. Люди хотели заполучить его навсегда и подстрелили белку, но она превратилась в рябчика, тот – в тетерева, тетерев – в окуня, который скрылся то ли под водой, то ли под землей.

Ипостаси перевоплощения Кылдысина (беличья шкурка, крыло рябчика/тетерева, сушёная рыбка) удмурты хранили в специальном коробе в родовом святилище (*куа/ла*).

Образы-перевоплощения Бога-Творца в зафиксированном мифологическом предании уже принадлежат к «мужскому» миру. Но свою архаическую основу в виде женских символов образы сохранили в свадебной традиции: птица (самочка рябчика, тетерка, соловей), пушной зверек (белка, лисица), дерево (береза, липа, ольха), рыба (сорожка, плотва) – устойчивые символы невесты в свадебных песнях удмуртов, причем зоо-, орнито-, ихтио- и фитоморфный «комплект» может встречаться как по отдельности, так и в одном тексте в виде многочленного вариационного параллелизма:

...Мы проехали по пути, где свистит рябчик,
Мы проехали по пути, где токует тетерка... [8];

По лесу мы проехали по свету березы,
По болоту мы проехали по свету таволги,
По лугу мы проехали по лисьим норам,
По мосту мы проехали по свету играющей сорожки... [9];

...Под хвойных да деревьев хвоей мы проехали.
По боровым холмам токующих тетеревов мы проехали.
Вдоль рек свистящих рябчиков мы проехали.
В темный лес мы заехали да – на свет белых берез выехали... [10]
(Здесь и далее подстрочные переводы автора. – Т. В.)

Образы дальней лесной дороги, по которой едут поезжане, оказываются связаны не только и не столько с пространственными ориентирами, но с целью, которой они должны достичь, отправляясь в дальний путь. Они едут именно по той дороге, куда их заманивает посвист птиц [11], красота растений, зверей, видов рыб – индикаторных образов невесты (удмуртское *кен/выль кен* «сноха; новая/молодая сноха», коми-пермяцкое *кӧн* «женская особь птиц» [12] связаны, очевидно, с представлениями о женщине как рождающем начале, женщине-прародительнице < женщине-птице). Чаще всего эти образы сохранены в свадебных песнях северных удмуртов:

Самочка рябчика свистела-пела,
Тетерка свистела-пела.

Самочки рябчика-тетерева над стогом пролетели,
Над лесом пролетели.
Идите-придите, сватами будем!
Идите-придите, сватями будем!.. [13];

Наши да сваты что за сваты!
Под елями, по которым бегают белки, они проехали,
Под еловой хвоей, где свистят рябчики, они проехали,
На семидесяти парах лошадей
Под восьмьюдесятью липами они проехали [14].

Метафоризация ритуальной ситуации осуществляется в текстах разными способами, наиболее распространенный – констатация образов невесты, их нанизывание-перечисление. Сегодня эти образы воспринимаются однозначно как описание пути поезжан. Но до сих пор среди них выделяется образ невесты в виде «спаренных» символов дерева и птицы (голубки на ветках черемухи, соловушки в саду), дерева и пушного зверька (белки на березе) [15] (ср. в связи с этим женскую символику белки и березы в культуре славянских народов [16]).

Самым распространенным по частотности употребления оказался образ невесты-березы, усложненный символикой «взбирания» на дерево («Быстро [букв.: бегом] взобрался я на березу / За платком с желтой бахромой. // Оказалось, что это не платок [покрывало], / Оказалось, это наша сестрица [невеста]» [17]). Понять смысл формулы невозможно без понимания содержания песни, а само содержание непонятно без знания свадебного сценария. Согласно традиции, на свадебном пиру в доме жениха поезжанам со стороны невесты на их требование «вернуть сестрицу» вручали символическую замену (стакан топленого масла с воткнутым в него гусиным пером или головной платок-покрывало (*сюлык*) замужней женщины) [18].

«Подтекст» образа, вторая ипостась символа, прослеживается в мифологических представлениях об обретении человеком нового статуса в процессе ритуала (девушка-невеста – женщина-жена, юноша-жених – мужчина-муж). О роли березы в обрядах перехода мы говорили выше в связи с перевоплощением шамана у сибирских народов и знающего (*туно*) у удмуртов. Помимо последней ситуации, удмурты в некоторых локальных традициях сохранили непосредственную акцию взбирания на березу в обряде купания невесты во время сенокоса (*сялтым*) через полгода или год после свадебного пира. Молодые люди с позволения старших срывали с молодилцы платок, фартук или верхний кафтан и забрасывали их на березу. Задачей мужа было достать вещи жены [19]. Инициации, таким образом, на последнем этапе свадебного ритуала подвергались обе половины молодой четы, яв-

ляя миру новую семью с помощью символических испытаний.

Логика фактов в статье была бы неполной без истории моей мамы, которая случилась с ней в юности и которую она рассказывала мне не раз, а в последний – вспомнила незадолго до своего ухода. Эта история всегда была для меня забавным эпизодом без каких бы то ни было дополнительных смыслов. Но так было до тех пор, пока и сам сюжет, и детали этой истории не сложились в целостную картину-послание в контексте анализируемых образов-символов удмуртского фольклора.

Моя матушка (Перевозчикова-Данилова Софья Григорьевна, 1924 г. р., уроженка д. Ульмоль Увинского р-на Удмуртии) возвращалась со своими одноклассниками, а учились они тогда в 6-м или 7-м классе, с базара из другого села. Она несла корзинку, в которой лежал аккуратно сложенный белый ситцевый платок, купленный на деньги, вырученные, кажется, с продажи яиц. Вдруг шедший рядом паренек выхватил из корзинки платок, взобрался на березу, растущую у дороги, и прикрепил его там. Мама, обиженная до глубины души поведением сверстника, молча пошла дальше, и как ни пытался тот завести разговор, не откликнулась, решив, что ее новый платок так и останется на дереве. Но юноша победой обратно и вернул покупку. Вернувшись домой, мама пожаловалась своей матери, а та, встретив паренька, пожурила его за то, что он обидел ее дочь. На что тот ответил: «Тетя, я не обижал твою дочь. Я ведь женюсь на ней, когда вырасту. И у нас дети будут». Так мама, не подозревавшая о чувствах паренька, узнала о его симпатии к ней. Жизни суждено было распорядиться иначе, но мама не раз с улыбкой вспоминала этот случай, «подарив» его мне и не подозревая, как я распоряджусь этим подарком-посланием. Посланием удмуртской традиционной культуры, которая сохраняла и до сих пор хранит «тайнопись» не только вербальной сферы, но и акционально-атрибутивных знаков-символов.

Примечания

1. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / Э. А. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев, М. С. Усманова. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. С. 57–60 и др.; Агапкина Т. А. Дерево //

Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 2. Д – К (Крошки). М., 1999. С. 60–67; Владыкина Т. Г., Глухова Г. А. Писпу [Дерево] // Ар-год-берган: обряды и праздники удмуртского календаря. Ижевск, 2011. С. 108–111; Шутова Н. И. Дерево в традиционном удмуртском мировоззрении // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск, 2011. Вып. 2. С. 56–71.

2. Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994. С. 111.

3. Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой систематики и эволюции. Ижевск, 1998. С. 64.

4. Богаевский П. Материалы для изучения народной словесности вотяков // Этнографическое обозрение. 1892. № 4. С. 174.

5. Сагалаев А. М. Урало-алтайская мифология: символ и архетип. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. С. 87–89.

6. Там же. С. 88.

7. Владыкин В. Е. Указ. соч. С. 181–182; Владыкин В. Е. Кылдысин // Удмуртская Республика: энцикл. Ижевск, 2000. С. 442; Владыкина Т. Г., Глухова Г. А. Ар-год берган ... Указ. соч. С. 85–86.

8. Ингур [Поднебесье]: учебник-хрестоматия по удмуртскому фольклору / авт.-сост. Т. Г. Владыкина. Ижевск, 2004. С. 182.

9. Там же. С. 183.

10. Удмурт калык кырзанъёс [Удмуртские народные песни]. Вып. 2 / сост. М. П. Петров. Ижевск, 1936. С. 134.

11. Владыкина Т. Г. Атрибутивные и вербальные параллели в удмуртском и русском свадебном ритуале // Русский Север и восточные финно-угры: проблемы пространственно-временного фольклорного диалога. Ижевск, 2006. С. 56.

12. Лобанова А. С. Коми-пермяцкий этнолингвистический сборник: материалы и исследования. Пермь, 2008. С. 102.

13. Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben, I // JSFOu, XI. Helsingfors, 1893. P. 91.

14. Удмурт калык кырзанъёс. С. 137. Ингур ... С. 182; Слесарева М. Т. Сравнительная поэтика обрядовых песен восточных финно-угров // Проблемы творческих связей удмуртской литературы и фольклора: сб. ст. Устинов, 1986. С. 10.

15. Бура А. В. Белка // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 1. А – Г. М., 1995. С. 149; Виноградова А. Н., Усачева В. В. Береза // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 1. А – Г. С. 156.

16. Владыкина [Перевозчикова] Т. Г. Нижненылгинские говоры // Образцы речи удмуртского языка. Ижевск, 1982. С. 86.

17. Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор ... С. 116–117.

18. Там же. С. 118–119.

УДК 82-131

О. А. Мощанская

ИСТОКИ ПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ («БЕОВУЛЬФ» И «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»)

Основная проблема статьи – сравнение древнерусской поэтической манеры (Боян в «Слове о полку Игореве») с англосаксонской поэтической традицией (певец в «Беовульфе»). Сопоставительный анализ освещает некоторые черты сходства между ними.

The main problem of this article is a comparison Old Russian poetic manner (Bojan in “Slovo o polku Igoreve”) with Anglo-Saxon poetic manner (a singer in “Beowulf”). The comparative analysis sheds light on certain similarities between them,

Ключевые слова: традиция, поэтическая манера, сопоставительный анализ, певец.

Keywords: tradition, poetic manner, comparative analysis, singer.

Как отмечал В. М. Жирмунский, «историко-типологические схождения выступают наиболее отчетливо на ранних ступенях общественного развития благодаря относительной простоте и недифференцированности элементов, из которых эта культура складывается» [1]. Вместе с тем при всей «недифференцированности» средневековых литератур каждая из них с самого момента своего существования обладает чертами, определяющими ее своеобразие. Утверждение ученого, много лет занимавшегося исследованием эпического наследия разных народов Средних веков, может служить достаточным основанием анализа памятников, созданных народами далекой эпохи.

Выявление историко-типологических схождений в литературах и фольклоре народов, не связанных между собой тесным культурным взаимодействием, важно для понимания общих закономерностей художественного мировосприятия человечества. Одновременно, помимо сходства в восприятии того или иного явления, изучение проблемы типологических схождений позволяет проследить становление национального своеобразия уже на ранних ступенях развития литературного процесса. При первом «приближении» к проблеме очевидна «отдаленность», прежде всего территориальная, англосаксов и русичей друг от друга. Однако внимательное изучение исторических документов позволяет предположить возможность не только типологических схождений, но и контактных связей между ними, тем более что «великое переселение» народов в эту эпоху делало вероятными непосредственные взаимодействия.

Одно из ранних упоминаний певческого дара восходит к «Церковной истории народа англо-Беды Достопочтенного (672–735) [2]. Монах, проведший почти всю свою жизнь в монастыре в Ярроу, философ, прекрасно знавший античную литературу, рассказывает о том, как неграмотный человек по имени Кэдмон, будучи в зрелом возрасте, сложил песню о сотворении мира. С тех пор сочиняемые им благочестивые песни во многих душах «зажгли презрение к миру и стремление к жизни небесной». Беда Достопочтенный воспринимает певческий дар как Божью милость. Сам Беда приводит песнь, сочиненную им, выступая тем самым в роли песнопевца. Песнь посвящена Богородице.

Мы не знаем имен большинства англосаксонских поэтов. Лишь некоторые из них, скорее всего легендарные – Видсид, Деор, Кэдмон, Кюневульф, – сохранились в текстах произведений (элегии «Видсид», «Деор»), в работах философов (Беда Достопочтенный), в изысканиях ученых.

Певцы, поэты, создававшие новые песни и хранившие в памяти старые, у уэльсцев назывались бардами, у ирландцев – филидами, у норвежцев – скальдами, у англосаксов – скопами. Скоп происходит от глагола “scieppan” (создавать) и от “scieppand” – тот, кто создает, придает форму (scop). Известны трогательные слова признательности и благодарности, которые обратил к ним Роберт Бернс, чтивший с душевным трепетом память тех, чьи «чувства были так сильны, а слова так прекрасны» [3].

Ключом, могущим приоткрыть связи культур давно минувших эпох, может стать анализ мотива песнопевца и его мастерства в англосаксонской и древнерусской поэзии. «Беовульф», народный героический эпос англосаксов, запечатлел процесс создания песни, сходный с тем, о котором говорится в «Слове о полку Игореве», когда речь идет о Бояне и его творческой манере. Те прежние времена, о которых помнил Боян и к которым принадлежал сам, – настоящее время для певца в «Беовульфе».

«Беовульф» [4] – памятник народного героического эпоса англосаксов VII–VIII вв. Его фабула не отличается сложностью. Молодой воин из племени гаутов Беовульф приходит на помощь конунгу данов Хродгару. На земли Хродгара нападают чудовища, которые чинят разбой в зале для пиров – Хеороте (палате оленей), построенной Хродгаром. Беовульф в рукопашных схватках побеждает чудовищ. Осыпанный наградами, увенчанный славой, он возвращается на родину, где, в конце концов, становится правителем. Вторая часть «Беовульфа» начинается через 50 лет. На владения богатыря нападает дракон. Беовульф ценой собственной жизни побеждает его и спасает родной край.

Но суть поэмы гораздо сложнее ее фабулы. Она включает воспроизведение далекой эпохи, народные концепции мира и человека, проблемы песносказателя и поэтического мастерства. В «Беовульфе» мы встречаем и сказочные мотивы, образы, порожденные народной фантазией, и упоминания о событиях, имевших место в действительности.

Мир, отраженный в «Беовульфе», – мир мореплавателей, воинов-дружинников. В отличие от русского былинного эпоса в «Беовульфе» не упоминаются пахари, земледельцы, жилища простых людей.

Мотив племенных распрей в поэме раскрывается различными путями (рассказ автора, воспоминания героев, их предчувствия грядущих событий, песни скопа). Элегическое настроение усиливается по мере приближения действия к финалу, когда ощущается неизбежность грядущих бедствий.

Народный эпос «Беовульф» (VII–VIII вв.) позволяет судить о том, как создавалась песня. Воины во главе с Беовульфом возвращаются после победы последнего над Гренделем. Один из них, вдохновленный подвигом Беовульфа и обладающий даром песнопения, слагает новую песню. Певец начинает с воспоминаний о подвигах Сигмунда, величайшего из победителей драконов. Затем он сравнивает подвиг Беовульфа с подвигами легендарных героев, определяет место Беовульфа среди них. Так в процессе создания песни происходит взаимодействие традиционных мотивов с новыми, возникающими под влиянием только что происшедшего события. Певец тем самым связывает эпоху и события, свидетелем которых он был, с предшествующей эпохой. Сюжет «Беовульфа» тяготеет к связи с более ранними родоплеменными преданиями. Как подчеркивает А. Н. Робинсон [5], подобный «родовой» принцип осмысления событий создавал потенциальные возможности для переноса традиционного повествования о прошлом в современность. А. Н. Веселовский [6] писал: «В боевую пору, родовую или дружинную, певец, естественно, воспевал вождей и витязей, лелеял их славу, слагал лирико-эпические песни предков и о предках своего героя. Он знал их родословную, и это знание вносило в его репертуар новый принцип генеалогической циклизации...»

Подобная манера была свойственна Бояну, хвалой мастерству которого начинается «Слово о полку Игореве». «Не пристало ли нам, братия, начать старыми словами ратных повестей о походе Игоревом, Игоря Святославовича? Начать же этой песне по былям нашего времени, а не по обычаю Боянову. Ведь Боян вещий, если кому хотел песнь слагать, то растекался мыслию по древу, серым волком по земле, сизым орлом под

облаками, ибо помнил он, говорят, прежних времен усобицы. Тогда напускал он десять соколов на стаю лебедей, и какую лебедь достигал сокол – та первой и пела песню старому Ярославу, храброму Мстиславу, зарезавшему Редю перед полками касожскими, прекрасному Роману Святославовичу. А Боян, братие, не стаю лебедей напускал, но свои вещи персты на живые струны возлагал, а они уже сами славу князьям рокотали» [7].

Однако автору «Слова» манера Бояна, как отмечает Д. С. Лихачев, кажется «устаревшей» [8]. Но то, что было прошлым для автора «Слова о полку Игореве», является настоящим для создателя «Беовульфа».

Традиционный зачин, подчеркивающий временную связь между воспеваемыми событиями, современными певцу, и старым временем, присутствует в большинстве эпических памятников. Е. М. Мелетинский [9] сопоставляет зачин «Слова о полку Игореве»: «Не лепо ли ны бяшетъ, братие, начяти старыми словесы...» с таким зачином, как «Пора мне поведать». «Старое время» в «Слове о полку Игореве» восходит к мифологическим временам («были вечи Трояни», «время Бусово»), к правлениям «старого» Ярослава и «старого» Владимира. Д. С. Лихачев подчеркивает «органичный синтез» в «Слове» фольклорных и книжных элементов, соединения в нем двух фольклорных жанров «славы» и «плача» – прославления князей и оплакивания печальных событий» [10].

Мы можем судить о качествах, которыми должен обладать певец: обширный репертуар, знание традиционных художественных приемов, сила воображения, мастерство устной импровизации. Поэт выбирает слова, фразы, которые наиболее точно характеризуют подвиг Беовульфа, определяют место героя среди тех, кто уже стяжал себе славу и чьи имена стали легендарными. Так поэзия на глазах свидетелей подвига Беовульфа обессмертила его победу, превратила только что свершившееся в легенду.

По Гегелю, эпический поэт возвышается над теми событиями, которые он изображает, не симпатизирует ни одной из враждующих сторон, его отличает спокойствие, основанное на знании грядущих событий, на принятии предопределенности происходящего [11].

Судьба героя и события, происходящие в «Беовульфе», также предопределены свыше. Но симпатии песносказателя выражены четко: мужество и благородство находят художественное воплощение в идеализированном образе героя, вокруг которого сосредоточено действие. Автор «Беовульфа», как позднее и автор «Слова о полку Игореве», сочувственно относится к герою; если он не выражает свою скорбь по поводу гибели

богатыря и надвигающихся бедствий непосредственно, то позволяет ощутить ее благодаря особому подбору сравнений, эпитетов и т. д.

Характер героя в «Беовульфе» раскрывается постепенно через авторские характеристики героя, описания его вооружения, даров, им полученных, поведение Беовульфа во время его поединков с врагами, через восприятие героя другими действующими лицами поэмы. Дозорный видит «сверкающую» дружину ратников во главе с Беовульфом, дружинники наблюдают со стороны за поединками Беовульфа с чудовищами. Дружинник Унферт меняет свое отношение к богатырю – от презрительного вначале к признанию его заслуг. Хродгар, Хигелак, Вальхтеов также выражают свое отношение к нему, тем самым давая герою характеристику, наконец, сам Беовульф рассказывает о себе.

Монологи героя – составная часть произведения. Но, как правило, окончательная оценка качеств Беовульфа принадлежит автору:

SWA bealdode bearn Ecgdeowes,
Guma gudum daedum,
Deah sefter dome; nealles druncne stog
Neordgeneatas; naes him hrion sefa,
Ac hi mancynnec maeste craefte
Ginfaestan gife, Be him God seadelde,
Neold hildedeor
[12] (2177–2183)

Жанровое «амплуа» эпического песносказателя позволило ему выразить в поэме народный идеал – силу, мужество, направленные на доброе дело (защита дружинников Хродгара от чудовищ, восстановление безопасности морских путей, спасение родной земли от дракона и т. д.).

Исторические хроники сохранили для нас некоторые факты из жизни их создателей. Например, Павел Дьякон, рассказывая о лангобардах, сообщает данные личного характера [13]. В «Беовульфе» же мы можем судить о личности поэта по его отношению к изображаемому. Чувства, запечатленные в поэме: боль за распри, несущие горе народам, за неминуемую гибель героя, восхищение его доблестью – не связаны с конкретным автором, отражают настроение эпического певца вообще. Песносказатель неоднократно ссылается в своем рассказе на то, что он воспроизводит слышанное им от других певцов (2751, 2772, 2837 и т. д.).

Такие ссылки подчеркивают временное расстояние, отделяющее автора от его героя: он не был свидетелем того, что изображает, он лишь слышал то, о чем повествует. Временная дистанция позволяет автору эпического произведения знать дальнейший ход событий и предсказать герою или победу, или гибель.

О роли песносказателя в жизни общества можно судить по тому, какое место среди героев поэмы отводится образу песнопевца. Голос безымянного певца, «правдивое слово песнопевца», звучит во время пира в честь победителя (1067). Сам конунг может выступать на пиру наравне с песносказателем и в качестве такового (2105–2114). Певцы силой своего правдивого слова делают бессмертными подвиги героев и их имена, не заботясь, чтобы в памяти людей остались сведения о них самих.

Звуки арфы и пение певца звучат на пирах в честь побед. По мере приближения действия поэмы к печальному финалу образ песносказателя появляется все реже. Звуки арфы сменяются стонами ветра, место певца занимает «черный ворон, орлу похваляющийся обильной трапезой, ему уготованной» (3024–3025). С изменением общей тональности произведения меняется и его образная структура, исчезают образы певца и арфы как символы радости, благополучия, остается лишь ветер, повествующий о печальных событиях и предсказывающий грядущие беды.

В русской поэзии подчеркивается пророческий дар поэта «своя въщия пръсты на живая струны въскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху» [14]. В «Слове о полку Игореве» качества певца характеризуются через неожиданные сравнения, при этом используются образы серого волка, сизого орла и т. д., образы, которые в западной поэзии выполняют другую функцию, являясь символами разорения и смерти. В таком же значении они встречаются и в «Слове о полку Игореве»: «Игорь к Дону вои ведеть. Уже бо бьды его пасеть птицъ по дубию, волци грозу въсрожать по яругамъ, орлы клеткомъ по кости звъри зовуть, лисици брешуть на чръленыя щиты».

Итак, «Беовульф» и «Слово о полку Игореве» сохранили сходную манеру поэтического творчества, которая была присуща песнопевцам далекого прошлого. Общие черты в восприятии певца, отношения к нему сохранились у англосаксов и древних русичей и в том случае, когда речь идет о судьбе песнопевца уже в ином, изменившемся мире.

Примечания

1. Жирмунский В. М. Народный героический эпос. М.; Л., 1962. С. 9.
2. Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов / пер. с лат., вступ. статья, коммент. В. В. Эрлихмана. СПб., 2001. С. 167, 161.
3. Burns R. The Letters / ed. by J. I. Ferguson. Oxford, 1931. Vol.1 . P. 109.
4. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах / пер. В. Тихомирова. М., 1975; Klaeber F. Beowulf and the Fight at Finnsburg. Boston, 1950. Далее при цитировании в тексте работы указываются номера строк.

5. Робинсон А. Н. Литература древней Руси в литературном процессе Средневековья (XI–XIII вв.). М., 1980. С. 270.
6. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940. С. 267.
7. Слово о полку Игореве // Памятники литературы древней Руси. XII век. М., 1980. С. 373.
8. Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVIII вв. СПб., 1999. С. 58.
9. Мелетинский Е. М. «Эдда» и ранние формы эпоса. М., 1968. С. 83–84, 294–298.
10. Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 56.
11. Гегель Г. Собр. соч. М., 1953. Т. XIX. С. 234.
12. Таковым оказался сын Эггетеова, / в битвах доблестный, в делах добродетельный: / он в медовых застольях не губил друзей, / не имел на уме злых намерений, – / воин, взысканный промыслом Божьим / и под небом сильнейший из сынов земли, / незлобив был и кроток сердцем (пер. В. Тихомирова).
13. Collection des memoires relatifs a l'histoire de France depuis la foindation de la monarchie francaise jusqu'au XIII siecle par Guisot. P., 1925. P. 352.
14. Памятники литературы древней Руси. XII век. М., 1980. С. 372–387.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

УДК 37.015.3

К. С. Бажин, Г. И. Симонова, Е. А. Ходырева

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ О ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМАХ И СРЕДСТВАХ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕКУЛЬТУРНЫХ, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ И ЛИЧНОСТНЫХ КОМПЕТЕНТНОСТЕЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ

В статье представлены результаты исследования представлений молодых ученых о психолого-педагогических механизмах и средствах формирования общекультурных, профессиональных и личностных компетентностей; выявлены механизмы повышения мотивации преподавателей к осуществлению инновационной деятельности в сфере реализации компетентностного подхода.

The article presents the results of young scientist's representations on psychological and educational mechanisms and means of forming the common cultural, professional and personal competences; displays the mechanisms to increase the teacher's motivation to realize the innovation to implement the innovation in the implementation of competence-based approach.

Ключевые слова: компетентностная парадигма образования, Федеральные государственные образовательные стандарты, общекультурные, профессиональные и личностные компетентности обучающихся, инновационная деятельность в сфере реализации компетентностного подхода.

Keywords: competence paradigm of education, Federal state educational standards, cultural, professional and personal competence of students, innovation in the implementation of competence-based approach.

Новые условия, в которых работают сегодня образовательные учреждения России, связаны с реализацией Федеральных государственных образовательных стандартов (далее – ФГОС). Особенностью ФГОС является их рамочный характер, определяющий лишь общие требования к результатам и условиям осуществления образовательного процесса. Образовательные учреждения вправе самостоятельно проектировать перечень учебных дисциплин и их содержание; технологии освоения материала, совокупность методов и форм аудиторной и самостоятельной работы, обеспечивающих овладение компетенциями, а также способы оценки сформирован-

ности компетенций у обучающихся по конкретной образовательной программе [1].

Такое изменение методологии образования, несомненно, оказывает влияние на требования к профессорско-преподавательскому составу, который должен быть способен осуществлять проектирование образовательного процесса, ориентированного на формирование компетенций, заложенных в модели личности выпускника по отдельной образовательной программе; реализовывать образовательный процесс с использованием таких активных и интерактивных форм обучения, которые бы обеспечивали достижение заданных результатов образования.

К сожалению, преподаватели высшей школы испытывают сложности как в осмыслении специфики компетентностного подхода, так и не в полной мере готовы к реализации академических свобод в практике деятельности на основе ФГОС [2]. Это подтвердили результаты исследования, проведенного среди участников Всероссийской молодежной конференции «Психолого-педагогические механизмы и средства формирования общекультурных, профессиональных и личностных компетентностей в условиях современных социокультурных изменений: теоретико-методологический и практико-ориентированный аспекты». Конференция была проведена в рамках реализации федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы». В ходе работы конференции проводилось онлайн-анкетирование. Согласно требованиям конкурсной документации было опрошено свыше 72% из 163 участников конференции, в том числе 71 чел. в возрасте до 35 лет (73% от общего количества участников данной возрастной группы), а также 47 участников в возрасте от 35 лет и старше (71,2% от общего количества участников данной возрастной группы). Содержание анкеты, критерии и показатели оценки были предварительно разработаны организаторами конференции. Участникам опроса было предложено 26 вопросов закрытого характера с выбором ответов. Им необходимо было выбрать один или несколько подходящих ответов. В качестве критериев рассматривалась осведомленность участников мероприятия о современных отечественных достижениях в области компетентностного подхода в современном общем, дополнительном и професси-

ональном образовании; сформированность представлений о психолого-педагогических механизмах формирования общекультурных, личностных и профессиональных компетентностей; анализ трудностей, с которыми молодые исследователи сталкиваются в профессионально-педагогической деятельности при реализации компетентностного подхода. Организаторами мероприятия была разработана программа анкетирования, созданная с использованием пакета SPSS 18.0, с помощью которой для качественной и количественной обработки и интерпретации данных создавались кросс-таблицы, таблицы частотного распределения признаков, осуществлялись обоснование и расчет выборочной совокупности.

Исследование позволило сформулировать выводы, касающиеся осведомленности участников мероприятия о современных отечественных достижениях в области компетентностного подхода в современном общем, дополнительном и профессиональном образовании; о психолого-педагогических механизмах формирования общекультурных, личностных и профессиональных компетентностей в практике образования; о трудностях, с которыми молодые исследователи сталкиваются в профессионально-педагогической деятельности при реализации компетентностного подхода.

По мнению респондентов, одной из причин востребованности компетентностного подхода в современном образовании является изменение социокультурной ситуации, на что указывают 43% опрошенных молодых ученых и 41% респондентов старше 35 лет. С формированием информационного общества и развитием информационно-коммуникационных технологий связывают данный процесс 50% молодых исследователей и лишь 22% ученых старше 35 лет. Надо отметить, что для исследователей в возрасте старше 35 лет характерным является акцентирование внимания на формализованных причинах актуализации в современном образовании компетентностного подхода: так, 30% респондентов связывают его реализацию с подписанием Россией Болонской декларации (8% – до 35 лет), еще 56% – с принятием Федеральных государственных образовательных стандартов (23% – до 35 лет).

Определяя, какие задачи решает современное компетентностно-ориентированное образование, участники конференции отмечают, что оно, прежде всего, обеспечивает формирование у обучающихся готовности применять знания, умения, навыки в разнообразных жизненных учебных, профессиональных ситуациях (96% исследователей до 35 лет, 67% – после 35 лет). Молодые исследователи в большей степени, чем опытные преподаватели, связывают данные целевые установки с формированием знаний и умений (23%

до 35 лет, 11% – после 35 лет), развитием творческих способностей обучающихся (23% до 35 лет, 11% – после 35 лет), созданием условий для осуществления анализа большого объема информации (7% до 35 лет).

Результаты анкетирования показали, что у участников опроса в целом сформировано адекватное представление о сущности компетентностей, их видах, структуре, особенностях формирования.

Респонденты считают, что наиболее точно отражает суть компетенций следующее определение: компетенции – это совокупность знаний, умений, навыков, способов деятельности по отношению к определенному кругу предметов и процессов, необходимых, чтобы качественно и продуктивно действовать по отношению к ним. С такой позицией согласны 80% молодых исследователей и 85% ученых старше 35 лет. Кроме того, еще 17% ученых до 35 лет и 11% исследователей после 35 лет связывают компетенции с некоторыми внутренними потенциальными, сокрытыми психологическими новообразованиями, которые затем выявляются в компетентностях человека как актуальных, деятельностных проявлений. Следует также отметить, что 5% молодых исследователей акцентируют внимание на нормативном характере компетенции, связывая ее с наличием отчужденного, заранее заданного социального требования (нормы) к образовательной подготовке ученика (студента), необходимой для его эффективной продуктивной деятельности в определенной сфере.

Характеризуя структуру компетентности как качества личности, предполагающие владение определенной компетенцией, исследователи включают в нее, прежде всего, результаты обучения (знания и умения), систему ценностных ориентаций и личное отношение к знаниям и предмету деятельности. На это указывают 62% респондентов в возрасте до 35 лет и 63% опрошенных в возрасте после 35 лет. Когнитивный, мотивационный, этический, социальный и поведенческий компоненты видят в структуре компетентности еще 35% молодых ученых и 26% респондентов после 35 лет. На наличие в структуре компетентности операционно-технологического, мотивационного, поведенческого компонентов указывают 12 и 15% опрошенных соответственно. Сводят компетентность лишь к совокупности знаний и умений всего 1% опрошенных до 35 лет и 4% респондентов в возрасте после 35 лет, что свидетельствует о достаточно глубоком понимании сущности и структуры компетентностей.

Как показали результаты анкетирования, исследователи старшего возраста в большей мере осознают важность формирования у обучающихся в процессе общего и профессионального об-

разования всех видов компетентностей. На значимость формирования общекультурных компетентностей указывают 85% исследователей старше 35 лет, профессиональных – 96% респондентов, личностных – 56%. Молодые исследователи отдают приоритет профессиональным компетентностям. На это указывают 77% опрошенных молодых ученых, еще 37% показывают значимость формирования личностных компетентностей, 36% – общекультурных.

Подавляющее большинство испытуемых обеих групп корректны в определении общекультурных, профессиональных и личностных компетенций. Так, интегративная способность личности обучаемого, обусловленная опытом освоения культурного пространства, уровнем обученности, воспитанности и развития, ориентированная на использование культурных эталонов как критериев оценки при решении проблем познавательного, мировоззренческого, жизненного, профессионального характера, обоснованно соотносится с общекультурными компетентностями 85% респондентов старше 35 лет и 63% молодыми исследователями. Интегральные свойства человека, определяющие характер его отношений с другими людьми; способности постановки целей; методы решения задач и работы с информацией; уровень саморегуляции опрошенные 50% респондентов в возрасте до 35 лет и 78% опрошенных в возрасте старше 35 лет правильно характеризуют как личностные. Качества, свойства, состояние специалиста, обеспечивающие его физическое, психическое и духовное соответствие требованиям определенной профессии, специальности, специализации; стандартам квалификации, занимаемой или исполняемой служебной должности, обуславливают, по мнению 55% респондентов в возрасте до 35 лет и 81% опрошенных в возрасте старше 35 лет, профессиональные компетентности.

Не вызвало у испытуемых особого затруднения отнесение тех или иных компетентностей к общекультурным, личностным и профессиональным. Так, к числу личностных компетентностей респондентами были отнесены, прежде всего, умение ориентироваться в стандартных и нестандартных ситуациях, обладать навыками межличностных отношений (60% молодых исследователей, 70% ученых старше 35 лет), знание основ делового общения и способность работать в коллективе, способность брать на себя ответственность принимать решение (27% молодых исследователей, 67% ученых старше 35 лет). К числу общекультурных компетенций опрошенные отнесли как социально-личностные компетенции (540% респондентов до 35 лет, 85% ученых старше 35 лет), так и общенаучные (50 и 52% соответственно), инструментальные (23% респондентов до 35 лет, 7% ученых старше 35 лет). Участники

опроса отметили комплексный характер общекультурных компетенций. 45% молодых ученых и 78% исследователей старше 35 лет указали на их многофункциональность, то есть овладение ими позволяет решать различные проблемы в повседневной, профессиональной или социальной жизни. Еще 31% респондентов в возрасте до 35 лет и 30% опрошенных ученых в возрасте более 35 лет заметили, что общекультурные компетентности требуют от обучающегося значительного интеллектуального развития: абстрактного мышления, рефлексии, определения своей собственной позиции, самооценки, критического мышления и др. Кроме того, 24% и 26% опрошенных соответственно указывают на их многомерность, то есть ориентацию на различные умственные процессы и интеллектуальные умения (аналитические, критические, коммуникативные и др.), «ноу-хау», а также здравый смысл. В качестве важнейших факторов формирования общекультурных компетентностей современной молодежи респонденты отмечают социокультурную ситуацию (61% молодых ученых и 74% исследователей в возрасте старше 35 лет); самообразование (43 и 41% соответственно), а также воспитание (35 и 78% опрошенных в разных возрастных группах).

Участники анкетирования согласны с тем, что профессиональные компетентности отражают специфику профессиональной деятельности (50% молодых ученых и 56% исследователей в возрасте старше 35 лет) и подразделяются на базовые, востребованные в нескольких видах профессиональной деятельности и функциональные, применение которых ограничено рамками определенной профессии (51 и 48% опрошенных соответственно). В качестве базовых противоречий процесса формирования профессиональных компетентностей респонденты основными считают несоответствия между новыми требованиями к специалистам и проектированием образовательного процесса в системе высшего профессионального образования (19% респондентов в возрасте до 35 лет, 41% опрошенных в возрасте после 35 лет); между возрастающим интересом педагогической науки к проблемам компетентностного подхода в формировании конкурентоспособной личности и отсутствием необходимых теоретического обоснования и практических рекомендаций к его осуществлению (42 и 15% опрошенных соответственно); между необходимостью использования компетентностного подхода в практике учебных заведений и неготовностью субъектов образовательного процесса к его реализации (23% молодых ученых и 56% исследователей в возрасте старше 35 лет).

Исследуя информированность молодых ученых о механизмах формирования общекультур-

ных, личностных и профессиональных компетентностей, организаторы сделали вывод о недостаточном уровне сформированности данных представлений у участников.

Результаты анкетирования показывают, что реализация компетентностного подхода в современном образовании затруднена в силу субъективных факторов: инерции мышления педагогов (на данное обстоятельство указывают 39% молодых исследователей и 56% ученых старше 35 лет) и неготовности студентов к самостоятельному освоению учебного материала (51 и 78% опрошенных соответственно). В качестве менее значимых факторов также указываются и внешние – недостаточная обеспеченность литературой (18 и 15% ученых разных возрастных групп) и ограниченность доступа к интернет-ресурсам (13 и 19% участников опроса в зависимости от возраста).

Результаты анкетирования показывают, что участники опроса связывают реализацию компетентностного подхода в соответствии с Федеральными государственными образовательными стандартами с активным использованием инновационных образовательных технологий в учебном процессе (44 и 74% участников опроса в зависимости от возраста); действенным сотрудничеством преподавателей кафедр с работодателями с целью формирования востребованных работодателем компетенций (43 и 41% ученых разных возрастных групп); с развитием активности и заинтересованности обучающихся в качестве освоения основной образовательной программы (35 и 59% опрошенных соответственно). К сожалению, 21% молодых преподавателей планируют осуществление образовательного процесса в неизменном виде, так как не видят существенной разницы в требованиях ГОС и ФГОС к учебному процессу.

В качестве базовых тенденций формирования профессиональных компетентностей обучающихся в условиях модернизации российского общества респонденты рассматривают в качестве равнозначных использование дистанционных образовательных технологий (29% молодых исследователей и 56% ученых старше 35 лет), использование проектной деятельности (29 и 56% опрошенных соответственно), овладение знаниями по специальности (35 и 22% ученых разных возрастных групп); развитие социальной инициативы студентов (30 и 22% участников опроса в зависимости от возраста).

Описывая основные психолого-педагогические механизмы формирования общекультурных компетентностей студентов, респонденты, прежде всего, основываются на потенциале социокультурной среды учреждений образования и связывают их с возможностями студенческого самоуправления (40 и 59% ученых разных возрастных групп); волонтерской деятельности (38 и 33%

участников опроса в зависимости от возраста); социальных акций (44% молодых исследователей и 74% ученых старше 35 лет).

Определяя значение инновационных технологий в реализации компетентностного подхода, опрошенные видят их потенциал, прежде всего, в активизации познавательной деятельности студентов в вузе (35% молодых исследователей и 37% ученых старше 35 лет); в создании оптимальных условий для развития студентов и преподавателей (39 и 33% ученых разных возрастных групп); в приобретении студентами глубоких, систематических знаний, развитии познавательного интереса (31 и 52% участников опроса в зависимости от возраста); в достижении вариативности методов, используемых в образовательном процессе вуза (29 и 48% соответственно).

В качестве основных условий успешного использования инновационных технологий при реализации компетентностного подхода в образовании участниками опроса называются мотивация обучающихся и преподавателя (45% молодых исследователей и 74% ученых старше 35 лет); владение педагогами инновационными образовательными технологиями (37% ученых каждой из возрастных групп); разработанность инновационных технологий в педагогической науке (29 и 19% участников опроса в зависимости от возраста).

Респонденты указывают в качестве одной из существенных проблем реализации компетентностного подхода в практике образования проблему оценки сформированности компетенций. Следует отметить комплексный характер анализа респондентами различий в оценивании компетентностей в системе общего, профессионального и дополнительного образования, которые они обуславливают вариативностью требований к субъектам образовательного процесса (64% исследователей в возрасте до 35 лет, 41% респондентов старше 35 лет), а также условиями образовательного процесса (49 и 41% респондентов соответственно) и содержанием учебного материала (8 и 48% по возрастным категориям). Также отрадно отметить наличие у респондентов верных представлений о вариативности оценивания компетентностей в системе общего, профессионального и дополнительного образования. В качестве эффективных методов оценки они видят решение ситуационных задач (38% исследователей в возрасте до 35 лет, 74% респондентов старше 35 лет), тестирование (33 и 19% по возрастным категориям); выполнение практических заданий (43 и 41% респондентов соответственно); а также выполнение коллективных и индивидуальных проектов и их защиту (27% молодых исследователей и 74% ученых старше 35 лет).

С целью анализа трудностей, с которыми молодые исследователи сталкиваются при реализа-

ции компетентностного подхода, диагностировались их позиции по отдельным аспектам профессионально-педагогической деятельности. В качестве основных проблем, возникающих у молодых специалистов в связи с реализацией компетентностного подхода, участниками опроса указываются отсутствие достаточной информации и опыта (56% исследователей в возрасте до 35 лет, 52% респондентов старше 35 лет); предпочтение традиционному подходу (формирование знаний, умений, навыков) в преподавании (32% молодых исследователей и 52% ученых старше 35 лет); в реализации инновационных технологий (25 и 37% по возрастным категориям). Наименьшие трудности представители обеих возрастных групп испытывают в составлении методических указаний для организации самостоятельной работы студентов (17 и 15% соответственно). При составлении учебно-методического обеспечения дисциплины у молодых педагогов возникают следующие трудности, мешающие успешной реализации компетентностного подхода: на недостаточно корректное определение набора компетенций, которые сформулированы для учебной дисциплины в матрице компетенций, указывают 42% исследователей в возрасте до 35 лет, 44% респондентов старше 35 лет; недостаточное материально-техническое обеспечение отмечают 30% молодых исследователей и 56% ученых старше 35 лет; выбор образовательных технологий вызывает сложности у 24 и 30% опрошенных соответственно.

Описывая трудности, которые могут возникнуть у молодых специалистов при формировании общекультурных компетенций студентов в ходе преподавания дисциплины, респонденты указывают на сложность оценки уровня сформированности компетентности (20% исследователей в возрасте до 35 лет, 56% респондентов старше 35 лет); на отсутствие системных представлений о том, как формируется данная компетенция на других дисциплинах одного направления подготовки (37 и 41% по возрастным категориям), а также на недостаточно полное представление о том, как формируется данная компетенция в социокультурной среде вуза (33 и 41% опрошенных). Кроме того, ввиду сложности структуры общекультурных компетентностей проблемным для 20% молодых исследователей и 26% ученых старше 35 лет является формирование общекультурной компетентности в целом.

Анализируя трудности, которые могут возникнуть у молодых педагогов при формировании профессиональных компетентностей студентов в ходе преподавания дисциплины, участники в первую очередь отмечают проблемы согласованности в формировании компетентностей на различных дисциплинах одного направления подготовки (31% исследователей в возрасте до 35 лет, 44% респондентов старше 35 лет); недостаточно полное представление о том, как формируется компетенция в социокультурной среде вуза (29 и 41% по возрастным категориям). На сложность оценки уровня сформированности профессиональной компетентности указывают 23% молодых исследователей и 33% ученых старше 35 лет. В определенной степени проблемным для 30% молодых исследователей и 19% ученых старше 35 лет является формирование профессиональной компетентности в целом. Результаты исследования позволяют констатировать, что реализация компетентностного подхода в практике высшего профессионального образования связана с преодолением трудностей осмысления преподавателем его сущности и особенностей; с обеспечением образовательного процесса адекватными технологиями, методами, формами организации обучения; с разработкой соответствующей учебно-методической документации и диагностического инструментария по оценке сформированности общекультурных и профессиональных компетенций. Особо следует выделить проблему мотивации преподавателей к осуществлению инновационной деятельности в сфере реализации компетентностного подхода [3]. Необходимо актуализировать, прежде всего, мотивы личной самореализации и профессиональные мотивы, обеспечивающие открытость молодых ученых к инновациям и развивающие у них потребность творчески подходить к решению педагогических задач, создавая условия для личностного и профессионального развития обучающихся.

Примечания

1. URL: <http://mon.gov.ru/dok/fgos/>
2. Ходырева Е. А. Инновационные технологии профессионального образования: компетентность, самостоятельность, творчество. Киров: Изд-во ВятГУ, 2011. С. 80–92.
3. Психолого-педагогическое сопровождение реализации инновационных образовательных программ / под ред. Ю. П. Зинченко, И. А. Володарской. М.: Изд-во МГУ, 2007. С. 56–73.

С. И. Калинин

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛОЖЕНИЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ В ПРАКТИКЕ ОБУЧЕНИЯ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ МАТЕМАТИКИ

В работе обсуждается тенденция фундаментализации образования, преломляемая на подготовку будущих учителей математики. Автор останавливается на характеристике деятельностной составляющей содержания обучения студентов, рассматривая такие вопросы, как работа с определениями понятия, работа с теоремой на этапе обобщения, работа с задачей на этапе поиска различных способов решения.

We discuss the trend of fundamentalization of education, refracted to preparing of future math teachers. The author dwells upon the characteristic of the activity content of student learning, considering such questions as working with the definition, the work with the theorem on the stage of generalization, the work of the task for finding the various solutions.

Ключевые слова: фундаментализация образования, содержание обучения, теорема, определение понятия, способ решения задачи.

Keywords: fundamentalization of education, learning content, Theorem, Definition, the way of the problem solution.

0. О фундаментализации образования. Для сегодняшнего положения дел в высшей и средней школе характерно состояние поиска путей модернизации образования. Наблюдается процесс осмысления возможностей по их переходу к новой образовательной парадигме. Если прежняя, как известно, была в основном парадигмой обучения с ведущими лозунгами «знания, умения, навыки и воспитание» [1], то новая, предполагается, должна ориентироваться на становление «компетентности, эрудиции, творческих начал и культуры личности» [2]. Новая парадигма как парадигма образования прежнюю не отменяет, она вбирает в себя ставшие привычными приоритеты и нацеливает на более высокое качество образования.

Многие исследователи успех реформирования и модернизации вузовского образования связывают с его фундаментализацией. В частности, ректор МГУ В. А. Садовничий неоднократно озвучивал свою позицию по этому вопросу (см., напр., [3]) – так называемым «эталонным» может являться лишь «фундаментальное научное образование», главной целью которого служит распространение научного знания как части мировой культуры.

Образовательная парадигма, ориентированная на фундаментализацию (фундаментальность) образования, в последние годы была объектом внимания и таких известных авторов, как Г. И. Саранцев, В. А. Тестов, И. В. Егорченко. Упомянутые ученые в своих исследованиях так или иначе касаются вопросов фундаментализации вузовского математического образования, в том числе вопроса математической подготовки будущих учителей. Последней проблемой занимается и автор настоящей статьи.

Отметим следующее. Сам термин «фундаментализация» исследователями трактуется по-разному. Обращение к анализу представленных в литературе трактовок данного понятия позволяет определиться в следующем понимании фундаментализации вузовского образования. *Фундаментализация высшего образования* есть сложный феномен, основывающийся на сближении и соединении (интеграции) образовательного процесса по конкретному направлению подготовки специалистов с научными знаниями (в том числе с новыми научными сведениями, фактами, открытиями, методами исследований) соответствующей области специализации и научными достижениями тех методических наук, которые обеспечивают эту подготовку.

Под *фундаментализацией математического образования* в высшей школе условимся понимать систему мер, направленных на развитие таких компонентов содержания обучения студентов математическим дисциплинам, как предметные математические знания, адекватные этим знаниям и требованиям современного информационного общества к результатам образования учебные действия, эвристические и исследовательские способы математической деятельности, место математических разделов в системе знаний (естественнонаучных, технических, гуманитарных), их роль в изучении человеком явлений окружающего мира, этапы становления и развития отдельных областей математики. Данные меры предполагают:

– изменение учебных планов и программ математических дисциплин, по которым обучаются студенты; программы должны отражать «фундаментальное ядро» предметных знаний (базисные знания), определяемых государственным образовательным стандартом, и их вариативную составляющую;

– насыщение содержания обучения студентов математике новыми научными сведениями, фактами, открытиями в соответствующих направлениях математической науки, что обеспечивает сближение и интеграцию образовательного процесса с фундаментальными научными исследованиями в области математики;

– включение в программу математической подготовки будущих специалистов научно-исследовательской деятельности студентов с первых курсов их обучения в вузе;

– обеспечение условий для формирования у студентов средствами математики гибкого научного мышления, общей культуры и профессиональных компетенций специалиста;

– создание условий для освоения обучающимися научно-информационной базы с целью эффективного изучения математики;

– применение в организации математической подготовки студентов достижений методики обучения математике как научной области.

В частности, фундаментализация *высшего педагогического образования* в отношении подготовки будущих учителей математики необходимо предполагает снижение доли репродуктивных подходов в обучении студентов, их знакомство с современными математическими исследованиями, освоение студентами научно-информационной базы и вовлечение их в реальную научно-исследовательскую работу, осмысление положений и фактов школьной математики с точки зрения высшей, использование преподавателем математической дисциплины в обучении студентов его собственных фундаментальных исследований. Воплощение данной тенденции в образовательной практике необходимо ориентируется на реализацию в обучении математике *деятельностного подхода* как научной методологии.

В контексте сказанного обратимся к деятельности составляющей содержания обучения будущих учителей математики, рассмотрев такие ее направления, как работа с определением понятия, работа с теоремой и работа с задачей, при этом в характеристике первого направления акцент сделаем на анализе связей определений понятия в контексте логических характеристик понятий в математике, характеристике второго – на этапе обобщения в работе с теоремой, а характеристике третьего – на этапе поиска различных способов решения задачи.

1. Понятие производной функции в точке. Сравнение определений производной. Обычно при изложении основ дифференциального исчисления функций одной вещественной переменной используют следующее хорошо известное определение производной функции в точке, введенное Огюстеном Луи Коши в 1823 году.

О п р е д е л е н и е 1. Пусть функция $y = f(x)$ определена в некоторой окрестности $u(x_0)$ точки x_0 . Составим разностное отношение $\frac{f(x) - f(x_0)}{x - x_0}$,

где $x \in u(x_0)$, $x \neq x_0$. Если при $x \rightarrow x_0$ это разностное отношение имеет конечный предел, то

последний называют *п р о и з в о д н о й* функции f в точке x_0 , обозначая ее символом $f'(x_0)$.

Таким образом, по определению Коши

$$f'(x_0) = \lim_{x \rightarrow x_0} \frac{f(x) - f(x_0)}{x - x_0}. \quad (1)$$

Определение производной (1) можно формулировать и в терминах приращений. Если в (1) $x - x_0$ обозначить через Δx (приращение аргумента x_0), а $f(x) - f(x_0) = f(x_0 + \Delta x) - f(x_0)$ – через $\Delta f(x_0)$ (п р и р а щ е н и е функции f в точке x_0), то (1) можно переписать в виде

$$f'(x_0) = \lim_{\Delta x \rightarrow 0} \frac{\Delta f(x_0)}{\Delta x}. \quad (2)$$

Подчеркнем, именно соотношение (2) определяет производную в школьном курсе математики при знакомстве учащихся с началами анализа.

Заметим, что предел (1) можно формулировать в терминах последовательностей, следовательно, понятие производной функции можно вводить и в терминах последовательностей. Это будет выглядеть так.

Если для любой последовательности $\{x_n\}$, $x_n \in u(x_0)$, $x_n \xrightarrow{n \rightarrow \infty} x_0$, выполняется условие

$$\frac{f(x_n) - f(x_0)}{x_n - x_0} \xrightarrow{n \rightarrow \infty} A, \text{ где } A - \text{некоторое число, то}$$

это число и есть производная $f'(x_0)$.

Следует отметить, что так производную в курсах анализа вводят редко, хотя в вопросах построения контрпримеров при доказательстве несуществования конечной производной конкретной функции данный подход может быть эффективным.

Рассмотрим определение производной функции через условие ее дифференцируемости. Для этого напомним, что условие существования производной $f'(x_0)$ функции f в точке x_0 равносильно условию дифференцируемости этой функции в данной точке. Дифференцируемость функции f по Коши в точке x_0 означает, что в окрестности $u(x_0)$ этой точки имеет место представление

$$f(x) - f(x_0) = A(x - x_0) + \alpha(x)(x - x_0), \quad (3)$$

где $A = \text{const}$, $\alpha(x) \xrightarrow{x \rightarrow x_0} 0$. У дифференцируемой функции производная $f'(x_0)$ как раз совпадает с константой A , характеризующей представление приращения $f(x) - f(x_0)$ в (3). Таким образом, понятие производной функции в точке можно вводить так:

О п р е д е л е н и е 2. Пусть функция f дифференцируема по Коши в точке x_0 , т. е. для ее приращения $f(x) - f(x_0)$ в некоторой окрестности $u(x_0)$ данной точки имеет место представление (3). Тогда константу A в (3) назовем *производной* функции f в точке x_0 .

Рассмотрим теперь подход к введению понятия производной, схожий с предыдущим, но реализуемый в несколько иных терминах. Такой подход рассматривается, например, в учебнике [4]. Наряду с данной функцией $f(x)$ будем рассматривать линейные функции, которые в точке x_0 принимают значение $f(x_0)$. Такие функции можно описать формулой

$$y = A(x - x_0) + f(x_0), \quad (4)$$

где $A = const$. Введем следующее

О п р е д е л е н и е 3. Если константа A такова, что линейная функция (4) с такой константой при $x \rightarrow x_0$ имеет отклонение от функции $f(x)$, бесконечно малое более высокого порядка малости, нежели $x - x_0$, то эту константу назовем производной функции f в точке x_0 .

Данное определение понятия производной корректно, и так определяемая производная функции совпадает с производной Коши. Действительно, если функция (4) отклоняется от $f(x)$ в окрестности x_0 на величину $o(x - x_0)$ при $x \rightarrow x_0$, то это условие можно записать так:

$$f(x) - (A(x - x_0) + f(x_0)) = o(x - x_0),$$

или

$$f(x) - f(x_0) = A(x - x_0) + o(x - x_0).$$

Но последнее представление означает дифференцируемость функции f в точке x_0 . Значит, константа A в этом представлении совпадает с $f'(x_0)$.

Перейдем к рассмотрению понятия производной функции по Каратеодори. Функцию f , определенную в окрестности $u(x_0)$ точки x_0 , назовем *дифференцируемой по Каратеодори* в этой точке, если существует такая определенная на рассматриваемой окрестности и непрерывная в точке x_0 функция $\Phi(x)$, что на $u(x_0)$ будет иметь место представление

$$f(x) - f(x_0) = \Phi(x)(x - x_0). \quad (5)$$

Функцию $\Phi(x)$ в (5) называют производной Каратеодори функции f в точке x_0 . В работе [5] мы договорились обозначать ее символом $\hat{f}_{x_0}(x)$, или, более кратко, $\hat{f}(x)$.

В цитируемой работе показано, что дифференцируемость функции в точке по Коши и дифференцируемость в ней по Каратеодори – эквивалентные понятия, причем $\hat{f}(x_0) = f'(x_0)$. Следовательно, можно иметь в виду следующий подход к введению понятия производной:

О п р е д е л е н и е 4. Пусть функция $f(x)$ дифференцируема по Каратеодори в точке x_0 , $\hat{f}(x)$ – ее производная Каратеодори в данной точке. Число $\hat{f}(x_0)$ назовем *производной* функции f в точке x_0 .

Воспроизведем теперь определения из [6] понятия двусторонней производной и полной производной функции в точке.

Пусть функция $f(x)$ определена в проколотой окрестности $u^0(x_0)$ точки x_0 .

О п р е д е л е н и е 5. *Двусторонней* производной $f'(x_0)$ функции f в точке x_0 назовем предел

$$f'(x_0) = \lim_{\substack{u \rightarrow x_0 - 0 \\ v \rightarrow x_0 + 0}} \frac{f(v) - f(u)}{v - u}, \quad (6)$$

в котором предполагается, что $u \neq v$.

Соотношение (6) означает следующее:

$$\forall \varepsilon > 0 \exists \delta(\varepsilon) > 0 \forall u \in u^0(x_0), \forall v \in u^0(x_0) \left(x_0 - \delta < u \leq x_0 \leq v < x_0 + \delta, u \neq v \Rightarrow \left| \frac{f(v) - f(u)}{v - u} - f'(x_0) \right| < \varepsilon \right).$$

Заметим, что двусторонняя производная $f'(x_0)$ функции f в точке x_0 может быть определена, в частности, для функции, не заданной в самой точке x_0 .

В [7] доказана следующая

Теорема 1.1. *Если функция f дифференцируема в точке x_0 , то она в этой точке имеет и двустороннюю производную $f'(x_0)$, при этом $f'(x_0) = f'(x_0)$.*

Из (6) следует, что если функция f в точке x_0 определена и в этой точке она обладает двусторонней производной $f'(x_0)$, то она имеет и обычную производную $f'(x_0)$, совпадающую с $f'(x_0)$. Таким образом, можно сформулировать

О п р е д е л е н и е 6. Пусть функция $f(x)$ определена в окрестности $u(x_0)$ точки x_0 . Ее *производной* $f'(x_0)$ в точке x_0 назовем предел

$$f'(x_0) = \lim_{\substack{u \rightarrow x_0 - 0 \\ v \rightarrow x_0 + 0}} \frac{f(v) - f(u)}{v - u}, \quad (7)$$

если последний существует и конечен.

Двустороннюю производную $f'(x_0)$ возможно выразить не через двойной предел (6), а в терминах предела последовательностей: если число A таково, что для любых последовательностей $\{a_n\}$, $\{b_n\}$, обладающих свойством $a_n \leq x_0, a_n \rightarrow x_0, b_n \geq x_0, b_n \rightarrow x_0, a_n \neq b_n$, соответствующая после-

довательность $\frac{f(b_n) - f(a_n)}{b_n - a_n}$ стремится к A при $n \rightarrow \infty$, то $A = f'(x_0)$. В терминах последовательностей можно определить и производную (7).

Очевидно, все приведенные шесть определения производной функции в точке, рассмотренные выше, являются равносильными (равнозначными) определениями.

Приведем понятие *полной*, или, по-другому, *Π-производной* функции $f(x)$ в точке x_0 . Пусть снова функция $f(x)$ определена в проколотой окрестности $u^0(x_0)$ точки x_0 .

О п р е д е л е н и е 7. Будем говорить, что функция $f(x)$ в точке x_0 имеет *Π-производную*, если существует предел

$$\lim_{\substack{u \rightarrow x_0 \\ v \rightarrow x_0}} \frac{f(v) - f(u)}{v - u} \quad (8)$$

Данный предел автор книги [8] предложил обозначать $f^*(x_0)$.

Предел (8) следует понимать так:

$$\forall \varepsilon > 0 \exists \delta(\varepsilon) > 0 \forall u \in U^0(x_0), \forall v \in U^0(x_0) \left(|u - x_0| < \delta, |v - x_0| < \delta, u \neq v \Rightarrow \left| \frac{f(v) - f(u)}{v - u} - f^*(x_0) \right| < \varepsilon \right).$$

Очевидно, что если в условиях определения 7 функция $f(x)$ в точке x_0 определена и существует предел (8), то она в точке x_0 будет дифференцируемой и для нее справедливо соотношение

$$f'(x_0) = f^{\prime\prime}(x_0) = f^*(x_0),$$

т. е. (8) будет определять тогда производную $f'(x_0)$.

Справедлива следующая теорема ([9]) о достаточных условиях существования П-производной функции в точке.

Теорема 1.2. Если функция $f(x)$ является дифференцируемой в некоторой окрестности точки x_0 и ее производная $f'(x)$ непрерывна в самой точке x_0 , то существует также и П-производная $f^*(x_0)$, при этом $f^*(x_0) = f'(x_0)$.

Кроме того, верна [10].

Теорема 1.3. Если функция $f(x)$ является дифференцируемой в некоторой окрестности точки x_0 и существует П-производная $f^*(x_0)$, то производная $f'(x)$ непрерывна в точке x_0 .

Охарактеризуем методические требования к усвоению представленных выше определений понятия производной функции.

Важной составляющей в совокупности таких требований является мотивация введения (рассмотрения) того или иного определения при построении соответствующей теории дифференцируемых функций. Мотивация связана с осмыслением значимости конкретного определения, проявлением интереса к нему в контексте изложения основных вопросов дифференциального исчисления и его приложений.

Скажем, введение производной Коши обусловлено необходимостью получения метода решения таких задач, как задачи о касательной к плоской кривой, задачи о вычислении мгновенной скорости при неравномерном движении, задачи о нахождении линейной плотности неоднородного стержня и др.

Введение в рассмотрение понятия производной Каратеодори можно мотивировать также возможностями более простого описания условия дифференцируемости функции и компактностью изложения соответствующих вопросов дифференциального исчисления (например, обоснование основных правил дифференциального исчисления функций).

При определении мгновенной скорости $v(t_0)$ использование понятия двусторонней производ-

ной предполагает учет значений средней скорости не только на временных промежутках $[t_0; t_0 + \Delta t]$ или $[t_0 - \Delta t; t_0]$, но и на промежутках $[t'; t'']$, где $t' < t_0 < t''$, а при определении положения касательной – учет секущих, определяемых точками $M'(x'; f(x'))$ и $M''(x''; f(x''))$, где $x' \leq x_0 \leq x''$, $x' \neq x''$.

Введение понятия П-производной $f^*(x_0)$ объясняется потребностью развития теории дифференцируемых функций.

Укажем сейчас на существенные свойства некоторых введенных понятий производных, которые ложатся в основу формулировок их определений. Например, производная Коши $f'(x_0)$, определяемая через соотношение (2), характеризуется заданностью функции f в точке x_0 и некоторой ее окрестности, конечным пределом отношения приращения $\Delta f(x_0)$ функции в точке x_0 к вызвавшему его приращению аргумента Δx при стремлении последнего к нулю. Двусторонняя производная $f^{\prime\prime}(x_0)$ предполагает задание функции f в проколоте окрестности точки x_0 , и при ее определении важным является существование

конечного предела отношения $\frac{f(v) - f(u)}{v - u}$ при

$u \rightarrow x_0 - 0, v \rightarrow x_0 + 0, u \neq v$. Аналогично, П-производная $f^*(x_0)$ обладает свойством иметь конечный предел такому же разностному отношению, только в более слабых предположениях относительно переменных u, v .

Все рассматриваемые определения понятия производной функции в точке имеют общий универсум. В качестве последнего может выступать, например, множество функций, определенных в проколоте окрестности данной точки. Следовательно, представленные понятия производной сравнимы. Необходимо уметь исследовать их на предмет совместимости.

В силу критерия Коши – Каратеодори дифференцируемости функции в точке (см., напр., [11]) можем заключить, что понятия производной функции в точке по Коши, ее дифференцируемости в точке по Коши или Каратеодори, производной Каратеодори, а также понятия производной, вводимые определением 3, являются равнозначными, или, по-другому, эквивалентными понятиями, поскольку их объемы совпадают.

Сравним объемы понятий производной функции по Коши и двусторонней производной. Поскольку (см. теорему 1) дифференцируемая в точке x_0 функция f обладает в этой точке и двусторонней производной $f^{\prime\prime}(x_0)$, причем $f^{\prime\prime}(x_0) = f'(x_0)$, то объем второго понятия превосходит объем первого. Заметим, превосходит строго, поскольку можно указать функции, обладающие в точке двусторонней производной, но не имеющие в этой точке обычной производной

Коши. Например [12], функция $f(x) = \frac{\sin x}{x}$ в точке $x = 0$ имеет двустороннюю производную $f'(0) = 0$, тогда как в точке $x = 0$ она даже не определена. Таким образом, понятие двусторонней производной является родовым по отношению к понятиям производной функции по Коши, по Каратеодори, дифференцируемой функции по Коши или по Каратеодори. Оно обобщает перечисленные понятия, его содержание меньше, чем у последних.

Рассмотрим теперь главные логические характеристики понятия П-производной. Его объем меньше объема понятия двусторонней производной, причем строго (см. [13], где приводится пример функции, у которой $f''(0)$ не существует, а $f'(0) = f''(0) = 0$). Следовательно, это понятие есть ограничение или сужение понятия двусторонней производной. Содержание понятия П-производной превосходит содержание понятия двусторонней производной.

Сопоставление понятия П-производной с понятием обычной производной Коши позволяет заключить, что эти понятия пересекаются. Такой вывод следует из теоремы 2 и примеров функций, у которых $f''(x_0)$ не существует, а $f'(x_0)$ имеет место, и наоборот.

Заметим, что понятия производной функции в точке, вводимые через определения 2 и 3, друг по отношению к другу могут быть рассмотрены как аналогии.

При усвоении определений рассматриваемых нами понятий производной важным является изучение всех их существенных свойств, поскольку эти свойства кладутся в основу определений понятий и составляют их содержание. Это в значительной степени достигается с помощью задач и упражнений на распознавание объектов, принадлежащих конкретному понятию. Приведем пример. Нетрудно показать, что функция $y = x^3$ в точке x_0 дифференцируема по Коши, ибо ее приращение $\Delta y(x_0) = (x_0 + \Delta x)^3 - x_0^3$ представляется в виде $\Delta y(x_0) = 3x_0^2 \Delta x + 3x_0(\Delta x)^2 + (\Delta x)^3$. Здесь константа A из (3) есть $3x_0^2$, т. е. $y'(x_0) = 3x_0^2$, а $o(\Delta x) = 3x_0(\Delta x)^2 + (\Delta x)^3$. Отсюда имеем

$$x^3 - x_0^3 = 3x_0^2(x - x_0) + 3x_0(x - x_0)^2 + (x - x_0)^3,$$

значит, линейная функция $y = 3x_0^2(x - x_0) + x_0^3$ при $x \rightarrow x_0$ от функции $y = x^3$ отклоняется на величину $o(x - x_0)$. Следовательно, угловой коэффициент $3x_0^2$ такой линейной функции есть производная функции $y = x^3$ в точке x_0 в смысле определения 3.

Далее, поскольку $x^3 - x_0^3 = (x^2 + xx_0 + x_0^2)(x - x_0)$, то функция $\hat{y} = x^2 + xx_0 + x_0^2$ есть производная Каратеодори функции $y = x^3$ в точке x_0 , т. е. эта

функция дифференцируема по Каратеодори в рассматриваемой точке. Значит, ее производную Коши можно определить как

$$y'(x_0) = \hat{y}(x_0) = x_0^2 + x_0x_0 + x_0^2 = 3x_0^2,$$

т. е. по определению 4.

Кроме того, по теореме 1 функция $y = x^3$ в точке x_0 имеет и двустороннюю производную $y'(x_0)$, она совпадает с $y'(x_0) = 3x_0^2$.

Существует ли у рассматриваемой функции П-производная $y''(x_0)$? Для ответа на этот вопрос можно привлечь теорему 2. Функция $y = x^3$ дифференцируема всюду на числовой прямой, и ее производная $y' = 3x^2$ непрерывна в точке x_0 , значит, $y''(x_0)$ существует и равняется $3x_0^2$.

Важным моментом усвоения понятия является и выведение различных следствий из принадлежности объекта понятию. Например, существование в точке x_0 у функции $y = x^3$ любой производной — $y''(x_0)$, $y'''(x_0)$, $y^{(4)}(x_0)$ или $y^{(n)}(x_0)$ — влечет ее непрерывность в этой точке.

Мы рассмотрели работу с определениями понятия производной функции в точке, обращаясь лишь к шести определениям данного понятия. Такая работа существенно расширится, если привлечь к осмыслению другие определения, скажем, определения производной по Шварцу [14], симметрической производной [15], l -производной [16], верхней и нижней производных [17], производной Фреше [18], производной Гато [19].

Подчеркнем, что при изложении материала данного пункта статьи нами использовалась концепция формирования понятий в математике, разработанная Г. И. Саранцевым в учебных пособиях [20].

2. Работа с теоремой на этапе обобщения. Обобщения классической теоремы Ролля. Подчеркнем, во-первых, что в практике обучения будущих учителей математике при работе с теоремой этапу обобщения необходимо уделять должное внимание, поскольку такая работа способствует формированию исследовательских навыков, развивает математическую интуицию, эвристическое и логическое мышление студентов. Данный этап является ключевым в формировании у них навыков ведения научно-исследовательской деятельности.

Для иллюстрации методики работы с теоремой на этапе обобщения обратимся к классической теореме Ролля. Последняя в курсах анализа формулируется обычно следующим образом.

Теорема (Ролля). Пусть $f: [a; b] \rightarrow \mathbf{R}$ — непрерывная функция, дифференцируемая на интервале $(a; b)$, для которой выполняется условие $f(a) = f(b)$. Тогда найдется хотя бы одна точка ξ , $\xi \in (a; b)$, такая, что $f'(\xi) = 0$.

В работе [21] мы показали, что данная теорема может быть распространена с простых

(обычных вещественнозначных) функций на вектор-функции и линейные комбинации соответствующих функций. Справедливы теоремы

Теорема 2.1 (векторный вариант теоремы Ролля). Пусть $f : [a; b] \rightarrow \mathbf{R}^n$ – непрерывная вектор-функция, компоненты $f_1(x), \dots, f_n(x)$ которой дифференцируемы на интервале $(a; b)$, при этом $f_i(a) = f_i(b)$, $i = 1, \dots, n$. Тогда найдутся точки ξ_1, \dots, ξ_n , такие, что вектор $(f'_1(\xi_1), \dots, f'_n(\xi_n))$ будет 0-вектором.

Теорема 2.2. Пусть $f_i : [a; b] \rightarrow \mathbf{R}$ ($i = 1, \dots, n$) – непрерывные функции, дифференцируемые на интервале $(a; b)$. Пусть, далее, $\lambda_1, \dots, \lambda_n$ – такие константы, для которых выполняется

условие $\sum_{i=1}^n \lambda_i f_i(a) = \sum_{i=1}^n \lambda_i f_i(b)$. Тогда найдется

хотя бы одна точка ξ , $\xi \in (a; b)$, такая, что $\sum_{i=1}^n \lambda_i f'_i(\xi) = 0$.

Очевидно, теоремы 2.1 и 2.2 расширяют класс объектов, к которым применима закономерность теоремы Ролля. Попробуем теперь ослаблять условия данной теоремы.

Отказ от требования равенства значений функции f на концах отрезка приводит к классической теореме Лагранжа.

Теорема 2.3 (Лагранжа). Пусть $f : [a; b] \rightarrow \mathbf{R}$ – непрерывная функция, дифференцируемая на интервале $(a; b)$. Тогда найдется хотя бы одна точка ξ , $\xi \in (a; b)$, такая, что $f(b) - f(a) = f'(\xi)(b - a)$.

Теорема Лагранжа по сравнению с теоремой Ролля указывает на более общую закономерность для функций, непрерывных на отрезке и дифференцируемых внутри него. Она расширяет также класс объектов, к которым применяется теорема Ролля.

Ослабление условия дифференцируемости функции в точках интервала $(a; b)$ позволяет сформулировать в терминах односторонних производных следующую теорему.

Теорема 2.4 (В. Finta [22]). Если непрерывная функция $f : [a; b] \rightarrow \mathbf{R}$ в каждой точке x интервала $(a; b)$ обладает конечными односторонними производными $f'_-(x)$, $f'_+(x)$ и $f(a) = f(b)$, то найдется хотя бы одна точка ξ , $\xi \in (a; b)$, такая, что отрезок с концами в точках $f'_-(\xi)$, $f'_+(\xi)$ будет содержать в себе значение $y = 0$.

Условие дифференцируемости функции f в точках интервала $(a; b)$ в формулировке теоремы Ролля, оказывается, можно ослабить еще более. Возможно формулирование обобщения теоремы Ролля в терминах только одной из односторонних производных. Справедлива

Теорема 2.5 [23]. Если непрерывная функция $f : [a; b] \rightarrow \mathbf{R}$ в каждой точке x интервала $(a; b)$ обладает конечной правосторонней производной

$f'_+(x)$ и $f(a) = f(b)$, то найдутся точки ξ , η , $\xi, \eta \in (a; b)$, такие, что будут выполняться неравенства $f'_+(\xi) \geq 0$, $f'_+(\eta) \leq 0$.

Теорема 2.5 снова расширяет круг объектов, к которым применимо утверждение классической теоремы Ролля, и обобщает закономерность утверждения этой теоремы: в ней условия существования производной функции f на интервале $(a; b)$ заменяется более слабым условием – требуется существование на этом интервале лишь правосторонней производной $f'_+(x)$, а вывод о существовании точки ξ со свойством $f'(\xi) = 0$ заменяется более общей закономерностью о наличии точек ξ и η , удовлетворяющих соотношениям $f'_+(\xi) \geq 0$, $f'_+(\eta) \leq 0$.

Рассмотрим еще одно обобщение теоремы Ролля, в котором допускается рассмотрение функции не на замкнутом отрезке, а на открытом интервале (возможно, даже бесконечной длины), при этом не исключается существование у функции бесконечной производной.

Теорема 2.6. Пусть функция $y = f(x)$ определена и непрерывна на интервале $(a; b)$ ($-\infty \leq a < b \leq +\infty$) числовой прямой и в каждой точке этого интервала обладает либо конечной, либо бесконечной (равной $+\infty$ или $-\infty$) производной. Пусть, далее, существуют пределы $\lim_{x \rightarrow a+0} f(x)$ и $\lim_{x \rightarrow b-0} f(x)$, равные одному и тому же значению C , $C \in \mathbf{R} \cup \{-\infty; +\infty\}$. Тогда найдется хотя бы одна точка ξ , $\xi \in (a; b)$, такая, что $f'(\xi) = 0$.

Сформулированная теорема нами установлена в недавней работе [24]. Следует заметить, что ее с учетом теорем 2.4–2.5 можно формулировать и в более слабых предположениях относительно функции $y = f(x)$. Предоставим читателю возможность сделать это самостоятельно.

В заключение характеристики работы с теоремой на этапе обобщения приведем еще два варианта обобщенной теоремы Ролля.

Теорема 2.7 [25]. Пусть функция $y = f(x)$ непрерывна на отрезке $[a; b]$, l -дифференцируема в интервале $(a; b)$ и на концах этого интервала принимает равные значения. Тогда существует точка ξ , $\xi \in (a; b)$, такая, что $f'_l(\xi) = 0$.

Теорема 2.8 [26]. Пусть функция $y = f(x)$ определена на отрезке $[a; b]$ числовой прямой и удовлетворяет условиям: 1) она непрерывна на $[a; b]$; 2) $f(a) = f(b)$. Тогда существует точка ξ , $\xi \in (a; b)$, такая, что $f'_-(\xi) \leq 0 \leq f'_+(\xi)$.

Теорема 2.7 формулируется в терминах l -производной функции f , а теорема 2.8 – в терминах верхней и нижней производных [27] рассматриваемой функции. Данные теоремы существенно расширяют класс объектов, к которым применимо утверждение классической теоремы Ролля.

Следует заметить, что организация со студентами глубокой работы по обобщению клас-

сических утверждений математики имеет далеко идущие перспективы в плане приобщения будущих специалистов к реальной исследовательской деятельности. С целью иллюстрации данного положения скажем, что представленные в настоящем пункте обобщения теоремы Ролля открывают путь к построению новых теорий дифференциального исчисления функций. В рамках таких построений многие принципиальные вопросы посылны студентам для самостоятельных исследований.

3. Работа с задачей. Этап поиска различных решений. Обратимся сейчас к иллюстрации этапа поиска различных способов решения задачи при работе с последней. С этой целью условимся рассмотреть иррациональное уравнение

$$\sqrt[5]{1 - \sqrt{1 - x^2}} + \sqrt[5]{1 + \sqrt{1 - x^2}} = 2, \quad (9)$$

представляя различные способы его решения. Данное уравнение неоднократно обсуждалось на страницах журнала «Математика в школе» (см., напр., работы [28]). О нем в работе [29] подмечено, что такого типа уравнения «достаточно часто встречаются среди конкурсных и олимпиадных заданий».

В статье [30] уравнение (9) решается посредством подстановок

$$\sqrt[5]{1 + \sqrt{1 - x^2}} = u, \quad \sqrt[5]{1 - \sqrt{1 - x^2}} = v,$$

которые сводят уравнение к системе

$$\begin{cases} u + v = 2, \\ u^5 + v^5 = 2 \end{cases}$$

относительно u и v . Данная система имеет единственное решение $u = 1, v = 1$, откуда находятся корни $x = \pm 1$ уравнения (9). Представленный способ условимся называть *первым способом* решения уравнения (9).

Обсудим *второй способ*, обращаясь к функционально-графическому методу решения уравнений. То, что значения $x = \pm 1$ – корни уравнения, можно догадаться. Отсутствие других корней позволяет установить факт убывания

функции $f(t) = (1-t)^{\frac{1}{5}} + (1+t)^{\frac{1}{5}}$, $t \in [0; 1]$, которую несложно исследовать в терминах производной.

Третий способ. Заметим, что $x = 0$ не является корнем уравнения. На множестве $[-1; 1] \setminus \{0\}$ возможна оценка сверху слагаемых левой части уравнения по обобщенному неравенству Бернулли [31]:

$$\begin{aligned} \sqrt[5]{1 - \sqrt{1 - x^2}} + \sqrt[5]{1 + \sqrt{1 - x^2}} &\leq \\ &\leq 1 - \frac{1}{5}\sqrt{1 - x^2} + 1 + \frac{1}{5}\sqrt{1 - x^2} = 2. \end{aligned}$$

Поскольку равенство в полученной оценке достигается только при условии $\sqrt{1 - x^2} = 0$, то отсюда находим искомые корни $x = \pm 1$.

Представленный способ решения уравнения (9) реализуется в статьях [32] и [33].

Четвертый способ. Рассмотрим решение обобщаемого уравнения, основывающееся на применении неравенства Иенсена [34] для вогнутой на промежутке $[0; +\infty)$ функции $f(x) = \sqrt[5]{x}$.

Так как

$$\begin{aligned} \frac{1}{2}\sqrt[5]{1 + \sqrt{1 - x^2}} + \frac{1}{2}\sqrt[5]{1 - \sqrt{1 - x^2}} &\leq \\ &\leq \sqrt[5]{\frac{1}{2}(1 + \sqrt{1 - x^2}) + \frac{1}{2}(1 - \sqrt{1 - x^2})} = 1, \end{aligned}$$

то исходное уравнение равносильно уравнению $1 + \sqrt{1 - x^2} = 1 - \sqrt{1 - x^2}$, из которого находим корни $x = \pm 1$.

Заметим, что последние два способа реализуют применение при решении уравнений метода неравенств. В отношении уравнения (9) данный метод оказывается весьма экономичным.

Пятый способ. Рассмотрим способ решения, основанный на применении неравенства Иенсена для логарифмически вогнутой [35] функции $y = x^5$, $x \in (0; +\infty)$. Имеем:

$$\begin{aligned} \left(\sqrt[5]{1 + \sqrt{1 - x^2}} + \sqrt[5]{1 - \sqrt{1 - x^2}}\right)^5 &= \\ = 2^5 \left(\frac{1}{2}\sqrt[5]{1 + \sqrt{1 - x^2}} + \frac{1}{2}\sqrt[5]{1 - \sqrt{1 - x^2}}\right)^5 &\geq \\ \geq 2^5 \left(\sqrt[5]{1 + \sqrt{1 - x^2}}\right)^{\frac{5}{2}} \left(\sqrt[5]{1 - \sqrt{1 - x^2}}\right)^{\frac{5}{2}} &= 2^5 \sqrt{x^2}, \end{aligned}$$

или

$$\sqrt[5]{1 + \sqrt{1 - x^2}} + \sqrt[5]{1 - \sqrt{1 - x^2}} \geq 2|x|, \quad x \in [-1; 0) \cup (0; 1].$$

Равенство в произведенной оценке будет достигаться только при условии $\sqrt[5]{1 + \sqrt{1 - x^2}} = \sqrt[5]{1 - \sqrt{1 - x^2}}$, то есть при $x = \pm 1$. Отсюда следует, что $x = \pm 1$ – корни рассматриваемого уравнения.

То, что других корней у рассматриваемого уравнения нет, можно показать так, как это сделано в решении вторым способом.

Шестой способ. Отмечая, что $x = 0$ не является корнем исследуемого уравнения, левую часть последнего на множестве $[-1; 0) \cup (0; 1]$ оценим снизу по неравенству Коши. Будем иметь:

$$\begin{aligned} \sqrt[5]{1 - \sqrt{1 - x^2}} + \\ + \sqrt[5]{1 + \sqrt{1 - x^2}} &\geq 2 \cdot \sqrt[10]{1 - (1 - x^2)} = 2 \cdot \sqrt[5]{|x|}, \end{aligned}$$

при этом равенство в произведенной оценке достигается только при условии $\sqrt[5]{1 - \sqrt{1 - x^2}} = \sqrt[5]{1 + \sqrt{1 - x^2}}$,

то есть при $x = \pm 1$. Следовательно, значения $x = \pm 1$ есть корни рассматриваемого уравнения. Остается показать, что других корней уравнение не имеет.

Седьмой способ. Решим уравнение (9), используя свойство монотонности среднего степенного [36]. Значение $x = 0$ не является корнем уравнения. Для $x \in [-1; 0) \cup (0; 1]$ введем в рассмотрение среднее степенное $F(t)$ положительных величин $1 + \sqrt{1-x^2}$ и $1 - \sqrt{1-x^2}$, полагая

$$F(t) = \left(\frac{(1 + \sqrt{1-x^2}) + (1 - \sqrt{1-x^2})}{2} \right)^t, t \neq 0.$$

Поскольку $F\left(\frac{1}{5}\right) \leq F(1)$, то имеем

$$\left(\frac{(1 + \sqrt{1-x^2}) + (1 - \sqrt{1-x^2})}{2} \right)^5 \leq \left(\frac{1 + \sqrt{1-x^2} + 1 - \sqrt{1-x^2}}{2} \right) = 1,$$

или

$$(1 + \sqrt{1-x^2}) + (1 - \sqrt{1-x^2}) \leq 2. \quad (10)$$

Исходное уравнение есть реализуемое со знаком равенства последнее неравенство. Так как в (10) равенство достигается только при условии

$$1 + \sqrt{1-x^2} = 1 - \sqrt{1-x^2},$$

то отсюда находим искомые корни уравнения — $x = \pm 1$.

Восьмой способ. Рассмотрим решение уравнения (9), представленное в статье [37]. Так как данное уравнение записывается в виде

$$f(u) + f(v) = f(u_1) + f(v_1), \quad (11)$$

где $f(x) = \sqrt[3]{x}$, $u = 1 + \sqrt{1-x^2}$, $v = 1 - \sqrt{1-x^2}$, $u_1 = 1$, $v_1 = 1$, то в силу теоремы 2 цитируемой работы оно будет равносильно совокупности уравнений $u = u_1$, $u = v_1$, т. е. уравнению $1 + \sqrt{1-x^2} = 1$. Корни последнего, как было показано выше, есть $x = \pm 1$.

З а м е ч а н и е. В статье [38] нами рассматривалось уравнение

$$pf(u) + qf(v) = pf(u_1) + qf(v_1), \quad (12)$$

где $p, q > 0$, $p + q = 1$; u, v, u_1, v_1 — функции относительно искомого неизвестного x ; f — не-

которая функция. Очевидно, при $p = q = \frac{1}{2}$ уравнение (12) переходит в уравнение (11). В отношении уравнения (12) доказана [39] следующая

Теорема А. Если в уравнении (12) функция $f(x)$ является строго выпуклой вверх или строго выпуклой вниз на промежутке X , функции $u = u(x)$, $v = v(x)$, $u_1 = u_1(x)$, $v_1 = v_1(x)$ такие,

что при всех x из области определения D неизвестного уравнения (12) их значения содержатся в X и выполняется условие

$$pu + qv = pu_1 + qv_1,$$

то уравнение (12) на множестве $D_1 = D \cap \{x : u(x) \leq v(x); u_1(x) \leq v_1(x)\}$ равносильно уравнению

$$u(x) = u_1(x).$$

При равенстве весов p и q , т. е. при условии

$p = q = \frac{1}{2}$, установленная теорема уточняет упоминаемую выше теорему 2 из [40], касающуюся уравнения (11). В этом случае на множестве

$$D_2 = D \cap (\{x : u(x) \leq v(x); u_1(x) \leq v_1(x)\} \cup \{x : u(x) \geq v(x); u_1(x) \geq v_1(x)\})$$

уравнение (12) равносильно уравнению $u(x) = u_1(x)$, а на множестве

$$D_3 = D \cap (\{x : u(x) \leq v(x); u_1(x) \geq v_1(x)\} \cup \{x : u(x) \geq v(x); u_1(x) \leq v_1(x)\}) -$$

уравнению $u(x) = v_1(x)$. Объединение же множеств D_2 и D_3 совпадает с областью задания D уравнения (12).

Ясно, что восьмой способ решения уравнения (9) может быть реализован и с опорой на приводимую теорему А.

Подведем итог. В настоящем пункте рассмотрено восемь подходов к решению одного иррационального уравнения. Они имеют различную степень трудности реализации, основываются на различных теоретических фактах, но в своей совокупности демонстрируют эффективное применение стандартных и специальных методов решения уравнений, формируя эстетическое восприятие математики.

Подчеркнем, что при обучении студентов педагога математике организации работы с задачей важно уделять особое внимание, поскольку через такую работу реализуется активность усвоения учебного материала, а значит, и его глубина. В рамках данной работы особое значение имеет этап решения задачи разными способами. Его методическая целесообразность может быть объяснена, в частности, тем, что в процессе поиска различных способов решения задачи развивается особая гибкость мышления, формируется творческое мышление.

Примечания

1. Суханов А. Д. Концепция фундаментализации высшего образования и ее отражение в ГОСах // Высшее образование в России. 1996. № 3. С. 17–24.
2. Там же.
3. Садовничий В. А. Традиции и современность // Высшее образование в России. 2003. № 1. С. 11–18.
4. Шилов Г. Е. Математический анализ (функции одного переменного). Ч. 1–2. М.: Наука, 1969. 528 с.

5. Калинин С. И. К вопросу об изучении темы «Производная» // Математика в школе. 1994. № 4. С. 59–62.

6. Попов В. А. Элементарная математика и начала анализа: методические статьи и задачи. Сыктывкар: Коми гос. пед. ин-т, 2002. 300 с.; Попов В. А. Новые основы дифференциального исчисления: учеб. пособие для спецкурсов. Сыктывкар: «ПОЛИГРАФ-СЕРВИС», 2002. 64 с.

7. Попов В. А. Элементарная математика ... С. 155.

8. Там же.

9. Там же. С. 168.

10. Там же. С. 169–170.

11. Калинин С. И. Об изложении основ дифференциального исчисления вещественнозначных функций одной и нескольких переменных в терминах понятия дифференцируемости функций по Каратеодори // Математика в образовании: сб. ст. Вып. 2 / под ред. И. С. Емельяновой. Чебоксары: Изд-во Чуваши ун-та, 2006. С. 1.

12. Попов В. А. Новые основы ... С. 14.

13. Там же. С. 25.

14. Калинин С. И., Канин Е. С., Маянская Г. М., Ончукова Л. В., Подгорная И. И., Фалелева С. А. Задачи и упражнения по началам математического анализа: пособие для учащихся школ и классов с углубленным изучением математики и для внекл. занятий математикой. М.: Московский Лицей, 2001. 208 с.; 2-е изд. М.: Московский Лицей, 2002. С. 49.

15. Математическая энциклопедия / гл. ред. И. М. Виноградов, т. 4 Ок – Сло. М.: Сов. энцикл., 1984. 1216 стб.

16. Брайчев Г. Г., Меньшикова А. А. Об одном обобщении понятия производной и его применения в математическом анализе // Научные труды математического факультета Моск. пед. гос. ун-та: юбилейный сб. 100 лет. М.: Прометей, 2000. С. 27–30.

17. Брайчев Г. Г. Введение в теорию роста выпуклых и целых функций. М.: Прометей, 2005. С. 50.

18. Колмогоров А. Н., Фомин С. В. Элементы теории функций и функционального анализа. М.: Наука, 1972. С. 451.

19. Там же. С. 453.

20. Саранцев Г. И. Общая методика преподавания математики. Саранск, 1999. 208 с.; Саранцев Г. И. Методика обучения математике в школе. М., 2002. 224 с.

21. Калинин С. И. Теорема Ролля в контексте этапа обобщения работы с теоремой // Математика в школе. 2009. № 3. С. 53–58.

22. Finta V. A generalization of the Lagrange mean value theorem // Octogon. 1996. 4, № 2. С. 38–40.

23. Калинин С. И. Теорема Ролля ...

24. Калинин С. И. Обобщение теоремы Ролля в редакции Франклина // Математический вестник педвузов и университетов Волго-Вятского региона. Вып. 14: период. межвуз. сб. науч.-метод. работ. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2012. С. 97–104.

25. Брайчев Г. Г., Меньшикова А. А. Указ. соч. С. 28–29.

26. Брайчев Г. Г. Введение в теорию роста ... С. 57–58.

27. Там же. С. 50.

28. Смоляков А. Н. Нестандартные способы решения иррациональных уравнений // Математика в школе. 2002. № 7. С. 35–36; Фирстова Н. И. Решение некоторых видов уравнений при помощи нера-

венств // Математика в школе. 2002. № 1; Чучаев И. И., Денисова Т. В. Выпуклые функции и уравнения // Математика в школе. 2005. № 5; Калинин С. И. Логарифмически выпуклые функции, их свойства и применения // Математика в школе. 2007. № 7. С. 41–50, 76; Сорокин Г. А. Экстремум и неравенства // Математика в школе. 1997. № 1. С. 76–81.

29. Чучаев И. И., Денисова Т. В. Указ. соч. С. 41.

30. Смоляков А. Н. Указ. соч.

31. Сорокин Г. А. Указ. соч. С. 77.

32. Фирстова Н. И. Указ. соч.

33. Сорокин Г. А. Указ. соч.

34. Калинин С. И. Логарифмически выпуклые функции ... С. 41–42.

35. Там же. С. 42–43.

36. Калинин С. И. Средние величины степенного типа. Неравенства Коши и Ки Фана: учеб. пособие по спецкурсу. Киров: Изд-во ВГГУ, 2002. 368 с.

37. Чучаев И. И., Денисова Т. В. Указ. соч.

38. Калинин С. И. Об одном применении выпуклых функций при решении уравнений // Математика в школе. 2009. № 4. С. 30–35.

39. Там же. С. 31–32.

40. Чучаев И. И., Денисова Т. В. Указ. соч.

УДК 159.9.07

Е. В. Бакуштова

СКРЫТАЯ СЕМАНТИКА СОЦИАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ В АУТОДИСКУРСЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Работа посвящена анализу скрытых семантических ролей и функциональной грамматики дискурса. В текстах выявлялся падеж субъекта действия, темпоральные характеристики, модальность, функции потенциальности и реализованности. В работе показано, как через формальные средства выражения передается смысловое отношение интеллигенции к собственным ролевым позициям.

Is devoted to the analysis of latent semantic roles and functional grammar of discourse. The texts detected case the actor, temporal characteristics, modality, potentiality and realizovannosti function. The paper shows how a formal means of expression to the semantic relationship of intellectuals to their own role positions.

Ключевые слова: интеллигенция, групповое сознание, дискурс, субъект познания и деятельности, семантические роли, функциональная грамматика, смыслотворчество.

Keywords: the intelligentsia, the group consciousness, discourse, the subject of knowledge and activity, semantic roles, functional grammar, creation of meaning.

Психология больших групп является важнейшей в социальной психологии и рассматривается в ряде работ ([1]). Вместе с тем в настоящее время сами группы перестали быть жестко определенными, по-настоящему устойчивыми; очевиден

© Бакуштова Е. В., 2012

кризис социальных и культурных идентичностей личности и обществ; при этом наблюдаются встречные процессы поиска идентичности – этнической, национальной, политической и т. п. Сложность и быстрота изменений, диффузия групп, нетипичность групповых процессов затрудняют эмпирические исследования, традиционно связанные с масштабными опросами. На наш взгляд, в современную эпоху социальной психологии необходим гуманитарный подход – работа с историческим контекстом, артефактами, текстами, представляющими предмет исследования более глубоко и полно, позволяющими на малых выборках заметить, зафиксировать и зачастую прогнозировать изменения. Материал, представленный в данной статье, получен благодаря обращению к психосемантике и психолингвистике с применением таких методов, как анализ скрытых семантических ролей, функциональная грамматика, критический дискурс-анализ.

Базовым пространством деятельности интеллигенции, в которой формируются критерии идентичности, проявляется ее активность, рождается коллективное смысловое поле, транслируемое в культуру, является дискурс. Авторы, которые пишут об интеллигенции, вне зависимости от коннотации апеллируют не столько к фактам социальной биографии этой группы, сколько к речевым действиям – высказываниям, статьям, описаниям. В дискурсе раскрывается содержание феномена интеллигенции. Мы решили уделить внимание именно форме как способу представления «внеязычного содержания» [2]. Анализ «дискурсивных меток» [3] позволяет нам выявить в формальных средствах языка, кодирующих самопрезентации ролевых позиций интеллигенции, ее смысловую сферу в исторической ретро- и перспективе.

Выборка. Эмпирическим объектом послужили тексты онлайн-конференций интернет-сообщества «Интеллигенты 2.5», проходивших в период с марта 2009 по март 2011 г. включительно [4]. Отметим, что данное сообщество представляет собой конструктивный пример реализованной виртуальной коммуникации – группа вела активную и напряженную дискуссию по разным вопросам на протяжении двух лет. Два года – продолжительный период существования для виртуальной группы, объединяющей незнакомых людей на основе преимущественно коммуникативного интереса.

Методы исследования. В исследовании применялись как традиционные для социальной психологии методы, в частности включенное наблюдение, так и методы текстологического анализа – контент-анализ глубинных семантических ролей, функциональная грамматика, критический дискурс-анализ. Первый взят из теории Ч. Фил-

лмора. Она связана с определением «ядерных грамматических отношений в предложении (субъекта, объекта и косвенного объекта) в том смысле, что она задается вопросом: каким образом конкретные аспекты значения высказывания определяют, какая составляющая выступает в качестве (глубинного) субъекта, а какая – в качестве объекта» [5]. Дело в том, что «значения обуславливаются ситуациями», то есть в каждом случае мы должны обращать внимание не только на очевидные грамматические формы, но и на скрытые возможности, перспективу, каждый раз исходя из контекста, определяя, какая сущность выступает субъектом, а какая – объектом действия, насколько активна в действительности та сущность, которая формально позиционирована как действующая.

Функциональная грамматика А. В. Бондарко трактуется как «грамматика, нацеленная на изучение и описание функций единиц строя языка и закономерностей функционирования этих единиц во взаимодействии с разноуровневыми элементами окружающей среды; грамматика данного типа рассматривает в единой системе средства, относящиеся к разным языковым уровням, но объединенные на основе общности их семантических функций; при описании языкового материала используется подход “от семантики к ее формальному выражению” (“от функции к средствам”) как основной, определяющий построение грамматики, в сочетании с подходом “от формы к семантике” (“от средств к функциям”))» [6]. Таким образом, за высказанным мы имеем возможность увидеть смысловое отношение говорящего, как «след деятельности» [7], к предмету разговора.

Итак, нами анализируются падежные формы субъекта и его функции, выраженные разными способами. Используемые падежи субъекта действия (по отношению к основному глаголу в предложении): **Агентив (А)** – падеж субъекта действия; **Отрицательный Агентив (Отр. А)** – падеж субъекта отрицательного (недолжного) или отрицаемого действия. Заметим, что не во всех случаях роль субъекта выполняет подлежащее (например: *Пётр I опасался людей думающих* (А) – подлежащее в этом предложении Пётр I, но поскольку предмет анализа не он, а «люди думающие», то именно это выражение имеет падеж Агентив, поскольку является субъектом действия в изучаемом контексте). **Датив (Д)** – падеж одушевленного существа, которое затрагивается действием, называемым глаголом. Другими словами, Датив – падеж испытывающего лица (например: *интеллигенция уничтожалась*). **Фактив (Ф)** – падеж одушевленного существа, которое возникает в результате действия, называемым глаголом (*Пётр I создал интеллигенцию*). Кроме того,

данный падеж выявляется в тех случаях, когда речь идет об определении понятий «интеллигенция» и «интеллигент» (например: *до тех пор, пока мы не придем к общему пониманию того, что такое интеллигенция и с чем ее едят...*). Кроме того, в некоторых случаях образуются комбинации падежей.

Функциональная грамматика направлена на выявление скрытой семантики отношения к деятельности интеллигенции, выраженной языковыми средствами: модальность (должное, возможное, желаемое); темпоральность (прошлое, настоящее, будущее), функции (потенциальность, процесс, реализованность).

Процедура исследования. Из всех онлайн-конференций (их 243) мы выбрали те, в название которых входят слова «интеллигенция», «интеллигент», «интеллигентность» (6,6%): «Д. С. Лихачев. О русской интеллигенции», «Для чего нам эта интеллигентность?», «Интеллигентность и бизнес», «Интеллигенция и религия», «Что мы знаем об интеллигенции?», «Сетевой маркетинг и интеллигент» и др. В ходе работы с текстами конференций мы выделили 336 высказываний, имеющих отношение к действиям и в целом социальной биографии интеллигенции. Распределение высказываний по падежам представлено на рис. 1.

Результаты и их обсуждение. Объем статьи не позволяет рассмотреть все падежные формы

и их комбинации; мы остановимся только на тех, которые представляют интеллигенцию как активного действующего субъекта: **Агентив**, в 115 высказываниях из 322 (35,7%), и **Отрицательный Агентив** (13,4%). В остальных 53% высказываний интеллигенция представлена как объект воздействия со стороны внешнего мира либо как объект самопознания (хотя при этом она выступает субъектом самопознания, от созидательной деятельности этот процесс далек, поскольку дискурс строится на антиномиях и развивается «по кругу» – возвращение к одним и тем же темам, вопросам, точкам зрения).

Рассмотрим подробнее скрытую семантику ролей, выраженную падежом субъекта действия (см. таблицу). Как видим, 12,2% высказываний описывают деятельность интеллигенции без использования глаголов, только именами существительными: *ввиду известности, аристократия духа, прототип, голова общества, носитель духа, с интеллигенцией всегда так, наличие, признак отсутствия, духовный потенциал* и т. д. Вероятно, скрытая субъективная семантика содержит образ интеллигенции как некой должной возвышенной сущности, для которой достаточно существования.

Все эти слова имеют положительные коннотации, при этом они находятся вне времени, подразумевают аксиологическую модальность. Также активность интеллигенции выражается отгла-

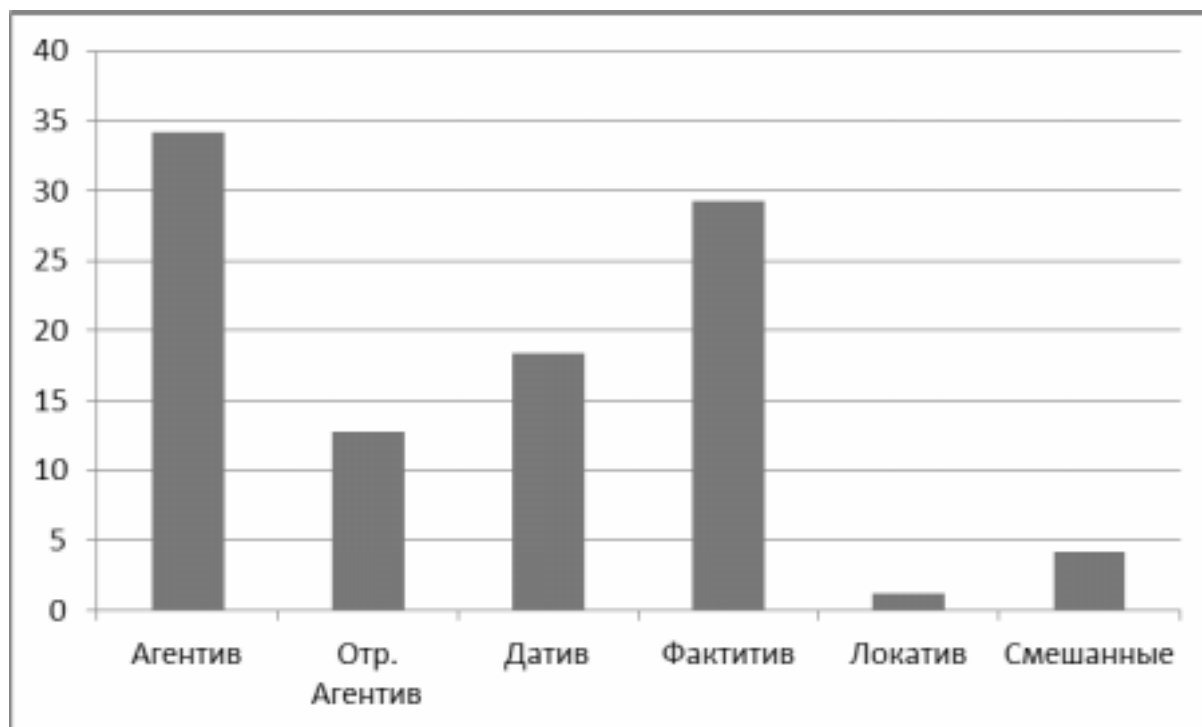

Рис. 1. Распределение высказываний об интеллигенции по падежам (в % от общего числа высказываний)

гольными формами: причастиями – *собиравшийся* (кружок интеллигенции), *сохранявший, связующая, обладающая, работающей, остававшиеся, пишущая, относящий* (себя к интеллигенции), *пудрящих* (мозги), *претендующий*; деепричастиями (2): *предопределив, претендуя*; а также прилагательными: *работающей, присущие* (последнее слово встречается 4 раза). Речь идет о присущих интеллигенции качествах, т. е. вновь мы сталкиваемся с передачей образа не через действие, а через признаки.

Далее, 15,7% высказываний имеют неопределенную форму глаголов (см. таблицу): попытка *компенсировать*, должна *работать, начать* разработку, найдется, что *подправить*, будет *понимать*, может и должна громко *заявить, объединиться, создавать* репутацию, нужно *договориться и отказаться*, может не только *рефлексировать*, умеет *слушать и понимать* и др. С точки зрения функций речь идет о потенциальности, т. е. проектировании деятельности. К тому же мы видим, что часть этих слов сопряжена с модальными глаголами, то есть речь действительно идет о проектировании, причем в очевидном для участников диалога, «должном» направлении.

Перечислим те глаголы, которые раскрывают функцию реализованности, сделанное: *выдержала, вступила, воспринимала, пришла, воспитала, появилась, совершила, выступила, объявлялась, взяла на себя, перешла, задумывалась, сохранялась, стремились, возглавила, формировалась, поддержала, была, увидела, остававшееся, положила* (волю, сердце и ум) *на изучение, нашли* – 28 глаголов в прошедшем времени; *необходима, приближает, выступила, выступает, существует, есть, осталась, перешла* – 8 глаголов в настоящем; *объединит, поставят, объединившись* (речь идет о реализации замыслов в будущем) – всего 3 глагола будущего времени.

Всего же из 115 выражений группы **Агентив** функцию потенциальности выражают 37 слов, т. е. 32,2% (падеж Агентив в «чистом виде», без комбинаций, – 32 раза), функцию реализован-

ности – 39 слов, т. е. 34%. При этом потенциальность интересно связана с темпоральностью: в 6 случаях – связь с прошлым, в 1 – с будущим и в 2 – с настоящим, в остальных 23 случаях потенциальность деятельности как бы вне времени (см. таблицу). Функция реализованности (31 выражение в «чистом виде», без комбинаций падежей) – 6 в прошедшем, 3 – в настоящем времени, 22 высказывания – в т. н. абсолютном времени и представляют собой постоянный баланс потенциального и реализованного, каузацию и процесс одновременно.

Посмотрим, что реализовалось: *русская интеллигенция вступила в эпоху; к интеллигенции принадлежат только люди, свободные в своих убеждениях; усиленная духовная активность интеллигенции пришла на первое десятилетие советской власти; черта, определявшая характер русской интеллигенции, – это отвращение к деспотизму, воспитала в ней стойкость и чувство собственного достоинства; с интеллигенцией всегда так – в сторону широкую; интеллигенция и взяла на себя функцию духовенства; интеллигенция перешла к другим вопросам; интеллигенция возглавила тотальную критику советского строя, раньше других увидела, в какой мы ж... и т. д.* Как видим, большая часть того, что реализовалось, событийность, относится к прошедшему времени.

Падеж **Отрицательный Агентив** показывает отрицательную активность интеллигенции, недолжное поведение либо действия, характеризующие ее страдательную позицию, но страдательную – по собственной инициативе. Высказываний с подобной интенцией нами выделено 43 (13,4% высказываний). В данной падежной подгруппе «разнообразии» языковых средств сокрытия семантики меньше, нежели в падеже Агентив (см. таблицу). Отрицание, негативный аспект позволяет более открыто и выпукло передать то, чего интеллигенция не делает и не может сделать. Итак, интеллигенция *не делает: не противостоит церкви, не является оплотом атеиз-*

Падеж субъекта действия и скрытые семантические роли интеллигенции
(в % от количества высказываний в каждом падеже)

Языковые средства выражения активности субъекта	Падеж субъекта				
	А, 115 высказы- ваний	Отр. А, 43 высказы- вания	Д, 62 высказы- вания	Ф, 98 высказы- ваний	Л, 4 высказы- вания
Высказывание без глагола	12,2	7	14,5	13,3	–
Существительные-процессы	13	4,7	3,2	3,1	–
Причастия, деепричастия и др.	14,7	7	8	3,1	–
Косвенные формы выражения субъектности	3,5	2,3	9,7	1	–
Неопределенная форма глагола	15,7	11,6	9,7	–	–
Констатация наличия или отсутствия	–	–	6,5	–	–
Обычные глаголы	40,9	67,4	48,4	79,6	100

ма, не является совокупностью интеллигентов, не относят, не записывают, не может стать формой объединения, не поверит, не является классом, не будет классом, не существует как класс (2), не может решать проблемы, не знает; очевидных и быстрых результатов ее деятельности в природе не существует (2) и др. Что интеллигенция делает из того, что не следовало бы и характеризует ее отрицательно: изничтожает, необоснованно присвоила, глуха оставалась, из-за неспособности что-то поправить, в принципе неспособна, показатель нездоровья, сидела сложа руки, необязательность присуща, отличает безответственность (2), опирается на аутокоммуникацию, игнорировать, деятельность интеллигенции ограничивается кухонными разговорами, с самого своего обособления, объединение интеллигенции – задача бесперспективная. Отрицания, содержащие положительные коннотации: не запятнала, ушедшего, пока еще осталась, не зависящие от принуждения, не подчиняется, установить диктатуру интеллигенции не удастся, не боится, руководить стройными шеренгами интеллигентов – дело безнадежное, не может быть аналога у российской интеллигенции. Также мы встречаем здесь ряд высказываний, передающих каузацию (если бы интеллигенция не сделала того-то, то другого бы не случилось): не было бы старой интеллигенции, не было бы и диссидентов помоложе, если бы не отошли в сторону от «грязной» политики, могла бы с легкостью выбросить на ближайшую свалку и ничуть бы не потеряла. Как оказалось, создаваемый через отрицание образ деятельности интеллигенции выглядит более отчет-

ливым, здесь нет необходимости прибегать к существительным или прилагательным, т. е. к описанию признаков, а существует возможность прямого описания (называния) действий.

Если рассмотреть тексты, опираясь только на анализ функциональной грамматики, не выделяя падежей, то предстает еще более выпуклый образ. На рис. 2 представлены темпоральные характеристики деятельности интеллигенции, представленные 322 высказываниями. Действие в прошлом – 18,6% высказываний, действие в настоящем – 12,4% и действие в будущем – всего 1,2% высказываний. Будущее интеллигенции представляется с трудом, в основном вся активность группы или по отношению к ней сосредоточена в прошлом.

Но более интересно то, что 67,8% высказываний описывают социальную группу как бы вне времени, все, что с ней происходит, происходит всегда во времени, которое не определяется правилами календаря, и демонстрирует постоянство неопределенности, неопределяемости и, соответственно, неукорененность в социальной структуре, антиномичность отношения и самоотношения.

На рис. 3 представлено процентное распределение модальных и амодальных высказываний. Прежде всего, отметим, что последних значительно больше, чем остальных (87%). В данном случае амодальность не означает того, что эти высказывания относятся к ядерным, глубинным структурам образа интеллигенции, представленного скрытой семантикой изучаемых текстов. Скорее они раскрывают общее знание, представления об интеллигенции, существующие в любой

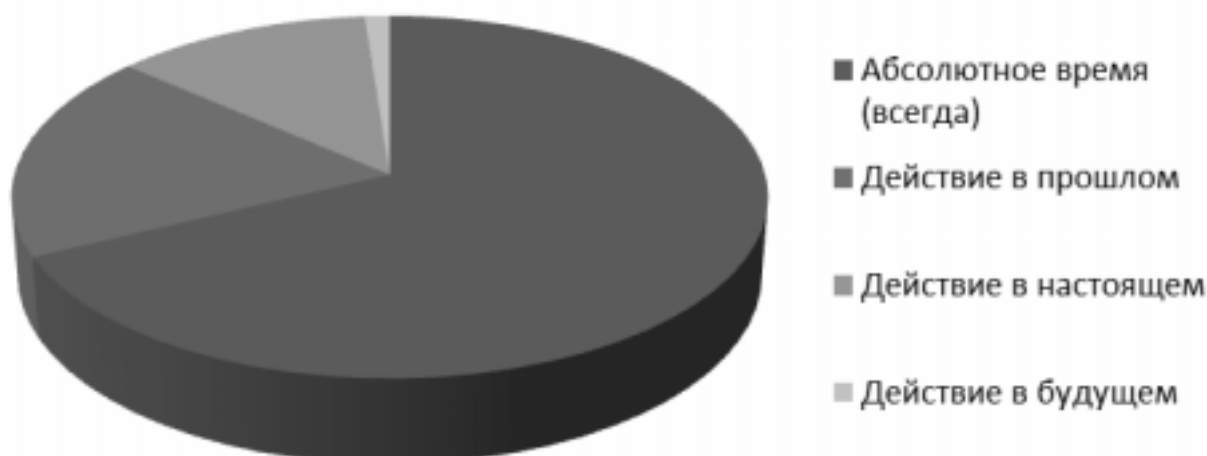

Рис. 2. Темпоральные характеристики высказываний, описывающих активность интеллигенции (в % от общего количества высказываний по всем падежам)

момент времени, и носят констатирующий и описательный характер, вне оценки и переживаний.

Модальные высказывания распределились весьма интересно. Наименьшую долю (2,8%) составляют фразы, раскрывающие реальные возможности интеллигенции, представление о том, что данная социальная группа может (способна, умеет) реализовать: *отточить механизмы интеллигентного общения; интеллигенции найдётся, что подправить; может не только рефлексировать; она не боится необходимой дисциплины* (техническая интеллигенция). Чуть больше (3,7%) высказываний посвящено должностованию, определению задач и норм поведения: *функции интеллигенции – просвещение общества, улучшение его интеллектуального и духовного качества, углубление понимания происходящих процессов, их осмысление и прогнозирование развития, осуществление медиации во взаимодействии народа и власти; должна работать не внутри себя, а с другими* и т. д. На наш взгляд, именно представление о долге относится к ядерным структурам представлений интеллигенции о себе, несмотря на столь малочисленные высказывания. Но это как раз согласуется с нашим тезисом о виртуализации интеллигенции как группы, конструировании третичного мифа, удаленного во времени от исходного чувственного образа, характеризующего классическую интеллигенцию. Наибольшую часть из модальных высказываний

занимает «желаемое», «хочу»: *без интеллигенции нет общества; Судьбу наций определяет ум интеллигентский; во главу угла поставят власть интеллигенции; да здравствует интеллигенция; Потребность выполнять какую-то совершенно особую миссию и др.*

Напомним, что дискуссии, послужившие объектом исследования, проходили в 2009–2010 гг., когда, как показывают наши исследования социальных представлений [8], слово «интеллигенция» представлялось забытым, а интеллигенция как социальное явление – чем-то архаичным. Однако «оживление» его произошло довольно быстро в актуальном языке за счет ядерных структур образа интеллигенции, которые представляют группу страдающей, испытывающей скорее неудобства, чем преимущества, однако заслуживающей лучшей участи. Мы видим, что наибольшим разнообразием языковых форм отличается падеж Агента, представляющий интеллигенцию в дискурсивных высказываниях как действующего субъекта. Однако данное разнообразие затушевывает активность, показывает ее условность, неопределенность понятия, статуса группы в обществе, самосознания и самооценки участников группы. Также мы констатируем настойчивое желание самоопределиваться и обрести легитимность в социальной структуре, для чего воспроизводятся элементы мифа, отражавшего определенную реальность в прошлом. При этом приоритет амодального дискурса и аб-

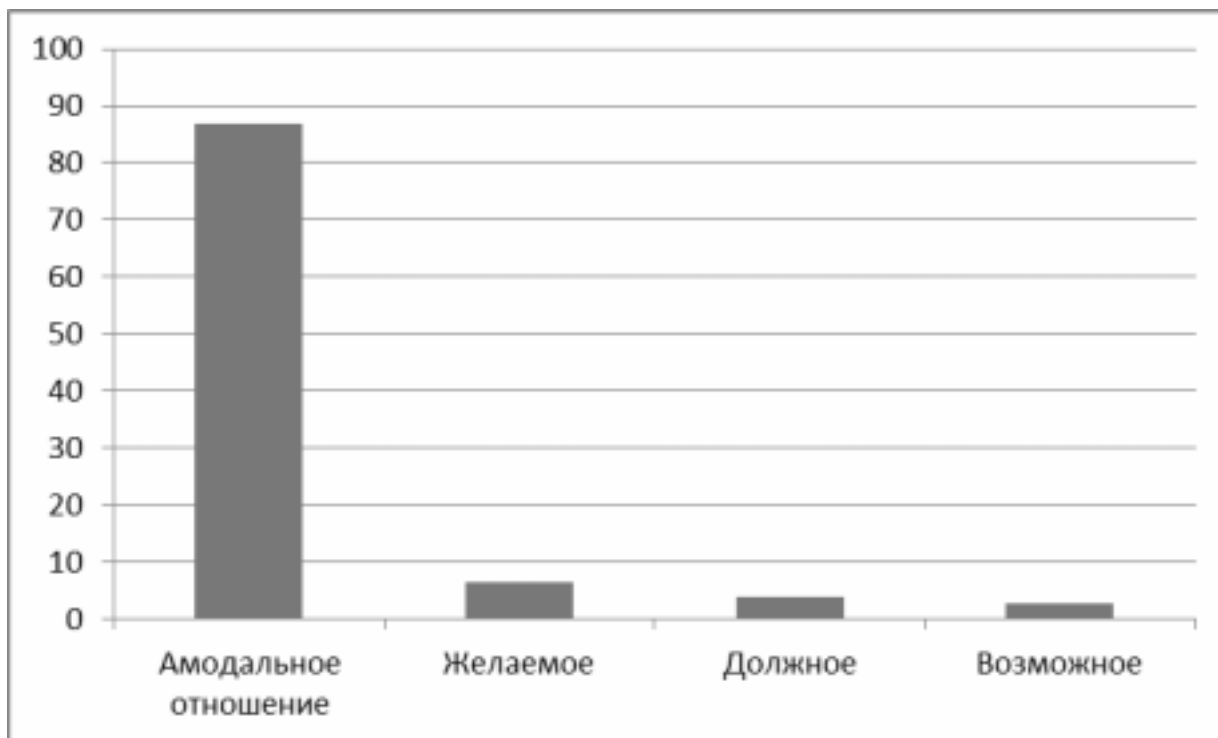

Рис. 3. Модальные характеристики высказываний, выражающих отношение интеллигенции к социальной роли

солютного времени в корпусе текстов об интеллигенции говорит о функционировании групповой патристики (догматическая констатация и описание) неэволюционирующего мифа и утрате, на наш взгляд, основной функции группы – смыслотворчества.

Примечания

1. Андреева Г. М. Социальная психология и социальные изменения // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 5. С. 5–15; Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология: учеб. пособие для вузов. М.: Новая школа, 1996; Донцов А. И. О понятии «группа» в социальной психологии // Социальная психология в трудах отечественных психологов / сост. А. Л. Свенцицкий. СПб.: Питер, 2000.
2. Потебня А. А. Мысль и язык // Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 20.
3. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996.
4. Интеллигенты 2.5: конференции. URL: http://professional.ru/Soobschestva/intelligenty_25/. Дата обращения: 08.12.2012.
5. Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. Лингвистическая семантика, 1981б. С. 497.
6. Бондарко А. В. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1987. С. 7.
7. Артемьева Е. Ю. Психология субъективной семантики: дис. ... д-ра психол. наук. М., 1986. С. 12.
8. Бакуштова Е. В. Социальная активность как субъектное качество русской интеллигенции // Вестник Государственного университета управления. 2010. № 17. С. 13–16.

УДК 023

Е. В. Саутина

КОММУНИКАТИВНАЯ И ИНФОРМАЦИОННАЯ КОМПЕТЕНЦИИ: К ПРОБЛЕМЕ КОМПОНЕНТНОГО АНАЛИЗА

В статье дается характеристика понятий «коммуникативная компетенция», «информационная компетенция», проводится сравнительный анализ их компонентного состава с целью более точного определения средств их развития.

This paper describes the concepts of “communicative competence”, “information competence”, a comparative analysis of their component composition to a more accurate determination of their development.

Ключевые слова: коммуникативная культура, коммуникативная компетенция, информационная компетенция, современный коммуникативный процесс, интерактивный диалог, коммуникативное взаимодействие.

Keywords: communicative culture, communicative competence, informational competence, modern communicative process, interactive dialogue, communicative interaction.

Современный этап развития российского общества характеризуется пристальным вниманием к проблемам коммуникации, к вопросам общения в различных социальных и профессиональных сферах. Актуальность обозначенных проблем очевидна и определяется необходимостью изучения процесса функционирования информационных потоков как на межличностном, так и на глобальном уровнях, как с помощью традиционных (устная речь, печатный текст), так и современных (телевидение, Интернет) средств.

Решение данных проблем тесно связано с повышением уровня коммуникативной культуры членов социума, должный уровень развития которой позволяет упорядочить информационную картину мира, обслуживая управление информационными потоками и обеспечивая их организацию. В научной литературе под коммуникативной культурой понимается обеспечение в общении «семантически значимой информации» [1], то есть определенный набор норм и правил, позволяющих участнику коммуникации с наибольшей эффективностью использовать для организации информационного обмена все доступные ему коды и способы коммуникации, выбирая в каждом случае наиболее соответствующую ситуации общения. По мнению многих исследователей, коммуникативная культура индивида реализуется в процессе общения как коммуникативная компетенция, уровень развития которой и определяет степень эффективности того или иного коммуникативного акта.

Термин «коммуникативная компетенция» был введен в научную литературу в связи с идеями Н. Хомского (N. Chomsky) и глубоко взаимосвязан с понятием лингвистической (языковой) компетенции. Языковую компетенцию Н. Хомский определял как систему интеллектуальных способностей, знаний и убеждений индивида, которая развивается в раннем детстве и во взаимодействии со многими другими факторами обуславливает виды его поведения [2]. Позднее, в середине прошлого столетия, Д. Хаймс определил сущность коммуникативной компетенции, которая заключалась во внутреннем понимании ситуационной уместности языка. Структура коммуникативной компетенции по Д. Хаймсу включала грамматическую, социолингвистическую, стратегическую, дискурсивную компетенции.

В современных научных исследованиях термин «коммуникативная компетенция» широко используется как в западных (С. Савиньон, Г. Пифо, Д. Хаймс), так и отечественных научных исследованиях (М. Н. Вятютнев, Н. И. Гез,

Е. В. Ключев, Б. Д. Парыгин и др.), а его функционирование тесно связано с компетентностным подходом к процессу становления специалиста того или иного профессионального профиля.

Современные исследователи относят понятие «компетенция» к области умений (А. В. Хуторской, А. Н. Боголюбов, А. Н. Дахнин, С. Е. Шишов и др.), которые проявляются как способность обнаружить процедуру, нужную для решения проблемы. Таким образом, обладать компетенцией – значит уметь показать в конкретной ситуации и при данных обстоятельствах полученные знания и опыт. Понятие компетентности имеет более широкое значение, так как включает и личностные качества индивида. Иными словами, формирование компетентности происходит в процессе приобретения личностью определенных компетенций. Разграничение понятий «компетенция» и «компетентность» мы учитываем при анализе коммуникативной компетенции.

В научных трудах представлено множество определений коммуникативной компетенции. Это понятие некоторые ученые традиционно характеризуют как способность средствами изучаемого языка осуществлять речевую деятельность в соответствии с целями, задачами, ситуацией общения в рамках определённой сферы деятельности. В основе коммуникативной компетенции лежит комплекс умений, которые позволяют коммуниканту участвовать в речевом общении (в его продуктивных и рецептивных видах) [3]. Принято считать, что коммуникативная компетенция не является единой и неделимой категорией. Наоборот, она многокомпонентна, как и ее составляющие, и, таким образом, имеет древовидную структуру. Интегративный состав коммуникативной компетенции рассматривается учеными по-разному.

В книге «Коммуникативная компетенция: теория и практика обучения» С. Савиньон описывает четыре компонента, составляющих содержание коммуникативной компетенции: 1) грамматическая компетенция, то есть способность узнавать лексические, морфологические, синтаксические и фонологические особенности языка и манипулировать ими на уровне слов и предложений; 2) социолингвистическая компетенция, или социальные правила использования языка: понимание ролей участников общения, информации, которой они обмениваются, и функций их взаимодействия; 3) компетенция высказывания, которая связана со способностью воспринимать или продуцировать не отдельное предложение, а сверхфразовое единство; 4) компетенция речевой стратегии, используемая для компенсации несовершенного знания правил, несовершенного владения чем-либо, когда индивид хочет дать знать собеседнику, что намерен про-

должить общение, но должен собраться с мыслями, не понял какого-либо слова и т. д. [4]

В. Б. Кашкин рассматривает коммуникативную компетенцию как структуру, имеющую следующий компонентный состав: 1) психофизиологические особенности личности (устройство артикуляционного аппарата, психический тип личности и т. д.), которые в значительной мере определяют речемыслительную и собственно коммуникативную деятельность человека, ее эффективность или неэффективность; 2) социальные характеристики и статус личности (имеются в виду самые разнообразные социальные особенности личности: пол, возраст, профессия, социальная роль участника коммуникации и т. д.); 3) культурный фонд личности, то есть присвоенные знания и ценности (данный компонент имеет большое значение в достижении коммуникативной цели как залога эффективности процесса общения); 4) языковая компетенция личности, которая в свою очередь является совокупностью языковых умений индивида, способствующих правильному выбору средств языка в процессе общения, это потенциал лингвистических (языковедческих) знаний человека, позволяющих строить и анализировать предложения, пользоваться системой языка для целей коммуникации; 5) коммуникативные знания, умения и навыки участников коммуникации, среди которых можно выделить: а) умение эффективно формировать коммуникативную стратегию; б) правильно пользоваться тактическими приемами коммуникации; в) умение представлять себя как участника процесса общения, владеть коммуникативными нормами, устанавливать и поддерживать коммуникативный контакт [5].

М. Н. Вятютнев предлагает анализировать коммуникативную компетенцию как совокупность двух элементов: 1) компоненты ситуации общения, то есть умения, связанные с учетом роли коммуникантов, обстоятельств общения, темы коммуникации, а также лексические, грамматические и фонетические навыки, необходимые для успешной коммуникации; 2) знания и умения, необходимые для порождения и понимания программ речевого поведения [6].

Е. Ю. Гениева определяет данное понятие как структуру, состоящую из «психологических качеств и установок человека (способность ориентироваться в ситуации, прогнозировать ее развитие, способность “видеть” и “адекватно оценивать” себя и партнера; навыки “эмоциональной настройки”); способности преодолеть психологические барьеры и т. п.), способности использовать специальные системы символов, дискуссивные стратегии и принципы коммуникативного воздействия» [7].

Несмотря на некоторые различия в использовании понятий (компетентность – это всегда актуальное проявление компетенции), анализ научной литературы позволяет сделать вывод о том, что коммуникативная компетенция в современных научных концепциях рассматривается как социальный феномен, включающий в себя «знания, умения, навыки, опыт, способность и готовность к коммуникации» [8].

Современная коммуникация представляет собой сложный многоплановый процесс установления и развития контактов между людьми, порождаемый потребностью совместной деятельности и включающий в себя обмен информацией, выработку единой стратегии взаимодействия, восприятие и понимание другого человека [9]. Несомненно, ее эффективность зависит от того, насколько правильно участниками процесса общения будет сделан выбор средств коммуникации, насколько точно будут определены тактики и стратегии общения.

Однако, анализируя различные аспекты коммуникации, следует отметить, что процесс обмена информацией в современном мировом пространстве кардинально изменился. В рамках информационного общества происходит увеличение роли информационных технологий, возрастает число людей, занятых информационными коммуникациями и производством информационных продуктов и услуг. Современный этап развития общества характеризуется нарастанием информатизации с использованием телефоники, радио, телевидения, сети Интернет, а также традиционных и электронных СМИ; созданием глобального информационного пространства, обеспечивающего: а) эффективное информационное взаимодействие людей; б) их доступ к мировым информационным ресурсам [10].

Все это наделяет современный процесс коммуникации особой спецификой, объяснить которую можно прежде всего наличием большого количества каналов передачи информации. Фактор канала коммуникации предполагает определенное кодирование информации. В этом случае выбор средств общения, то есть выбор коммуникативных кодов, которые будут наиболее эффективны в данном коммуникативном акте, зависит от того, какой канал используется при передаче информации. Обычно информация кодируется в виде текста, где текст характеризуется как совокупность любых упорядоченных знаков (а не только буквенных или звуковых), объединенных с целью передачи того или иного знания или смысла. Сегодня особенности движения информационных потоков в коммуникативном пространстве требуют от индивида, вступающего в процесс общения, развития умений, связанных с использованием: а) символов и текстов в ин-

рактивном режиме; б) знаний и информации в интерактивном режиме; в) технологий передачи знаний и информации в интерактивном режиме [11]. Только достаточный уровень развития данных умений и навыков поможет обеспечить человеку активный диалог с миром.

Анализ вышеизложенных определений коммуникативной компетенции показывает, что компонент процесса общения, характеризующийся развитием умений и навыков в сфере информатики и информационно-коммуникационных технологий, в них не учтен.

С целью определения данного компонента был введен термин «информационная компетенция», имеющий в различных источниках разные трактовки. В некоторых трудах «информационная компетенция» характеризуется как умение при помощи реальных объектов (телевизор, компьютер, принтер, модем) и информационных технологий (аудио- и видеозапись, электронная почта, СМИ, Интернет) самостоятельно искать, анализировать и отбирать необходимую информацию.

В рамках ФГОС этому термину дается следующее определение: «способность и умение самостоятельно искать, анализировать, отбирать, перерабатывать и передавать необходимую информацию при помощи устных и письменных коммуникативных информационных технологий» [12]. Здесь необходимо выделить слово «коммуникативных», то есть имеющих отношение к процессу коммуникации. Из определения следует, что информационная компетенция, так же как и коммуникативная, направлена не только на поиск, анализ, сбор и т. д. необходимой информации, но и передачу информации с помощью различных средств или каналов. А это предполагает способность использовать язык, символы и текст в интерактивном режиме, которая характеризуется определенным уровнем развития языковых навыков.

А. В. Хуторской выделяет информационную компетентность, особо подчеркивая разницу между компетенцией и компетентностью и характеризуя последнюю как «владение, обладание субъектом соответствующей компетенцией, включающее его личностное отношение к ней и предмету деятельности» [13]. Информационная компетентность в свою очередь определяется им через призму задач ее развития, которые включают: 1) обогащение знаниями и умениями из области информатики и информационно-коммуникационных технологий; 2) развитие коммуникативных, интеллектуальных способностей; 3) осуществление интерактивного диалога в едином информационном пространстве» [14]. Речь идет о компетентности, поэтому в определении учитываются не только знаниевые, но и личностные характе-

ристики индивида, однако последний пункт вновь указывает на умения (а в результате и компетенцию), связанные с необходимостью вести диалог, то есть вступать в процесс коммуникации, но в интерактивном режиме.

На наш взгляд, этих характеристик достаточно, чтобы в ходе сравнительного анализа с учетом особенностей современного коммуникативного процесса выявить некоторое противоречие: в определениях коммуникативной компетенции отсутствует указание на умения, связанные с составлением процесса коммуникации в интерактивном режиме, а в определениях информационной компетенции недостаточно учтены языковые навыки личности. Также можно говорить о некоторых совпадениях в текстах определений коммуникативной и информационной компетенций. Этот факт можно объяснить тем, что в современных научных исследованиях отсутствует четкое разграничение между названными понятиями, хотя они и не употребляются как синонимичные языковые единицы.

Необходимо также отметить, что в ряде исследований выделяется коммуникативно-информационная компетенция, которая также носит интегративный характер и предусматривает «сформированность умений активного информационного взаимодействия в условиях современной информационной среды, что подразумевает умения эффективного поиска, сбора, анализа, переработки и трансляции информации при осуществлении коммуникативных актов» [15].

Данная компетенция включает следующие специфические элементы: 1) знания и концептуальные понятия, позволяющие свободно ориентироваться в профессиональном информационном пространстве с применением средств, приемов и методов самоорганизации, саморазвития и профессионального самовыражения; 2) умения эффективного поиска, сбора, аналитико-синтетической переработки профессиональной информации, а также умения целенаправленного продуцирования обработанной информации при осуществлении коммуникативных актов в профессиональной сфере; 3) ценности личности, не противоречащие принятым в обществе и позволяющие свободно ориентироваться в современном информационном пространстве; 4) способности к целенаправленной информационной деятельности и продуктивной коммуникации на межкультурном уровне, способности к профессиональному прогнозированию и рефлексии; 5) инициативу, которая выражается в креативном применении усвоенных умений, знаний, навыков, активную гражданскую позицию специалиста, направленную на развитие и укрепление общества и государства [16].

Такой подход представляется более оправданным по отношению к современной модели специалиста в той или иной области деятельности, однако в нем также недостаточно определена лингвистическая составляющая, которая предполагает выбор вербальных средств коммуникации с целью передачи информации на определенном коммуникативном уровне, например, выбор лексических, грамматических, стилистических и других единиц в процессе общения.

Устранение обозначенного противоречия, на наш взгляд, связано с необходимостью уточнения компонентного состава коммуникативной компетенции. Думается, что информационная компетенция как способность ориентироваться в современном информационном пространстве, осуществлять эффективный поиск, сбор, анализ информации, а также целенаправленно продуцировать обработанную информацию в условиях коммуникативных актов может быть включена в структуру коммуникативной компетенции, что было бы оправдано с учетом глубокой логической взаимосвязи данных понятий, а также характерных особенностей современного коммуникативного пространства. Это, в свою очередь, поможет более точно определить содержание образовательных программ в рамках подготовки специалистов той или иной профессиональной деятельности.

Особенную актуальность подобный подход приобретает в сфере подготовки специалиста книжного дела. Коммуникативная компетенция в рамках нормативной модели такого специалиста является одновременно и ключевой, и базовой, и специальной. В данной сфере деятельности она проявляется не только как владение способами взаимодействия с людьми, но и как умение правильно составить, переработать, передать и сохранить информацию, содержащуюся в книге, информацию о книге и других печатных либо электронных документах; грамотно оценить чужую речь; работать с авторским оригиналом, учитывая смысловую основу текста, авторскую позицию, особенности стиля и т. д.

Иными словами, рассматривая информационную компетенцию в качестве многоструктурного компонента коммуникативной компетенции по отношению к специалисту книжного дела, мы можем наиболее точно определить эффективные методы и приемы развития навыков и умений, связанных с их главными характеристиками, и наиболее полно учесть компетентностный подход к становлению специалиста этого профиля, который является приоритетным в современной парадигме высшего образования.

Примечания

1. Андреева Г. М. Социальная психология. М., 1999. С. 99.
2. Хомский Н. Язык и мышление. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. 122 с.
3. Балыхина Т. М., Игнатьева О. П. Словарь терминов и понятий лингводидактической теории ошибки. М.: Изд-во РУДН, 2006. С. 41.
4. Савиньон С. Коммуникативная компетенция: теория и практика обучения. М.: Прогресс, 1983. 234 с.
5. Кашкин В. Б. Введение в теорию коммуникации: учеб. пособие. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. 175 с.
6. Вяттотнев М. Н. Понятие о языковой компетенции в лингвистике и методике преподавания иностранных языков // Иностранные языки в школе. 1975. № 6. С. 55–64.
7. Генцеева Е. Ю. Библиотека как центр межкультурной коммуникации. М.: Рос. полит. энцикл., 2005. С. 33.
8. Езова С. А. Коммуникативная компетенция библиотечного специалиста // Научные и технические библиотеки. 2008. № 4. С. 103.
9. Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Основы теоретической психологии: учеб. пособие для вузов. М.: Академия, 1998. 512 с.
10. Темербекова А. А. Информационное общество и информационная компетентность личности. URL: <http://info-alt.ru/2011-09-05-07-37-45>
11. Паршукова А. А. Информационная компетентность личности. Диагностика и формирование. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2006. 253 с.
12. Федеральный государственный образовательный стандарт – Глоссарий. URL: <http://standart.edu.ru/catalog.aspx?CatalogId=791>
13. Тришина С. В., Хуторской А. В. Информационная компетентность специалиста в системе дополнительного профессионального образования. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2004/0622-09/htm>
14. Там же.
15. Круглякова Г. В. Содержание и технология формирования профессиональной информационно-коммуникативной компетенции студентов-филологов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тольятти, 2007. С. 3.
16. Там же.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О РЕАЛИЗАЦИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА «ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ДИНАСТИИ ВЯТСКОГО КРАЯ»*

В 2011–2012 гг. в ВятГГУ при поддержке Российского гуманитарного научного фонда реализован научно-исследовательский проект «Педагогические династии Вятского края».

В качестве основных концептуальных положений проекта приняты следующие:

– направленность исследования на повышение статуса учителя и престижа его труда в современном обществе;

– принятие основной цели работы – выявления причин появления педагогических династий, закономерностей их существования, особенностей социального и личностного поведения членов сообщества педагогической династии, тенденций их развития;

– рассмотрение в качестве основных направлений деятельности а) ознакомления с представителями династий учителей и педагогов, деятельность которых связана с Вятским краем, нашим университетом; б) изучения и выявления уникальности каждой семьи и её педагогического опыта, который приобретался в течение нескольких поколений; в) формирования у студентов университета интереса к выбранной профессии учителя, а также воспитания чувства гордости и морального удовлетворения от правильного выбора, помощь им в осознании возможностей для самореализации в педагогической сфере.

Проект реализован:

• в образовательной и научно-исследовательской деятельности обучающихся и работников просвещения (это связано с получением новых знаний об истории педагогического образования, становлении отдельно взятых семейных трудовых династий и подготовкой работ поискового характера, направленных на изучение богатого педагогического наследия учительских династий);

• воспитательной деятельности;

• эмоциональной сфере участников проекта (сбор материалов по династиям пробуждает луч-

шие воспоминания детства и юности, о своих коллегах, наставниках, а также укрепляет родственные связи);

• сфере рекламы и связей с общественностью (включение материалов проекта и итогов его реализации в доступные информационно-имиджевые, рекламные носители).

В течение 2011–2012 гг. реализованы три этапа проекта.

Предварительные исследования проблемы позволили констатировать:

1. Информация о педагогических династиях Вятского края, особенностях социального и педагогического поведения их членов имеется в различных источниках, однако она не систематизирована в определенную целостность, которая позволяла бы выявлять и отслеживать общие тенденции в развитии династий, увидеть закономерности поведения представителей династии, выделить их сходные характеристики.

2. Отсутствует явно выраженная связь между имеющимся объемом информации о династиях и целенаправленным использованием накопленных сведений в системе профориентации подрастающего поколения на профессию учителя, а также в системе подготовки преподавательских кадров региона.

Мы предположили, что на основе обобщающего анализа материалов по методологии педагогики, музееведения, персонологии возможны структурирование имеющихся знаний и сведений в систему, разработка методики описания педагогических династий, представления их информационных паспортов, методики интервьюирования членов педдинастии. При опоре на идеи д-ра пед. наук, профессора ВятГГУ Василия Федоровича Сахарова все эти задачи были успешно решены в рамках проекта.

На этапах теоретического и экспериментального исследований:

1. Изучены материалы архивов Департамента образования Кировской области, Института развития образования Кировской области, ВятГГУ, налажены исследовательские связи с представителями образовательных округов.

2. Организовано 9 выездных поисковых экспедиций в населенные пункты Вятского края для сбора эмпирического материала о педагогических династиях.

* Тема разрабатывается при финансовой поддержке Российским гуманитарным научным фондом научно-исследовательского проекта № 11-06-00329а «Педагогические династии Вятского края»

3. Установлено тесное взаимодействие с краеведческими музеями области – районными (5), Кировским областным музеем истории народного образования, Музеем истории Вятского государственного гуманитарного университета, школьными музеями области.

4. Организовано выполнение исследовательских проектов в областной краеведческой школе и других общественно-педагогических организациях по проблеме педагогических династий.

5. Проведены научно-общественные чтения-презентации «Педагогические династии Вятского края» по 8 образовательным округам, две встречи с представителями педагогических династий Вятского государственного гуманитарного университета на базе Музея народного образования Кировской области (2011 г.).

В результате каждый образовательный округ представил порядка восьми-десяти педагогических династий (всего выявлено 412 педагогических династий), в электронных презентационных сборниках описана 91 династия образовательных округов. В Вятском государственном гуманитарном университете выявлено 64 профессиональных педагогических династии, распределенных по шести номинациям: династии ректоров вуза; «Естественные и точные науки»; «Общественные науки»; «За здоровый образ жизни»; «Педагогический калейдоскоп» (представители династии работают в различных научных и образовательных областях); молодые династии университета. В презентационном сборнике представлены 34 династии ВятГГУ.

На итоговом этапе исследования осуществлялись следующие мероприятия: создание информационного банка данных о педагогических династиях Вятского края, подготовка монографии «Педагогические династии Вятского края: подходы к изучению, модели, тенденции развития», публикация сборников-справочников о династиях – участниках проекта [1–3].

Главным результатом последнего этапа стала обработка и анализ полученных фактических данных по жизнедеятельности и профессиональному пути педагогических династий Вятского края, распространение опубликованных материалов для широкого ознакомления с ними общественности, обучающейся молодежи, всех заинтересованных в деле развития образования структур.

Результаты исследования имеют как фундаментальное, так и прикладное значение для образовательных систем.

1. *Фундаментальные*: исследованы и выявлены экономические, социальные и педагогические условия и особенности формирования педагогических династий в Вятском крае и получены новые *фундаментальные* знания в виде тенденций и закономерностей, характерных для процессов

возникновения и развития педагогических династий Вятского края. Разработаны классификации моделей педагогических династий по различным основаниям.

2. *Прикладные*: систематизирована информация о педагогических династиях Вятского края, что способствует значительному обогащению истории Вятского края и пополнению материала краеведческих музеев. Разработаны методические рекомендации для решения проблем профориентации и кадровых проблем в системе регионального образования (подбор, подготовка, трудоустройство, стимулирование труда учителя).

Преимущества в области получения новых знаний заключаются в том, что впервые на основе знаний педагогики, музееведения, персонологии и социологии исследованы и выявлены экономические, социальные и педагогические условия и особенности формирования педагогических династий в Вятском крае и получены новые *фундаментальные* знания в виде тенденций и закономерностей, характерных для процессов возникновения и развития педагогических семей Вятского края. Разработаны классификации моделей педагогических династий по различным основаниям.

Создана целостная система информации о педагогических династиях Вятского края, которая позволила сформулировать теоретические обобщения по истории развития регионального и российского образования.

Прогнозные предположения о развитии объекта исследования: Первое направление. История обращения к профессиональному празднику свидетельствует о необходимости проведения сравнительных исследований в ряде стран. Необходимость вызвана все более усиливающейся тенденцией к оформлению международного профессионального сообщества. Международный день учителя – профессиональный праздник работников сферы образования. Праздник был учрежден ЮНЕСКО в 1994 г. Ежегодно 5 октября более чем в 100 странах отмечается Всемирный день учителя (World Teachers' Day). Это профессиональный праздник всех учителей, преподавателей и работников образования – день, в который отмечаются роль и заслуги учителей в процессе качественного образования на всех уровнях, а также их неоценимый вклад в развитие общества. Исторической предпосылкой для учреждения Дня учителя стала состоявшаяся 5 октября 1966 г. в Париже Специальная межправительственная конференция о статусе учителей (Special Intergovernmental Conference on the Status of Teachers). В результате представителями ЮНЕСКО и Международной организации труда был подписан документ «Рекомендации, касающиеся статуса учителей» (Recommendation concerning the Status of Teachers).

Второе направление – определение сущности современного состояния общества и функции учительских и педагогических династий. За постсоветским этапом развития общества начинается этап обретения «благополучия», который также несет в себе преодоления. Наиболее серьезными из них являются ценностные устремления, которые в интересах общества формируют первичные социальные агенты: семья и школа. Педагогическая династия совмещает их функции, поэтому наиболее эффективна ее личностно-ориентированная социокультурная деятельность. Сохранение и развитие педагогических династий является одним из важнейших средств достижения результата – формирования идеала человека, адекватного образу общества будущего, зафиксированного в программах стратегического развития России.

Важен ответ на вопрос: «В какой мере профессиональная педагогическая династия способна взять на себя решение проблем современного социума в условиях государственной образовательной политики?»

Третье направление – исследование социальной эффективности профессиональных педагогических династий, сформированных из представителей семей священнослужителей. Для какого социального страта эффективна их деятельность? Наше исследование показало социальную и профессиональную эффективность династии на уровне прежнего «земского влияния». В городах ресурсы династий распространялись на работу в вузах, техникумах, административно-образовательную деятельность, поэтому в обществе сформирован не образ династии в целом, а лишь представительство в лице индивидуального творчества и профессионализма.

Четвертое направление – изучение состава преподавателей педагогических колледжей и техникумов, которые не вошли в объект и предмет нашего исследования. Предварительные данные показывают, что за советский период в каждом из педагогических коллективов можно проследить до 15–17 династий.

Пятое направление связано с трудностью сбора информации о повседневной жизни педагогов в досоветский период. Созданный уровень статистической обработки информации в досоветский период не позволяет сформировать объективную картину положения учителя и семейных династий. Имеющиеся исторические или историко-педагогические исследования дают различную оценку труда учителей и династий.

Шестое направление – исследование по соответствию значимости групп династий в школе, социуме и результативности в виде качествен-

ных достижений учащихся. В настоящее время появилось два полярных мнения по поводу подготовки талантливой и одаренной молодежи: создать особые учебные заведения инновационного типа или сформировать условия в массовой школе для выявления всех потенциальных способностей детей и студентов.

Седьмое направление – своевременность сбора меморатов носителей опыта «советской школы» в различных регионах страны. Необходимо масштабное кагортное исследование для изучения феномена педагогической династии на фоне деятельности иного типа учителя.

Восьмое направление – создание информационного банка данных о педагогических династиях всех субъектов Российской Федерации. Поводом для начала обобщения материала послужил Год учителя. Тем не менее информационные ресурсы страны позволяют представить базу эмпирических данных, которые станут основой аналитического исследования.

Девятое направление – необходимо исследование города как пространства и специфики его факторов социализации и инкультурации (места развития интеллектуальных, ментальных, духовных способностей) в информационном обществе. Особым местом генерации ценностей человека и его потенциала всегда являлась система внешкольного или, позднее, дополнительного образования. В досоветский период библиотека являлась главным средством и условием внешкольного образования. В советский период создана особая система раскрытия внутренних ресурсов индивида и формирования инаковости личности вне массовой школы. Необходимо выявить наличие или отсутствие устойчивых связей образования и просвещения между исторически сложившимися формами культурно-образовательного потенциала города и школы, влияющих на одного и того же субъекта и объекта.

Десятое направление – исследование истории развития ВятГГУ как центра подготовки педагогических кадров региона и центра гуманитарного образования в связи с подготовкой к 100-летию его создания.

Логическим моментом завершения проекта явился слет представителей педагогических династий, проведенный на базе ВятГГУ 30 ноября 2012 г., на котором всем участникам проекта – педагогическим семьям была вручена памятная символика (значки, именные династийные грамоты, электронные книги с описанием династий). Участники слета приняли обращение, текст которого приводится ниже.

О Б Р А Щ Е Н И Е
участников Слета педагогических династий
к органам государственной власти
и общественности, молодому поколению
студентов-педагогов, членам сообщества
педагогических династий

Образование в информационном обществе приобретает особую ценность, становится показателем уровня благосостояния того или иного государства, его социальным капиталом, фактором экономической стабильности и процветания. На современном этапе развития общества, когда нарастает интеллектуализация и дематериализация труда, разрушается замкнутость профессиональных каст и сообществ, формируются «плавающие» границы профессий, профессия педагога проявляет удивительную устойчивость. Профессия Учителя была, есть и будет существовать. Она по-прежнему остается одной из тех, которая требует полной отдачи душевных сил, бескорыстного выполнения своих профессиональных обязанностей, высокой степени творчества и гибкости в профессиональных решениях. И только такой учитель нужен современному обществу, и только в этом случае он сможет соответствовать социальному заказу.

Значительную роль в обеспечении качественного образования в нашем регионе и в целом по России играют педагогические династии, которые всегда выступали как основа и гарантия сохранения лучших традиций отечественного и регионального образования, как пример гражданственности и высокого патриотизма, как источник разумных инновационных идей в обучении и воспитании подрастающего поколения, как уникальные образцы образовательной деятельности. Особенно со времен перестройки семья оказалась единственным воплощением устойчивости и солидарности в стремительно рассыпающемся социуме, примером духовной фундаментальности.

Президент России В. В. Путин отметил значение труда учителя таким обращением к учительству страны в 2012 году: «Отличительной чертой российского учительства всегда было новаторство, но вместе с тем верность нашим традициям. Такая тесная связка преемственности и развития очень важна для национальной системы образования, для сохранения лучших качеств отечественного просвещения».

Наша задача в том, чтобы укрепить престиж учительской профессии. Это колоссальная ответственность – учить детей, воспитывать детей, отдавать себя школе, где, по сути, закладывается фундамент будущей судьбы каждого человека, формируется личность, её цели, поведение, образ мыслей».

Слет представителей трудовых педагогических династий Вятского края проводится впервые с целью презентации научно-педагогическому и студенческому сообществу достижений в профессиональной деятельности педагогов – представителей педагогических семей Вятского края и направлен на повышение

статуса учителя и престижа его труда в современном обществе.

Представители педагогических династий Вятского края – участники слета – выступают с обращением к органам государственной власти и общественности, молодому поколению студентов-педагогов, членам сообщества педагогических династий.

**Обращение к органам государственной власти
и общественности**

Образование является одним из четырех базовых системных социальных процессов, наряду с управлением, познанием и производством. А это означает, что любое общество при любых обстоятельствах обязано поддерживать этот процесс.

Мы, представители педагогических династий Вятского края, со всей ответственностью заявляем, что современный Учитель и педагог любого уровня всегда стремится к обеспечению качественного образования, воспитания и социализации молодого поколения даже в условиях высокой степени неопределенности, которая характерна для современного периода развития образовательной сферы. А потому он заслуживает достойного отношения со стороны всех членов и структур общества.

Мы предлагаем продолжать практику предоставления социальных выплат 100 молодым специалистам, окончившим государственные образовательные учреждения среднего и высшего профессионального образования и принятым на работу в дошкольные и общеобразовательные учреждения Кировской области.

В целях преодоления кадрового кризиса необходимо и дальше осуществлять целенаправленную деятельность по развитию кадрового потенциала области, расширяя и совершенствуя ее направления, в т. ч. в созданных для апробации новейших достижений в сфере образования 8 областных стажировочных площадках (по 1 площадке в каждом из образовательных округов) шире привлекать представителей педагогических династий и использовать их опыт для организации качественного процесса образования с учетом конкретных образовательных условий.

**Обращение к молодому поколению
студентов-педагогов**

Мы, представители педагогических династий Вятского края, передаем продолжателям нашего великого дела простые истины воспитания и наказания:

По отношению к детям

– Дети, даже самые маленькие, – это не цыплята и не цветы на клумбе – это личности! (династия Медведевых, Восточный округ).

– У каждого ребенка свое неповторимое «я», педагог должен это всегда помнить, ведь самое главное – «Не навреди!» (династия Медведевых, Восточный округ).

– «Ученик – не сосуд, который нужно наполнить, но факел, который нужно зажечь» (*династия Медведевых, Восточный округ*).

– Будьте уверены в том, что все люди талантливы (*династия Медведевых, Восточный округ*).

– Нужно быть благодарными людям за их добро (*династия Каниных – Решетниковых, ВятГГУ*).

– Учить оставаться при любых обстоятельствах человеком (*династия Гребенкиных – Шуткиных, Северный округ*).

– Все хорошее в людях – от труда (*династия Чераневых, Кировский округ*).

– Творчество во всем! (*династия Бересневых – Похилло – Злобиных – Мальцевых*).

По отношению к делу

– Не стыдно не знать – стыдно не хотеть знать (*династия Медведевых, Восточный округ*).

– У человека нет предела совершенству.

– Зачем нам деньги? Мы сами – золото! (*династия Медведевых, Восточный округ*).

– Учитель – человек, которого никогда не покидает вдохновение (*династия Медведевых, Восточный округ*).

– Принцип деятельности: педагог обучает, работа вместе с обучаемыми (*династия Курочкиных, Юго-Восточный округ*).

– Формула жизни: двигаться вперед, не останавливаться на достигнутом (*династия Патрушевых, ВятГГУ*).

– Закон: «Воспитание ребенка прямо пропорционально времени, затраченного на него» (*династия Першинных, Восточный округ*).

– Лучшей мерой содержательности жизни человека являются не годы, а его дела (*династия Нероновых – Напольских, Кировский округ*).

– Плохой учитель преподносит истину, хороший учит её находить (А. Дистервег, *династия Соловьевых, ВятГГУ*).

– Чтобы быть хорошим преподавателем, нужно любить то, что преподаешь, и любить тех, кому преподаешь (В. О. Ключевский, *династия Соловьевых, ВятГГУ*).

По отношению к обществу и государству

– Уважать свою страну и свою историю (*династия Мефиновых – Сычуговой, Центральный округ*).

– «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно...» (А. С. Пушкин, *династия Поярко-вых – Крениных – Тушенцовых, Юго-Западный округ*).

– Как бы ни складывались события в стране, как бы ни переплетались события и судьбы, две вещи не теряют своей значимости – семья и дети (*династия Нероновых – Напольских, Кировский округ*).

– Реализовать себя там, где ты родился и живешь (*династия Ларионовых – Сурушкиных – Рябовых, Юго-Восточный округ*).

По пониманию миссии учителя в обществе

– Чем больше стаж работы, тем больше сомнений, вопросов, критического отношения в первую очередь к себе. Вся жизнь учителя – постоянный поиск, постоянное стремление к совершенствованию.

– Служить родной земле (*династия Самоделкиных, Северный округ*).

– Удивляться миру и учить других открывать мир, видеть его красоту (*династия Карпиковых, Юго-Западный округ*). Красота спасет мир! (*династия Зашихиных, Центральный округ*).

– Вести за собой других, отвечать за всех и за всё! (*династия Комаровых, Юго-Западный округ*).

– Главная цель педагога – сформировать личность, способную на сострадание и милосердие, личность, богатую духовно (*династия Гиревых – Полежаевых, Кировский округ*).

– Учитель – зажженная свеча, что дарует свет, горя зеленым огнем, и зажигает другие свечи, не теряя собственного пламени, чтобы они тоже могли разлить свет повсюду (*династия Перескоковых – Зубаревых – Брюхачевых, Юго-Восточный округ*).

– Верность школе и традициям (*династия Усковых, Северо-Западный округ*).

– Вперед и выше! (*династия Макаровых, Центральный округ*).

Обращение к членам сообщества педагогических династий

Мы, участники Слета педагогических династий, призываем членов этого великого сообщества гордиться принадлежностью к нему и способствовать всеми возможными разумными способами поддержанию идей гуманизма, креативности, эмпатии при выполнении профессионального долга.

Мы предлагаем:

– продолжить начатое дело и проводить слеты представителей династий с целью вовлечения в обсуждение проблем образования всех заинтересованных людей;

– при Фонде выпускников ВятГГУ сформировать сообщество представителей педагогических династий – членов Ассоциации творческих учителей Вятки;

– девизом сообщества представителей династий выбрать слова А. Лиханова: «Горжусь тем, что я вятский. Родом из глубины России...!»

Окончание официальных сроков проекта не повод говорить об окончании накопления информации о педагогических семьях Вятского края, а лишь начало большой и, на наш взгляд, очень нужной исследовательской деятельности в направлении развития не только истории регионального образования, но и понимания эволюции образовательной сферы в целом всей нашей великой России.

Примечания

1. Педагогические династии Вятского края: сб. материалов проекта (дайджест) / О. В. Коршунова, М. Ф. Соловьева. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2012. 1-й вып. 189 с.

2. Педагогические династии Вятского края: династии ВятГГУ: сб. материалов проекта / О. В. Коршунова, С. В. Огородникова, М. Ф. Соловьева; под ред. О. В. Коршуновой. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2012. 2-й вып. (CD-ROM).

3. Педагогические династии Вятского края: династии образовательных округов: сб. материалов проекта / О. В. Коршунова, С. В. Огородникова, М. Ф. Соловьева; под ред. О. В. Коршуновой. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2012. 3-й вып. 6451 с.

*О. В. Коршунова,
доктор педагогических наук,
руководитель проекта
«Педагогические династии Вятского края»*

РЕЦЕНЗИИ

УДАЧНАЯ РЕФЛЕКСИЯ «ТВОРЧЕСКИХ НЕУДАЧ»

Феномен творческой неудачи / под общей редакцией [и с предисл.] А. В. Подчинова и Т. А. Снегиревой. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. – 424 с.

Монография «Феномен творческой неудачи» является коллективным трудом российских и зарубежных филологов и философов, объединившихся в обсуждении уникальной проблемы, связанной с осмыслением различных аспектов «неуспешности» и «неудачи» в литературном творчестве. Неудача и неуспех, казалось бы, заведомо неперспективные явления в любой деятельности, но в ходе обсуждения проблемы обнаружились парадоксальные факты. Настоящее творчество неудачным быть не может, и это доказывают авторы монографии.

Книга состоит из четырех разделов. Первый раздел «Художественная неудача: причины и следствия» затрагивает вопрос исследования причин непризнания (или слишком кратковременного признания, за которым последовал период забвения) читателями отдельных произведений известных писателей, таких, например, как поэтические книги В. И. Нарбута, романы А. Белого «Москва», Ч. Айтматова «Плаха», В. П. Астафьева «Печальный детектив», Л. Петрушевской «Номер Один, или В садах других возможностей», В. Маканина «Испуг», В. Аксенова «Вольтерьянцы и вольтерьянки». Среди причин, предопределивших неудачную судьбу этих произведений, называются избыточная философичность и идеологичность, публицистичность, идущая вразрез с художественностью, попытка писателя овладеть не свойственным ему языком, неподготовленность читателя к восприятию тех или иных текстов. В то же время подобные «неудачи» убеждают в стремлении писателей найти новые способы коммуникации с читателем, вписаться в потребности быстро меняющейся жизни, и закономерно, что такие опыты не всегда могут оказаться успешными, но все они – свидетельство творческого самоопределения и неустанного художественного поиска.

Второй раздел «Творческая неудача: рецептивный и коммуникативный аспекты» посвящен исследованию явления «неудачи» писателя/читателя в синхроническом и диахроническом аспек-

тах. Здесь рассматривается восприятие творчества Г. Р. Державина, А. П. Чехова, Г. Газданова, Ю. К. Олеси как самими авторами и их современниками, так и последующими поколениями читателей, а также другими национальными культурами. Выявляется специфика термина «коммуникативная неудача», связанного с явлением неадекватного понимания высказывания и текста. Коммуникативная неудача во многом объясняется различием поколенческой культурной памяти читателей. Это касается, например, неактуальности для современного молодого поколения советских идеологических образов, в результате чего неверно трактуется смысл текстов, подобных романам В. Пелевина «Омон-Ра» и С. Юрьенена «Дочь генерального секретаря». Для преодоления конфликта между поколениями писателей и читателей предпринимается серьезная филологическая работа по комментированию художественных произведений предшествующих эпох.

В этом же разделе рассматриваются и такие феномены, как «дефектный текст» и «языковой абсурд». Согласно языковой норме тексты, лишенные целостности, завершенности, связности, логичности, заведомо неудачны. Однако в художественном плане все эти «нормы» недействительны, что доказывается практикой поэтов и писателей авангардистских направлений.

Еще один аспект, связанный с осмыслением феномена творческой неудачи, выявляется в связи с обращением к специфике художественного перевода. И в этом случае вопрос об удачности или неудачности перевода не имеет однозначной трактовки. Даже первоклассно выполненные переводы не являются гарантией того, что популярное в родной стране художественное произведение окажется воспринятым в новом национальном пространстве, и наоборот, переводы, в которых обнаруживаются явные отступления от оригинала, становятся близки и понятны читателю «чужой» автору культуры. Попытка научно осмыслить причины такого явления неоднократно предпринималась в филологической науке, и в рецензируемой монографии мы находим обобщение многолетнего исследовательского опыта, а также анализ новых переводов русской классики.

В третьем разделе «Литературная рефлексия творческой неудачи» представлены такие параграфы, как «Читательская неудача как предмет

изображения в литературе», «Мотивы творца и творческой неудачи у А. С. Пушкина и В. В. Набокова», «Переживание творческой неудачи и неудачники от творчества в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита»» и др. Здесь анализируется художественная рефлексия проблемы восприятия в обществе литературного произведения, писательской реакции на это восприятие, феномен читательского «погружения» в литературный мир.

В четвертом разделе «Креативный потенциал «неуспешного» текста» объектом исследования становятся самые разные аспекты выделенной проблемы. В новом ракурсе рассматриваются уже затронутые в предыдущих параграфах вопросы: о «плохописи» в литературе (перекликается с параграфом «Феномен дефектного текста»), о литературных дебютах (связан с параграфом «Молодость автора как параметр творческой неудачи»), об экспериментах в литературе (в какой-то степени здесь развиваются проблемы, поднятые в параграфе «Языковой абсурд. Коммуникативная неудача или бесконечное множество смыслов»). В целом вновь утверждается мысль о том, что любое творчество, будь то не совсем удачный литературный дебют впоследствии доказавшего свое литературное мастерство писателя, как, например, поэма Н. В. Гоголя «Ганц Кюхельgarten» или стихотворный сборник Н. А. Некрасова «Мысли и звуки» (но уже в этих дебютных произведениях обнаруживаются зачатки лучших художественных открытий авторов), будь то продуманный эксперимент, нацеленный на перестройку традиционных эстетических принципов, чаще всего не принимаемый современниками, будь то сознательная ориентация на вкусы невзыскательного читателя (на разговорный или заведомо грамматически неправильный язык, на упрощенность восприятия, подкрепляемую визуальными средствами), – все это «вечная жажда, тревожное искание», которые невозможно обменять «на самодовольную уверенность, что истина найдена, что дальше идти некуда» (В. Брюсов). Все это – борьба, и прав Альбер Камю, утверждающий в своем знаменитом эссе: «Одной борьбы за вершины достаточно, чтобы заполнить сердце человека. Сизифа следует представлять счастливым». Эти мысли звучат в открывающем разделе параграфе «Счастье Сизифа, или О специфической черте отечественной словесности» и подтверждаются всем коллективом авторов монографии.

Таким образом, изучение феномена творческой неудачи выявило перспективные направления современных филологических исследований. Многие вопросы, поставленные авторами монографии, могут послужить отправной точкой для более широкой научной рефлексии. Интересным представляется исследование феномена «неудач-

ных» и «удачных» литературных дебютов, изучение специфики изображения в литературе неудачи писателя и читателя, выявление влияния на развитие художественного потенциала литературы «неуспешных» текстов, не признанных современниками или отвергнутых ближайшими поколениями читателей и критиков. Книга «Феномен творческой неудачи», несмотря на свое название, явилась удачным и актуальным научным изданием, полезным не только узким специалистам-литературоведам, но и философам, лингвистам, психологам и всем, интересующимся проблемами художественного творчества.

*В. А. Поздеев, доктор филологических наук,
профессор по кафедре русской и зарубежной
литературы ВятГГУ*

*А. Г. Маслова, кандидат филологических наук,
доцент по кафедре русской и зарубежной
литературы ВятГГУ*

ПСИХОЛОГИЯ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Бакшутова Е. В. Интеллигенция в России: историко-психологический подход в изучении большой социальной группы: монография. – Самара: ПГСГА, 2011. – 268 с.

Монография Е. В. Бакшутовой, посвященная проблемам истории и психологии российской интеллигенции, будет интересна и полезна для многих читателей, прежде всего тех, кому небезразлична судьба нашего отечества. Знакомство с книгой убеждает в том, что в исследовании социально-психологической сущности интеллигенции, ее социокультурного генезиса автор более всего ведома заботой о настоящем и будущем страны.

В монографии последовательно рассматриваются подходы к изучению интеллигенции как большой социальной группы. Заслуживают внимания разделы о письменной ментальности русской интеллигенции, об интеллигенции как феномене русской культуры; особый интерес вызывает раздел, посвященный исследованию социальных представлений об интеллигенции в начале XXI в.

Центральное место в монографии Е. В. Бакшутовой занимает историко-психологический анализ материалов журнала «Русская мысль» (1880–1918), на основе которого показана динамика интеллигентской ментальности, выявлены ее ключевые категории. Изучение социально-психологического дискурса русской интеллигенции конца XIX – начала XX в. позволило автору выявить его либеральное содержание: направленность на саморазвитие, понимание необходимости синхронности общественных и лич-

ностных изменений, установку на постепенное принятие изменений с учетом национальной культуры и социально-экономической среды. Важная особенность монографии состоит в том, что в ней нашли отражение дискуссионные вопросы психологии русской интеллигенции. Так, с точки зрения автора, «быть интеллигентным человеком» не означает одновременно «принадлежать к интеллигенции». Высказывая такое предположение, автор исходит из того, что интеллигенция как социальная общность осуществляет себя исключительно в семиосфере собственного дискурса.

Отмечая неоднозначность предмета исследования и конфликт антиномий дискурса интеллигенции, автор говорит о том, что в монографии

удалось лишь наметить теоретические, методологические и эмпирические возможности изучения психологии русской интеллигенции. Именно эти возможности делают монографию Е. В. Бакшутовой заметным явлением как в психологии русской интеллигенции, так и в социальной психологии в целом. В гуманитарном образовании тема интеллигенции еще долгое время будет перспективной для изучения, поскольку выбор парадигм изменения российской реальности в значительной степени соотносится с содержанием группового сознания интеллигенции.

Н. А. Низовских, доктор психологических наук, доцент по кафедре практической психологии ВятГГУ

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АРТЕМЬЕВ Николай Семенович – доктор юридических наук, профессор по кафедре уголовного права и процесса Рязанского государственного педагогического университета им. С. А. Есенина, заслуженный работник высшей школы РФ. 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46.

E-mail: dekan_law@vshu.kirov.ru

БАЖИН Константин Сергеевич – кандидат педагогических наук, доцент по кафедре практической психологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: pedfak@vshu.kirov.ru

БАКШУТОВА Екатерина Валерьевна – кандидат психологических наук, доцент по кафедре общей и прикладной психологии, докторант по кафедре социальной психологии Поволжской государственной социально-гуманитарной академии. 443099, г. Самара, ул. М. Горького, д. 65/67.

E-mail: bakshutka@gmail.com

ВЛАДЫКИНА Татьяна Григорьевна – доктор филологических наук, профессор Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук. 426004, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4.

E-mail: tgvladykina@mail.ru

ВОРОБЬЕВА Тамара Альбертовна – кандидат исторических наук, доцент по кафедре всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

ДОМРАЧЕВ Дмитрий Гарриевич – кандидат юридических наук, старший преподаватель, зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_gosprav@vshu.kirov.ru

ЕРЕМИН Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент по кафедре отечественной истории, начальник отдела научных исследований Ярославского государственного педагогического университета. 150000, Россия, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.

E-mail: m.novikov@yspu.org

ЗОРИН Артём Викторович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: arzor@list.ru

ИЛЬИН Дмитрий Владимирович – аспирант кафедры всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

КАЛАШНИКОВА Елена Михайловна – доктор философских наук, профессор по кафедре философии и общественных наук Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 614990, г. Пермь, ул. Сибирская, д. 24.

E-mail: krauze@pspu.ru

КАЛИНИН Александр Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

КАЛИНИН Сергей Иванович – доктор педагогических наук, доцент, зав. кафедрой математического анализа и методики обучения математике ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Ленина, д. 111.

E-mail: kalinin_gu@mail.ru

КАПИТОН Владимир Павлович – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии Днепропетровской государственной финансовой академии. Украина, 49083, г. Днепропетровск, ул. Аржанова, д. 12.

E-mail: kavguman@dsfa.dp.ua

КОСТИН Алексей Александрович – кандидат исторических наук, доцент по кафедре всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

ЛАВРОВ Владимир Михайлович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН. 117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19.

E-mail: iriran@mail.ru

МОЩАНСКАЯ Ольга Львовна – доктор филологических наук, профессор по кафедре всемирной литературы Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина. 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1.

E-mail: vsemirka@rambler.ru

ОКУЛОВ Станислав Михайлович – доктор педагогических наук, кандидат технических наук, профессор по кафедре прикладной математики и информатики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: okulov@vshu.kirov.ru

РОЗУВАН Алексей Михайлович – декан юридического факультета ВятГГУ, заслуженный юрист РФ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: rozuvan@vshu.kirov.ru

САУТИНА Елена Васильевна – кандидат педагогических наук, доцент по кафедре издательского дела и редактирования ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: sautinalina@yandex.ru

СЕМЕНО Андрей Валерьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры теории и истории государства и права ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: law@vshu.kirov.ru

СИМОНОВА Галина Ивановна – доктор педагогических наук, зав. кафедрой педагогики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_pedagogiki@vshu.kirov.ru

СОЛОВЬЁВА Ирина Абрамовна – кандидат исторических наук, доцент по кафедре отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

СУВОРОВ Глеб Владимирович – ассистент кафедры философии и социологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: philosophy@vshu.kirov.ru

ТРАПЕЗНИКОВ Михаил Владимирович – аспирант кафедры философии и социологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: mikail99@yandex.ru

ХОДЫРЕВА Елена Анатольевна – доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: ur@vshu.kirov.ru

ЯРОСЛАВЦЕВА Динара Камилловна – ассистент кафедры теории и истории государства и права ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: dinarayaroslavceva@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

ARTEMYEV Nikolay Semyonovich – Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal law and Proceedings in Ryazan State Pedagogical University, Honored member of High school in RF. 390000, Ryazan, 46 Svobody Str.

E-mail: dekan_law@vshu.kirov.ru

BAZHIN Konstantin Sergeevich – Candidate of Pedagogical Sciences, Associated professor of the Department of Practical psychology in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.

E-mail: pedfak@vshu.kirov.ru

BAKSHUTOVA Ekaterina Valeryevna – Candidate of Psychology, Associated professor of the Department of General and Applied Psychology, Doctoral student of the Department of Social Psychology in Samara State Academy of Social Sciences and Humanities. 443099, Samara, 65/67 M. Gorkiy Str.

E-mail: bakshutka@gmail.com

VLADYKINA Tatyana Grigoryevna – Doctor of Philology, Professor of Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Department of Russian Academy of Sciences. 426004, Izhevsk, 4 Lomonosova Str.

E-mail: tgvladykina@mail.ru

VOROBYOVA Tamara Albertovna – Candidate of History, Associated Professor of the Department of General History in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.

E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

DOMRACHEV Dmitriy Garrievich – Candidate of Juridical Sciences, Senior Teacher, Head of the Department of State and Law Disciplines in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.

E-mail: kaf_gosprav@vshu.kirov.ru

ERYOMIN Alexander Vladimirovich – Candidate of History, Associated Professor of the Department of Native History, Head of the science research office in Yaroslavl State Pedagogical University. 150000, Yaroslavl, 108 Respublikanskaya Str.

E-mail: m.novikov@yspu.org

ZORIN Artem Viktorovich – Candidate of History, Senior Teacher of the Department of General History in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.

E-mail: arzor@list.ru

ILYIN Dmitriy Vladimirovich – Postgraduate student of the Department of General history in VSUH. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.

E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

KALASHNIKOVA Elena Mikhaylovna – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences in Perm State Humanitarian Pedagogical University. 614990, Perm, 24 Sibirskaya Str.

E-mail: krauze@pspu.ru

KALININ Aleksandr Aleksandrovich – Candidate of Historical Sciences, Senior professor of the Department of General history in VSUH. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.

E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

KALININ Sergey Ivanovich – Doctor of Pedagogical Sciences, Associated professor, Head of the Department of Mathematical analysis and Training methods of Mathematics. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.

E-mail: kalinin_gu@mail.ru

KAPITON Vladimir Pavlovich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy in Dnepropetrovsk State Financial Academy. Ukrain, 49083, Dnepropetrovsk, 12 Arzhanova Str.

E-mail: kafguman@dsfa.dp.ua

KOSTIN Aleksey Aleksandrovich – Candidate of Historical Sciences, Assistant professor of the Department of General history in VSUH. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.
E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

LAVROV Vladimir Mikhailovich – Doctor of History, Chief research assistant in Russian History Institute in Russian Academy of Sciences. 117036, Moscow, 19 Dmitriya Ulyanova Str.
E-mail: iriran@mail.ru

MOSHANSKAYA Olga Lvovna – Doctor of Philology, Professor of the Department of World Literature in Nizhny Novgorod State Pedagogical University. 603005, Nizhny Novgorod, 1 Ulyanova Str.
E-mail: vsemirka@rambler.ru

OKULOV Stanislav Mikhailovich – Doctor of Pedagogy, Candidate of Technical Sciences, Professor of the Department of Applied mathematics and Informatics in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.
E-mail: okulov@vshu.kirov.ru

ROZUVAN Aleksey Mikhailovich – Dean of the Faculty of Law in VSHU, Honored lawyer in RF. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.
E-mail: rozuvan@vshu.kirov.ru

SAUTINA Elena Vasilyevna – Candidate of Pedagogy, Associated professor of the Department of Publishing business and Editing in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.
E-mail: sautinalina@yandex.ru

SEMENO Andrey Valeryevich – Candidate of History, Senior research assistant of the Department of State and Law's Theory and History in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.
E-mail: law@vshu.kirov.ru

SIMONOVA Galina Ivanovna – Doctor of Pedagogical Sciences, Head of the Department of Pedagogy in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.
E-mail: kaf_pedagogiki@vshu.kirov.ru

SOLOVYOVA Irina Abramovna – Candidate of History, Associated Professor of the Department of Native History in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

SUVOROV Gleb Vladimirovich – Assistant of the Department of Philosophy and Sociology in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.
E-mail: philosophy@vshu.kirov.ru

TRAPEZNIKOV Mikhail Vladimirovich – Postgraduate student of the Department of Philosophy and Sociology in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.
E-mail: mikail99@yandex.ru

KHODYREVA Elena Anatolyevna – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Pro-rector for Education in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.
E-mail: ur@vshu.kirov.ru

YAROSLAVCEVA Dinara Kamilovna – Assistant of the Department of State and Law's Theory and History in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.
E-mail: dinarayaroslavceva@yandex.ru

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Научный журнал № 4(1)

Подписано в печать 25.11.2012 г.
Формат 60×84 ¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Мysl.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,5. Тираж 1000. Заказ № 331.

Издательство
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
(8332) 673-674